

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ПЕРВАЯ
МИРОВАЯ ВОЙНА
1914 год

ТОМ ВОСЬМОЙ [155]
ИЮНЬ 2014

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА. 1914 ГОД

ТОМ ВОСЬМОЙ [155]

Под общей редакцией В.Ж. Цветкова

Редакция

А.Э. Титков	главный редактор, кандидат исторических наук
Д.В. Климов	зам. главного редактора, кандидат исторических наук
И.Я. Керемецкий	зам. главного редактора (художественный редактор), член Творческого союза художников России
Е.А. Радзиевская	ученый секретарь
Т. Лефю	редактор английской версии

Редакционный совет

Председатель редакционного совета

Е.И. Пивовар	ректор РГГУ, профессор, член-корреспондент РАН
--------------	---

Члены редакционного совета

А.А. Горский	доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН
С.В. Девятков	доктор исторических наук, профессор, советник директора ФСО России, заведующий кафедры истории России XX–XXI вв. исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
Д.Р. Жантиев	кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ
С.М. Исхаков	доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН
И.В. Курукин	доктор исторических наук, профессор РГГУ
А.Э. Титков	кандидат исторических наук, главный редактор журнала «Исторический вестник»

Компьютерный набор редакции. Дизайн и верстка Ю.В. Филимонова.

Подписано к печати 28.07.2014 г. Формат 70 × 108 1/16. Усл.-печ. л. 21. Печать офсетная. Заказ № 63

Адрес редакции: 105005, Москва, Аптекарский пер., д. 4, стр. 2, офис 214

Тел. +7 (495) 737-76-32, факс: +7 (495) 730-61-76

E-mail: info@runivers.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС77-51055 от 03 сентября 2012 г.

© АНО «Руниверс», 2014

*Материалы, публикуемые в журнале «Исторический вестник», могут не совпадать
с точкой зрения редакции.*

Отпечатано в полном соответствии с качеством

предоставленного оригинал-макета в ЗАО «Издательство ИКАР».

117485, Москва, ул. Академика Волгина, д. 6

Тел.: +7 (495) 936-83-28, +7 (495) 978-35-99. Тел./факс: +7 (495) 330-89-77

www.ikar-publisher.ru

Журнал «Исторический вестник» издается
при поддержке компании ОАО «АК «Транснефть».
ISSN 2306-4978

ОТ РЕДАКЦИИ

Столетие начала Первой мировой войны 1914–1918 гг. вызывает огромное общественное внимание во многих странах. Эта война вызвала невиданные ранее потрясения в жизни всех воевавших стран и оказала громадное влияние на весь ход истории XX века. Первоначальные планы непродолжительной, как рассчитывали военные стратеги и правители в разных европейских столицах, войны преимущественно в Европе обернулись в действительности несколькими годами масштабного мирового конфликта, приведшего в итоге к крушению Австро-Венгерской, Германской, Османской и Российской империй.

Номер посвящен кампании 1914 г., первым месяцам начавшейся европейской войны. В статье В.Ж. Цветкова проанализирована ситуация, связанная с подготовкой российской армии к этой войне, а также с разработкой предвоенных стратегических планов. А.В. Олейников показал театры военных действий русской армии в оперативно-стратегическом контексте на Восточном фронте мировой войны, подчеркнул роль России в срыве всего довоенного стратегического планирования германского блока — как германского, так и австро-венгерского. А.А. Мурашев обратился к Каушенскому сражению (6 августа 1914 г.) — одному из первых в истории Первой мировой войны, в котором приняли участие гвардейские полки русской армии. Это событие получило отражение в стихотворении одного из участников этого боя, которое впервые публикуется. Участие донских казаков в начальный период этой войны показано в статье А.В. Венкова. Статья Ю.А. Бахурина посвящена подготовке русской авиации к мировой войне и ее боевому применению в 1914 г., непростому дебюту русских военных летчиков. В.А. Пархоменко (Украина) охарактеризовал состояние украинской историографии Первой мировой войны, показал отношение воюющих сторон к населению и военнопленным на Восточном фронте, отметив, что войска Германии и Австро-Венгрии действовали на Восточном фронте, нарушая международные

конвенции ведения боевых действий. Невзирая на непредвиденные до-военными расчетами трудности в снабжении русской армии продовольствием и фуражом, в целом русские интендантские службы, как показал М.В. Оськин, справились с поставленными перед ними задачами в первые месяцы Первой мировой войны.

Публикуемый С.М. Исхаковым документ из архива Научного совета Российской академии наук свидетельствует о том, какой вклад сделал этот Совет в 1993 г. к сосредоточению внимания отечественных историков к проблемам истории Первой мировой войны и ее влияния на Россию.

В 1913–2014 гг. появилось значительное количество публикаций по истории первого мирового конфликта. В данном номере представлены рецензия на книгу В.В. Бондаренко (Беларусь), посвященную героям Первой мировой войны, и рецензия на сборник, подготовленный С.Н. Базановым и А.В. Олейниковым.

Исследователи продолжают поиск источников, посвященных разным сторонам этой войны. Малоизвестные стороны экономической политики в начале XX в., в том числе в годы Первой мировой войны, отражены в публикуемых В.Д. Лебедевым документах, недавно обнаруженных им в московском архиве. Публикуемые В.Ж. Цветковым документы отражают особенности полководческого таланта генерала М.В. Алексеева.

А.Э. Титков

главный редактор журнала

«Исторический вестник»

СОДЕРЖАНИЕ

В.Ж. Цветков. Генерал М.В. Алексеев и стратегическое планирование в русской армии накануне и в начальный период Первой мировой войны.	6
А.В. Олейников. Театры военных действий русской императорской армии в кампании 1914 г. в оперативно-стратегическом контексте.	50
А.А. Мурашев. «Как Конно-Гвардия отличилась...» К истории одной стихотворной реляции.	68
А.В. Венков. Донские казаки и начало Первой мировой войны.	84
Ю.А. Бахурин. Русская военная авиация в 1914 году.	102
В.А. Пархоменко. Начало Первой мировой в Европе: отношение воюющих сторон к населению и военнопленным на Восточном фронте.	124
М.В. Оськин. Продовольственное и фуражное снабжение русской армии в кампании 1914 г.	148

ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

С.М. Исаков. «Зарубежные историки проявляют больший интерес к нашим источникам, чем мы сами».	170
В.Ж. Цветков. Л.В. Саянский, В.В. Муйжель, С.Н. Базанов, А.В. Олейников. Великая война. 1914 г.: Три месяца в бою: дневник казачьего офицера // Л.В. Саянский. С жезлом в руках, с крестом в сердце (на Восточно-Прусском фронте); В.В. Муйжель. Первый год войны. / М.: Посев, 2014.	176
Ю.А. Бахурин. В.В. Бондаренко. Герои Первой мировой. / М.: Молодая гвардия, 2013.	182
С.В. Девятков. Происхождение и основные события войны.	188

ИСТОЧНИКИ

Государственный оборонный заказ в начале Первой мировой войны: по документам из личной коллекции проф. И.Х. Озерова.	192
Стратегия Варшавско-Ивангородской операции.	206

В.Ж. Цветков

ГЕНЕРАЛ М.В. АЛЕКСЕЕВ И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В РУССКОЙ АРМИИ НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Война со странами — членами Тройственного союза предвиделась в российских военных и политических кругах задолго до 1914 г. Было очевидно, что войну предстоит вести против двух государств — Германии и Австро-Венгрии. Уже с 1880 г., после окончания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и Берлинского конгресса, несмотря на неоднократные публичные заявления Гогенцоллернов и Габсбургов о миролюбивом направлении своей внешней политики, дальновидные военные считали, что следует «держатъ порох сухим».

Именно из предстоящей неизбежности боевых операций против армий Тройственного союза исходили планы, разрабатывавшиеся автором военной реформы Александра II, тогдашним военным министром генерал-фельдмаршалом Д.А. Милютиным и его ближайшим сотрудником, начальником Главного штаба генералом от инфантерии Н.Н. Обручевым. Договор с Францией в качестве обязательного условия предполагал, как известно, военную помощь России своей союзнице. Предвоенное сотрудничество генеральных штабов России и Франции способствовало сближению их военных доктрин.

В отечественной историографии одним из первых специальных исследований по данной теме стали работы бывшего генерала от инфанте-

рии, профессора Военной академии им. М.В. Фрунзе А.М. Зайончковского¹. По мнению другого крупного военачальника, генерала от инфантерии Ю.Н. Данилова, занимавшего в 1914 г. должность генерал-квартирмейстера Ставки главковерха, «в послевоенной литературе приходилось нередко слышать упрек в том, что Россия начала войну “распыленными” силами, причем критики не могут только сойтись в том, против которого из двух противников — Германии или Австро-Венгрии — необходимо было направить удар, ограничившись заслоном против другого». Союзнические обязательства перед Францией побуждали к сосредоточению основных сил против Германии. При этом сил, обеспечивающих «заслон» против австро-венгерской армии, имевшей к началу войны значительный наступательный потенциал, вполне могло оказаться недостаточно. Споры о приоритетности того или другого направления и соответствующего распределения сил и средств являлись, как свидетельствует Данилов, одним из сложных вопросов, стоявших перед Ставкой².

В целом в советской историографии оценки предвоенного стратегического планирования были довольно критичными. В качестве главных недостатков выделялось слепое следование необходимости «спасения» Франции от «тевтонского меча», а также отсутствие общепризнанного направления главного удара. Так, отмечалось, что хотя обеспечить оба направления достаточными силами не удалось, но все же Россия своим «наступлением в Восточной Пруссии оказала помощь своему союзнику — Франции в самое страшное для нее время»³.

Аналогичные недостатки предвоенного стратегического планирования отмечались в монографии И.И. Ростунова, выделившего также слабую разработку проблемы сосредоточения сил в прифронтовой полосе, ошибки в расчетах по перевозке войск. Он, в частности, отмечал, что русский Генеральный штаб, планируя переход армий от обороны к наступательным действиям, не «предвидел... что получится из наступления армий, еще не закончивших своего сосредоточения»⁴.

Проблемы стратегического планирования рассматривались и в современной отечественной историографии. В монографии М.В. Оськина отмечалась, в частности, опасность проведения частичной мобилизации

¹ Зайончковский А.М. Подготовка России к империалистической войне. М., 1926.

² Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. Париж, [1930]. С. 108.

³ Коркодинов П. Стратегические взгляды в период подготовки Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 1959. № 11. С. 49–50; Строков А.А. Вооруженные силы и военное искусство в Первой мировой войне. М., 1974. С. 182.

⁴ Ростунов И.И. Русский фронт Первой мировой войны. М., 1976. С. 95.

российских вооруженных сил в ущерб мобилизации общей, поскольку тем самым объективно усложнялось положение прифронтовых армий. 16 июля 1914 г. Николаем II было решено, что «мобилизовывались только Варшавский, Киевский, Одесский и Московский военные округа (т.е. исключительно против Австро-Венгрии, дабы не провоцировать немцев»⁵. Как недостаток в работе Генштаба Оськин также указывал на недоработку графиков сосредоточения войск на западной границе, чем осложнялась работа российской дипломатии.

Интересные оценки можно отметить и при обсуждении проблем направления наступлений армиями Восточного фронта. По мнению ряда современных исследователей, подготовка к нанесению одновременно двух расходящихся ударов — на Восточную Пруссию и на Галицию — была неоправданно опасна и безрассудна. Обоснование этого тезиса дано, в частности, в статье американского историка Б. Меннинга, где отмечалось, что «пока русская армия не смогла бы эффективно справиться с германским противником, любой успех против австрийцев был бы эфемерным... Данилов и Алексеев позабыли о старой русской поговорке “за двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь”, а это и дает ответ на вопрос о совместной ответственности за планирование процесса», который привел к катастрофам 1914 г. на Восточном фронте⁶.

Из работ по проблемам стратегического развертывания необходимо отметить работы О.Е. Алпеева. На основании широкого круга архивных источников им была составлена периодизация военного планирования в России в конце XIX — начале XX в., анализировались дискуссии в отношении определения направлений стратегических операций в предстоящей войне. В частности, одним из важных факторов, повлиявших на составление планов, автор считал отсутствие единства мнений и действий внутри российского военного руководства. Им отмечалось наличие серьезных разногласий между командованием военных округов, Главным управлением Генерального штаба (ГУГШ) и Военным министерством. Субъективные факторы, по мнению Алпеева, сыграли решающую роль в недостаточной подготовке русской армии к испытаниям первых месяцев войны. «Изменение русского плана войны в пользу австро-венгерского направления...» явилось, как считает Алпеев, причиной провала в авгу-

⁵ Оськин М.В. Первая мировая война. М., 2010. С. 47.

⁶ Меннинг Б. Фрагменты одной загадки: Ю.Н. Данилов и М.В. Алексеев в русском военном планировании в период, предшествующий Первой мировой войне // Последняя война Императорской России: сборник статей. М., 2000. С. 65–91.

сте—сентябре 1914 г. Восточно-Прусской операции и «нерешительного итога» Галицийской битвы⁷.

Споры о наличии или об отсутствии в России военной доктрины накануне этой войны продолжают до сих пор. Так, например, во время проходившей в ноябре 2013 г. в Государственном историческом музее Международной научной конференции «Первая мировая война: взгляд спустя столетие. Предвоенные годы» проведена дискуссия, на которой были высказаны мнения о серьезных противоречиях среди российского военного руководства, об отсутствии слаженности в решениях и действиях сухопутной армии и флота, о конфликтах среди разработчиков стратегических операций. Исходя из этого, говорить о наличии единой военной доктрины затруднительно.

При оценке данных планов нужно исходить, прежде всего, не из современных представлений о правильности той или иной стратегии, и даже не из более поздних взглядов на ход и последствия Первой мировой войны (что характерно, например, для представителей русской военной эмиграции), а из тогдашних подходов в оценке противника и из самооценки русских военачальников. Военная доктрина не носила характера «Высочайше утвержденного» и соответствующим образом оформленного документа. Думается, что подобного рода представления о «доктрине» отражают современные взгляды на нее.

Данная статья посвящена вопросу о вкладе генерала от инфантерии, генерал-адъютанта Михаила Васильевича Алексеева в составлении и реализации стратегических планов российских вооруженных сил в предвоенный период и во время первых операций Первой мировой войны.

Поскольку предстоящую войну предполагалось вести против двух государств (Германии и Австро-Венгрии) одновременно, то проблема заключалась лишь в возможности ведения одинаково напряженных боевых действий на обоих участках передового театра войны. Таковым, в силу исторически сложившейся западной границы Российской империи, были Привислинский край (губернии Царства Польского) — выступ, охваченный с севера и юга территориями немецкой Восточной Пруссии и австро-венгерской Галиции. Принципиально важным пунктом «Милютинской доктрины» («Соображения о планах ведения войны») стало положение об обязательной обороне территорий правобережья Вислы.

⁷ Аллеев О.Е. Борьба в русском Генеральном штабе из-за вопросов военного планирования во время мобилизационного кризиса 1912–1913 гг. // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. Материалы Международной конференции «Первая мировая война и современный мир. 26–27 мая 2010 г.». М., 2011. С. 198–200.

Естественное преимущество — крутизна правого берега — использовалось при строительстве крепостей. С правого фланга на левый протянулась крепостная линия, опиравшаяся на Осовец, Новогеоргиевск, Ивангород, с укрепленными подступами к Варшаве. Левобережье Вислы предполагалось в качестве обширного плацдарма для проведения наступательных операций в общем направлении на Познань, Бреславль, Краков и далее — на Берлин и Вену. Сущность «милютинских» идей довольно точно излагалась видным военным теоретиком, генерал-лейтенантом Н.Н. Головиным. Ударом с этого «выступа» по флангам неприятельских войск, расположенных в Восточной Пруссии и в Галиции, для русской армии облегчалось, как полагал Головин, дальнейшее наступление на Берлин и Вену⁸.

В 1907 г. Россия вступила в эпоху реформ, связанных с именем П.А. Столыпина, в период перемен во всех сферах государственной и общественной жизни. Период 1906–1913 гг. стал наиболее интенсивным и эффективным, с точки зрения эволюции русского военного искусства начала XX столетия. Заметное место в разработке на новом этапе стратегического планирования российских вооруженных сил принадлежало генерал-лейтенанту Алексееву, чье значение в формировании российской предвоенной доктрины, к сожалению, еще недостаточно оценено. Алексееву суждено было не только «теоретически» составлять и переосмысливать положения прежних предвоенных планов, но и позже, будучи начальником штаба Юго-Западного фронта, участвуя в руководстве войсками в Галицийской и Варшавско-Ивангородской операциях, оценить их состоятельность «на практике».

Вернувшись с фронта Русско-японской войны 1904–1905 гг., Алексеев 27 сентября 1906 г. принял должность 1-го обер-квартирмейстера в ГУГШ. К этому времени его представление о целях и задачах полководческого искусства было вполне сложившимся. Далеко не последнюю роль сыграла в этом его преподавательская работа в Академии Генерального штаба на кафедре истории русского военного искусства (с 26 августа 1898 г.). Еще будучи полковником, Алексеев разработал курс лекций по отечественной военной истории XVIII столетия. В 1900 г. им была опубликована статья, в которой он приводил примечательные характеристики поведения А.В. Суворова во время подавления Польского восстания 1794 г. и знаменитых Итальянского и Швейцарского походов

⁸ Головин Н.Н. Из истории кампании 1914 года на русском фронте. Галицийская битва. Первый период до 1 сентября нового стиля. Париж, 1930. С. 20–21.

1799 г.⁹ Понимание подхода автора статьи к оценке деятельности великого русского полководца во многом объясняет мотивацию тех или иных решений и поступков самого Алексеева.

В своих письмах супруге А.Н. Пироцкой, написанных во время Русско-японской войны, Алексей выражал свое отношение к полководческому искусству в современной войне. В начале февраля 1905 г. он писал: «...Полководцу нужны: талант, счастье, решимость. Не говорю про знание, без которого нельзя браться за дело. Оценку таланта делать еще не время. Военного счастья нет, а решимость просто отсутствует, а между тем на войну нужно дерзать и нельзя все рассчитывать... мы никак не выберемся из области взятия той или другой деревни, вместо постановки цели ясной, широкой, определенной и направления для этого сил достаточных». В другом письме генерал подчеркивал важность единоначалия в условиях войны — единоличного принятия решений и их коллективного исполнения: «Единая воля должна повелевать, а десяток дружных умов и воля должны исполнять. Это идеал военного управления, а мы далеки от него. Решать хотим коллективно то, что должно выливаться из одного ума, исполнять хотим в одиночку то, что должно быть исполнено коллективно, но дружно и согласно». Правда, нужно заметить, что такое весьма критичное свое отношение к военачальникам генерал никогда не выражал открыто, за пределами частных бесед и семейной переписки¹⁰.

После войны, состоя на службе в ГУГШ и координируя разработку стратегических планов в соответствии со своими должностными обязанностями, Алексей должен был максимально учитывать не только наличие «милютинско-обручевского» плана действий, но и те изменения, которые невозможно было игнорировать после 1905 г. Прежде всего предстояло по-новому оценить перспективы «крепостной линии» Привислинского края. Опыт обороны Порт-Артура свидетельствовал, что крепость, с одной стороны, может «сковывать» вокруг себя довольно значительные силы противника, удерживая их от появления на других участках фронта. Однако в условиях плотной блокады крепость рано или поздно может быть сдана неприятелю, и ее падение, по сути — это лишь «вопрос времени». Крепости Привислинского края имели довольно выгодное расположение, поскольку представляли собой опорные звенья, связывающие между собой русские

⁹ См.: Алексей М.В. Суворов и два «Совета»: Петербургский 1794 года и Венский 1799 года // Суворов в сообщениях профессоров Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1900. С. 149, 154, 168.

¹⁰ Алексева-Борель В. Аргентинский архив генерала М.В. Алексева // Военно-исторический журнал. 1992. № 10. С. 51–58; 1992. № 11. С. 56.

армии, предполагавшиеся к дислокации в Варшавском военном округе. Но в случае «разрыва цепи», прорыва австро-германских войск через Вислу в тыл русским позициям неизбежными становились либо эвакуация крепостей, либо их оборона, но уже в условиях плотного вражеского окружения. Для продолжительной обороны, для того чтобы «притягивать» к себе противника, необходимо не только обеспечение крепостей надежным гарнизоном, артиллерией, провиантом, но и модернизация самих укреплений, их подготовка к противодействию осадной артиллерии противника. Для Алексева подобные условия представлялись хотя и требующими дополнительных расходов, но вполне выполнимыми.

В августе—сентябре 1907 г. Алексеев участвовал в инспекторской поездке, проведенной по инициативе начальника Академии Генштаба генерала от инфантерии Ф.Ф. Палицына. В частности, было проверено состояние укреплений Новогеоргиевска и подступов к нему. Алексеев высказывал сомнения в степени их надежности. В одном из писем супруге он писал: «Переезжаем... в Зегрж... Несмотря на 27 только верст, отделяющих нас от Новогеоргиевска, до сих пор не установлено никакого сообщения... Зегрж летом — это дача... с фруктовым садом»¹¹.

Очевидными становились опасения другого рода. Для эффективно-го противодействия врагу, в случае его продвижения в Польше, следовало предусмотреть дополнительную линию укреплений, прикрывающую уже территорию Белоруссии, малороссийских и прибалтийских губерний. В докладных записках в 1906, 1908 гг. Алексеев принципиально поддерживал идею строительства дополнительных крепостей в тылу «передового театра». Как отмечал, будучи в эмиграции, военный исследователь генерал-лейтенант П.П. Ставицкий, «заслуживает внимания записка генерала Алексева 1908 года», в которой излагался план создания оборонительных линий по Висле, Неману, в районе Смоленск — Витебск — Орша — против германского фронта, а также в районе Луцк — Ровно — против австрийского фронта. Для этого предлагалось использовать старые крепостные сооружения Новогеоргиевска, Варшавы, Ивангорода, Брест-Литовска, Олиты и другие, соответственно их заблаговременно оснастить и укрепить¹².

Таким образом, оборона крепостной линии и контрудары на Левобережье Вислы не становились уже альфой и омегой для русской военной

¹¹ Алексеева-Борель В. Лагерный сбор 1907 года (Из писем генерал-майора — тогда — Михаила Васильевича Алексева) // Военная быль. (Париж). 1972. № 115. Март. С. 2—3.

¹² Ставицкий П.П. Военно-инженерная подготовка к обороне России // Высшие военно-научные курсы под руководством профессора генерал-лейтенанта Н.Н. Головина. Лекции № 8 и 9. Париж, 1938. С. 10.

мысли межвоенного (1905–1914 гг.) периода. В то же время планирование нового укрепленного рубежа отнюдь не свидетельствовало о намерении сдать Привислинский край австро-немецким войскам. Напротив, опираясь на имеющиеся и новые крепостные линии, русские войска могли сдерживать наступление противника. Кроме того, учитывая характерные для России обширные пространства и недостаточную густоту железнодорожных и шоссейных дорог, и, как следствие этого, задержки при сосредоточении войск на «передовом театре», новые крепости стали бы узловыми пунктами рубежей, опираясь на которые, подошедшие из внутренних округов подкрепления могли бы поддерживать уже втянувшиеся в бои армии.

Вскоре, однако, в руководстве империи стали распространяться мнения о неизбежном отступлении русских войск из Польши. Родственник Алексева М.К. Борель вспоминал, что «оперативная часть Генерального штаба изменила план операции Милютин и Обручева и пришла к печальному заключению, что выстроенные по течению Вислы крепости России не нужны, что задержка должна произойти на линии Ковно — Гродно, что немцы якобы устанут от больших переходов через Польшу и что Россия будет вести не наступательный образ действий, а оборонительный». Борель отмечал распространенное мнение о том, что приверженность «оборонительным» действиям была присуща военному министру генералу от кавалерии В.А. Сухомлинову, начальнику Генерального штаба генералу от кавалерии Я.Г. Жилинскому, генерал-квартирмейстеру ГУГШ генерал-лейтенанту Ю.Н. Данилову, начальнику Николаевской военной академии генерал-лейтенанту Н.Н. Янушкевичу, генералу от инфантерии Н.В. Рузскому, генералу от инфантерии А.Е. Эверту, генералу от инфантерии А.Н. Куропаткину. Как писал Борель, «на возвращении к суворовскому методу ведения войны настаивали генерал Алексеев, а также начальник ГУГШ в 1905–1908 гг. генерал от инфантерии Ф.Ф. Палицын, профессора Николаевской военной академии Н.Н. Головин и А.К. Баиов и многие другие офицеры Генерального штаба более молодого возраста. И вот офицеров, которые придерживались старой суворовской тактики, прозвали “младотурками”»¹³.

И все же подобное разделение на сторонников «оборонительных» или «наступательных» действий представляется довольно условным. Более точно, очевидно, определить их не как принципиальных противников, а как

¹³ Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 6435. Оп. 1. Д. 33. Л. 1–2.

выразителей одной и той же точки зрения на перспективы стратегического планирования, но с различными подходами к тактике действий. Алексеев не отвергал категорически ни планов активных действий на Левобережье Вислы, ни возможности «втягивания» противника вглубь России, поскольку и в том, и в другом случае предполагалось обязательное последующее контрнаступление русских войск в общем стратегическом направлении на Будапешт, Вену и Берлин. В любом случае, по расчетам Алексеева, следовало сперва дождаться сосредоточения мобилизуемых сил, а затем перейти в контрнаступление. Конечно, Привислинские крепости должны были модернизироваться. Самым «дальним» укрепленным районом мог стать треугольник Смоленск — Витебск — Орша. Этот рубеж прикрывал уже дорогу на Москву. На юге рубеж обороны и развертывания войск, по замыслу Алексеева, должен был опираться на укрепленный район Луцк — Кременец — Ровно, центром которого становилась бы крепость Ровно. Следовало также укреплять Киев как «третью столицу», прикрывавшую путь на Москву с юга. Балтийское море и рубеж реки Западная Двина прикрывал дорогу к Санкт-Петербургу. Абоская и Моонзундская позиции должны были прикрывать подступы к Финскому заливу.

Несмотря на очевидность поддержки идеи «крепостной обороны», укрепления и строительства новых крепостей, позиция Военного министерства изменилась в 1910–1911 гг. В расчет принимались теперь не только военно-стратегические соображения, но и проблемы финансирования. Как отмечал Ставицкий, военным министром Сухомлиновым «инженерная подготовка Западного края, признававшаяся правильной и необходимой в течение долгих десятилетий, упразднялась совершенно неожиданно, без всяких предварительных обсуждений этого вопроса первостепенной государственной важности, даже без осведомления об этом ближайших помощников военного министра». Ожидаемой модернизации крепостей не произошло. Правда, существовавшие укрепления не были уничтожены, сослужив хорошую службу русским войскам в 1914–1915 гг. и даже в 1941 г. В 1912–1913 гг. в Главном штабе все же утвердился вывод о важности сохранения части крепостей для защиты переправ через Вислу... Но план Алексеева 1908 г. был «положен под сукно». Все его предложения «остались на бумаге, и ни к постройке новых крепостей, ни к капитальному переустройству существующих у нас так и не приступили»¹⁴.

Последовательное рассредоточение сил вдоль границ империи обсуждалось достаточно активно. В частности, проект, составленный генерал-лейте-

¹⁴ Ставицкий П.П. Указ. соч. С. 10–12.

Начальник штаба Киевского военного округа генерал-лейтенант М.В. Алексеев.
1910 г.

нантом Даниловым, исходил из необходимости максимально возможного растягивания сил для прикрытия всех угрожающих России участков границы. Согласно этому проекту предполагалось создание сильных армейских группировок на Севере России, в Привислинском крае, на Кавказе, в Туркестане и на Дальнем Востоке. При том, что наиболее сильная группировка оставалась в Польше, остальные, потенциально угрожающие, участки границы также должны были защищаться¹⁵.

Алексеев, уверенный в том, что задачей военного командования должен быть умелый выбор «направления главного удара», не мог согласиться с точкой зрения об оправданности рассредоточения вооруженных сил и об отводе их от государственных рубежей. Следовало сосредоточиться только на приоритетных направлениях, оставив разрешение проблем на других, потенциально опасных «театрах военных действий» дипломатам и экономистам. В ГУГШе им был разработан план улучшения штабной работы, в основе которой, по оценке ближайшего сотрудника Алексева генерал-майора В.Е. Борисова, должен быть учет лучших традиций военного искусства, в частности — опыта штабной работы Суворова и Наполеона. Алексеев утверждал, что роль «полководца», иными словами — Верховного главнокомандующего, должна быть максимально освобождена от «текущей» штабной работы с той целью,

¹⁵ Зайончковский А.М. Указ. соч. С. 159.

чтобы сосредоточиться на выработке стратегии военных действий. Задача полководца — разработка, если можно так сказать, «философии войны», учитывающей не только сугубо военные, технические факторы, но и экономическое состояние государства, прочность его политической системы, состояние общества¹⁶.

Алексеев выступал также за обоснование главных, стратегических направлений в проведении предстоящих в будущей войне операций. В рассредоточении сил он не видел смысла и в большинстве своих предвоенных планов отстаивал идею нанесения главного удара именно по Австро-Венгерской империи. Еще 30 августа 1908 г. Алексеев принял должность начальника штаба Киевского военного округа, войска которого ориентировались на удар в Юго-Западном направлении.

Округом командовал тогда будущий военный министр Сухомлинов. В случае начала военных действий Алексеев становился начальником штаба Юго-Западного фронта, а части, дислоцированные в округе, обязаны были принять на себя удар со стороны Австро-Венгрии и, отразив его, перейти в контрнаступление в Прикарпатье, в Галицкую Русь и далее наступать на Венгерскую равнину — к Будапешту, на Прагу и Вену. В 1908 г. в российских военных и политических кругах, в периодической печати активно обсуждалась перспектива вероятной войны на Балканах, связанная с «Боснийским кризисом» — аннексией Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в 1908 г.

Ограниченность в средствах, нужных для усиления боеготовности армии и флота, не означала, однако, замедления темпов подготовки к войне, хотя и ограничивала возможности российских вооруженных сил по ведению войны. Широкомасштабные боевые операции одновременно на всем протяжении западной границы представлялись невозможными, поэтому насущной необходимостью признавалось сосредоточение ударов на приоритетных направлениях. Полагать же, что военные действия обойдут Россию стороной и новый «кризис» на Балканах будет также разрешен «дипломатическим путем», считалось серьезным и опасным заблуждением. Но при этом признавалось безусловным, что Российская империя не начнет войну первой, ни в коем случае не станет агрессором. Русские войска проведут активную оборону и затем смогут перейти в наступление.

Правда, еще в сентябре 1906 г. Алексеевым (в соавторстве с полковником С.К. Добровольским) был написан служебный доклад, отмечавший

¹⁶ Борисов В. Генерал М.В. Алексеев. Начальник штаба Верховного главнокомандующего в войну 1914–1915 годов // Военный сборник. (Белград) 1922. № 2. С. 3–5.

неизбежность будущего столкновения России с Германией, являвшейся «душой и связующим звеном коалиции» — Тройственного союза. Написанный, во многом, под впечатлением неудач в Русско-японской войне 1904–1905 гг., доклад исходил из возможности сугубо оборонительных действий в Польше — Привислинском крае — с перспективой возможного перенесения военных действий в Восточную Пруссию. 22 августа 1908 г. Алексеевым, совместно с генералом Палицыным, был составлен «Доклад о мероприятиях по обороне государства, подлежащих осуществлению в ближайшее десятилетие», основанный на признании приоритета Юго-Западного («австро-венгерского») направления перед Северо-Западным («германским») ¹⁷.

17 декабря того же года им самим была составлена служебная записка военному министру о стратегическом планировании (намечалась в качестве основы для составления очередного мобилизационного расписания), в которой обосновывался выбор будущих боевых операций. Рассматривая ее, следует обратить внимание на присущую Алексееву логичность в описании потенциально опасных участков западной границы. В начале записки он отмечал негативный характер стремлений «все прикрыть и везде оставить войска, и притом не только второлинейные, резервные, но и полевые». Кроме того, рассредоточение сил не избавляло от необходимости переброски подразделений против «неожиданно» возникающих опасностей: «Одна лишь возможность десанта со стороны германцев (на Балтике. — В.Ц.) заставила нас ослабить свои силы на решительном театре — на западной сухопутной границе — на два армейских корпуса и на шесть резервных дивизий. Равным образом предположение, что Румыния должна объявить нам войну одновременно с Германией и Австро-Венгрией, побудило существенно ослабить войска на австрийской границе образованием сильной группы против Румынии».

На смену рассредоточению должно прийти сосредоточение, считал Алексеев: «В интересах достижения успеха на главном театре действий нужно ставить на подобающее место заботы о второстепенных театрах. Какие успехи ни были бы одержаны нами в Бессарабии, на Балтийском побережье, но они не облегчат нашего положения, если армии наши будут разбиты на западном фронте». Генерал считал, что не менее важным является способность дипломатов нейтрализовать потенциально опасных противников России. «Заботы о прикрытии всех наших окраин мы распространяем

¹⁷ Полный текст см.: Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 156. Л. 1–44.

и далее, совершенно исключая работу дипломатии. Мы оставляем на местах все войска Кавказского, Туркестанского, Иркутского и Приамурского округов. Вести одновременно борьбу с общей коалицией все равно невозможно. Между тем, только одно предположение о возможности враждебных действий со стороны Турции, Англии (со стороны Индии), Китая и Японии заставляло нас исключить из боевого расписания для западного фронта все войска наших азиатских округов. Нельзя согласиться с таким решением. И эти округа нужно рассматривать как второстепенные театры и тянуть из них все, что возможно, на западную границу».

Алексеев ставил на первое место территорию «передового театра», «польского выступа». Ее следовало усилить за счет корпусов, перевезенных из Петербургского округа, из-под Риги и из Бессарабии: «Все наши европейские полевые корпуса должны быть собраны туда, где решится участь войны». Кадровые части должны были сосредоточиваться против Германии и Австро-Венгрии, тогда как на Кавказе, в Средней Азии и на Дальнем Востоке следовало ограничиться «резервными войсками» и запасными батальонами. «...Ополчение и должно принять на себя охрану окраин, а полевые войска оттуда постепенно должны быть привлекаемы на театр войны или послужить прочным кадром для новых формирований».

Отличительной чертой стратегического «почерка» генерала — как накануне, так и в годы войны — была проблема обеспеченности фронта сильными резервами, способными наносить удары, в зависимости от складывающейся обстановки на том или ином участке фронта. Поскольку полной уверенности в том, кто именно из двух противников России (Германия или Австро-Венгрия) первым развернет широкомасштабные боевые операции, не было, то Алексеев утверждал, что нужно так направлять войска, «чтобы они могли быть в большей своей части употребляемы против того или другого из противников». Хотя для самого Алексеева приоритет оставался за юго-западным направлением, Австро-Венгрия представлялась главным соперником: «Когда мы, сосредоточив все свои силы, будем считать возможным нанести удар, то, казалось бы, выгоднее направить усилие против Австрии. Здесь более определенная обстановка: мы в точности почти будем знать противопоставленные нам силы, район их сосредоточения, театр борьбы (первоначально — Галиция) менее подготовлен в инженерном отношении и представляет противнику менее выгод при обороне».

Что касается Германии, то, никоим образом не умаляя важность готовности к борьбе с наиболее сильной в военном отношении страной Тройственного союза, Алексеев был уверен в том, что перспективы успеха

В штабе Киевского военного округа.

Старший адъютант полковник М.К. Дитерихс (во втором ряду слева) и начальник штаба округа генерал-лейтенант М.В. Алексеев (в центре). 1911 г.

в российско-германском противоборстве все же меньшие, в сравнении с перспективами нанесения главного удара против Австро-Венгрии. «Нанося удар против Германии, мы втянемся в долгую и — надо опасаться — бесплодную борьбу в Восточной Пруссии. Германцы немало потрудились над подготовкой этого выгодного для них района в оборонительном отношении, не упуская из вида обратить его и в базу для наступательных действий. Решительных результатов в борьбе против Германии мы можем достигнуть, лишь перенеся свои действия на левый берег Вислы», — писал он, отстаивая уже известный «милютинско-обручевский» тезис о развитии контрударов на Левобережье.

Общий стратегический вывод Алексеева содержал весьма интересную схему. Он предлагал развернуть против Германии 6 корпусов из состава Петербургского и Виленского округов, а против Австро-Венгрии — 7 корпусов, сформированных в Киевском и Одесском округах. Между ними, прикрывая центральное направление, следовало расположить 10 корпусов, сформированных в Варшавском, Виленском и Московском округах. Составляя мобильный резерв, своего рода «ось весов», они, в зависимости от складывающейся боевой обстановки, могли быть использованы как на «правой чаше» — против Германии, так и на «левой чаше» — против Австро-Венгрии. Равно и перевозимые из Сибири и Туркестана корпуса могли пойти на усиление или «германского», или «австро-венгерского» направления,

или же обоих сразу. Крепостной «район», который, по мнению Алексеева, следовало сохранить и усилить, состоял из «треугольника» Новогеоргиевска, Варшавы и Ивангорода. Генерал считал необходимым «использовать, по мере возможности, все железнодорожные линии, ведущие к границе, в интересах ускорения подвоза». Кроме того, «наметить так районы первоначального развертывания, чтобы Главнокомандующий имел возможность направить главную массу своих сил против одного из противников, оставляя против другого обеспечивающий заслон. При такой первоначальной группировке не придется переделывать плана перевозок в том случае, если нам нужно будет вести войну не с коалицией, а с Германией или Австро-Венгрией в отдельности».

Следовало поэтому как можно быстрее принять новое мобилизационное расписание, в котором четко обозначить поручения высшего командного состава. Следовало также особое внимание уделить модернизации железнодорожной сети, ориентированной на западные рубежи империи. «Общее содержание директив, — заканчивал Алексеев, — даст направление подготовительным работам в округах. Отсутствие указаний на необходимость перехода в наступление повело к тому, что этот вопрос не получает сколько-нибудь основательного освещения. Нет изучения путей, соображений о порядке подвоза, устройства переносных железных дорог, этапов и т. д. Данные о цели действий по сосредоточению сил должны быть включены в директивы, дабы служить основой для разработки»¹⁸.

План Алексеева не был единственным, и в конце 1910 г. в планах ГУГШ преимущество главного удара снова отдавалось «германскому направлению». Ввиду этого близ российско-германских границ в Восточной Пруссии разворачивалось 19 армейских корпусов, а против австрийцев предполагалось направить только 9. Споры о приоритетности того или другого направления оказывались малосодержательными по существу, поскольку, глядя через «призму» геополитических интересов, удар по Австро-Венгрии в юго-западном направлении способствовал бы решению задач, связанных с «освобождением славянства от ига Габсбургской монархии», а удар на Германию диктовался в первую очередь важностью соблюдения «союзнических обязательств» перед Антантой (Францией прежде всего). И то и другое являлось принципиально определяющим в вопросах стратегического планирования.

В 1909–1912 гг. на страницах «Русского инвалида» и ряда других изданий развернулась дискуссия, участники которой по-разному оцени-

¹⁸ Зайончковский А.М. Указ. соч. С. 348–354.

вали возможности создания в России обобщенной военной доктрины, приемлемой и понятной как для военного командования, политического руководства, так и для широких кругов российского общества. Следовало понять «философию войны», ее предназначение и, самое главное, ее соответствие русскому национальному духу. Не случайно, что генерал В.Е. Борисов акцентировал внимание на наиболее популярном накануне войны полководческом искусстве Суворова. «Наука побеждать» должна была стать основой «смелой, наступательной стратегии», способной противостоять немецкой доктрине с ее излишним «авантюризмом» и ярко выраженным агрессивным духом. С Борисовым соглашались и другие военные авторитеты (в частности, ординарный профессор Николаевской военной академии генерал-лейтенант А.Г. Елчанинов, профессор академии генерал-майор А.А. Незнамов)¹⁹.

В 1910–1913 гг. признание неизбежности войны, в значительной степени, усиливало стремление обеспечить необходимую боеготовность на всех потенциально опасных направлениях. По утверждению Главноуполномоченного Красного Креста, камергера Высочайшего Двора князя А.Г. Щербатова, «усиление государственной обороны России в настоящее время необходимо прежде всего для обеспечения мира». В книге, опубликованной в 1912 г., он отмечал, что Россия должна «свыкнуться с тем, что у нее нет и не может быть твердых союзников, так как в силу ее мощи, в силу ее богатств выгоднее будет на нее напасть, чтобы за ее счет поживиться, чем довольствоваться только мирным союзом»²⁰.

Постепенно стали меняться и представления о характере предстоящих боевых операций. Скептицизм тех, кто опасался скорого начала войны, сомневался в прочности границ и стремился к «рассредоточению» сил по периметру империи и, еще хуже, допускал отступление от западных границ Привислинского края, становился все более и более незаметным на фоне все возрастающей уверенности в неизбежной победе русского оружия над любым, даже очень сильным врагом. В свете данных настроений уже по-иному выглядели перспективы стратегических планов ГУГШ или Военного министерства. Вот как, например, в вышедшем уже в военном 1914 г. XVII томе Военной энциклопедии начальником штаба 1-й Гвардейской дивизии генерал-майором К.И. Рыльским объяснялось

¹⁹ Борисов В.Е. Смелая наступательная тактика. Русская военная доктрина. СПб., 1913. С. 8; Незнамов А.А. К вопросу о военной доктрине // Русский инвалид. 1912. 18 октября.

²⁰ Щербатов А. Государственная оборона России // Государственная оборона России. Императивы русской военной классики. М., 2002. С. 321–324, 342–343.

понятие «Оборона государственная»: «...оборону государственную не следует отождествлять с пассивным сопротивлением на границе или вообще с оборонительной войной...», необходимо «...ввести наступательную доктрину в воспитательную систему народа и армии... и придать... всей системе обороны государственной необходимый для нее характер активности, смелости и инициативы»²¹.

Полковник А.М. Дмитриевский на страницах «Военного сборника» в 1913 г. отмечал, в отличие от многих своих современников, решающее значение массовой психологии, а не парадных слов и обращений: «Не личные самолюбия и актерское красноречие спасли Россию в смутную эпоху и Отечественную войну, а только воистину священное чувство — любовь к своему Отечеству масс. Вот солнце, светившее России всегда полным светом»²².

Далеко не последнее место в формировании подобной уверенности в безусловной победе русского оружия имела оценка состояния и перспектив развития российской экономики накануне войны. По убеждению известного ученого, министра финансов Временного правительства М.В. Бернацкого, значительный рост экономического потенциала позволял рассчитывать на то, что военное напряжение удастся выдержать: «Уже с конца прошлого века империя вступила в период интенсивного торгово-промышленного развития. Процесс этот лишь на короткое время был задержан неудачной Японской войной, с тем чтобы после достигнутого внешнего и внутреннего успокоения принять исключительно быстрый темп»²³.

Следует также отметить окончательную разработку целого комплекса уставных положений, в который, помимо «Устава полевой службы» (1912 г.) и «Положения о полевом управлении войск в военное время» (1914 г.), были включены также «Устав строевой службы» (1908 г.), «Наставление по обучению стрельбе» (1908 г.), «Наставление по войсковому инженерному делу» (1910 г.) и др. В 1912 г. Николай II указал на необходимость прекращения дискуссий о «военной доктрине» в периодической печати, отметив, что определение военно-политического курса страны представляется его личными решениями и не подлежит обсуждению общественности, так как именно ему как Верховному руководителю не

²¹ Рыльский К. Оборона государственная // Военная энциклопедия. Т. XVII. Пг., 1914. С. 76.

²² Дмитриевский А. Пользуемся ли мы уроками истории? // Государственная оборона России... С. 481—482.

²³ Бернацкий М. Экономическая жертва России союзному делу // Русский инвалид. (Париж). 1939. 20 июля. С. 17—18.

только империи, но и ее вооруженных сил принадлежит «последнее слово» в военном планировании²⁴.

Итак, каковы же основные положения фактически сложившейся военной доктрины России? Война может стать неизбежной только в том случае, если будут исчерпаны все дипломатические способы к ее предотвращению. Россия ни при каких обстоятельствах не начнет агрессивных действий. В случае начала войны русская армия и флот должны быть готовы к отражению возможных операций вторжения потенциально очевидных противников — Германии и Австро-Венгрии, но действовать при этом с тем расчетом, чтобы, «отбросив врага» на «передовом театре», развить последующее контрнаступление и перейти к сильным ударам на Вену, Будапешт и Берлин. При неблагоприятном течении событий на фронте армия сможет отступить на заранее подготовленный крепостной рубеж Ковно — Гродно — Брест и развивать наступление с этих позиций. Предстоящая война будет носить коалиционный характер и от координации действий стран Антанты будут зависеть как результат, так и сроки ее победоносного завершения. Ускорит ее ход и военно-технический прогресс, широкое внедрение в «традиционные» рода войск (пехоту, кавалерию, артиллерию) новых моделей стрелкового оружия, артиллерийских орудий, аэропланов, броневых автомобилей и бронепоездов, средств связи.

Перечисленные выше предположения, составлявшие, в целом, основу русской военной доктрины, не были бесспорно идеальны. Ее недостатки проявятся позже и станут особенно заметны спустя годы после окончания войны. В эмиграции, в советской военной науке, и в современной историографии встречалось подчас мнение об изначально ошибочной стратегии русской армии в 1914 г. Но, отметим еще раз, накануне войны в России мало кто сомневался в правильности избранного курса. Известно также, что любой, даже самый совершенный план и любая, даже официально утвержденная доктрина достаточно условны и относительны. В них невозможно предусмотреть всех «деталей», роль которых, при определенных обстоятельствах, может оказаться решающей. Да и сами эти обстоятельства меняются подчас столь стремительно и неожиданно, что предусмотреть это наперед — нереально. Последующие события это подтвердили.

Определяющие принципы ведения боевых действий отмечались и в утвержденном накануне войны Уставе полевой службы (Высочайше утвержден 27 апреля 1912 г.), и в Положении о полевом управлении войск в военное время (утверждено накануне войны 29 июля 1914 г.). И здесь

²⁴ История Первой мировой войны. 1914–1918. Т. 1. М., 1975. С. 183–184.

приоритет отдавался активным, наступательным формам ведения боя. Оборона предполагалась лишь в случае неудачного развития наступления («когда поставленная цель не может быть достигнута наступлением»)²⁵.

«Наступательный» характер военных приготовлений был, в общем, характерен не только для России. Под влиянием растущей агрессивности Германской и Австро-Венгерской империй в странах Антанты усиливалось ощущение приближающегося противостояния потенциальным врагам: наступательная «эйфория» была характерна для немалой части общественных настроений и во Франции, и в Англии. Европейская война была не за горами.

«Способности дерзать» был менее всего чужд Алексеев, незадолго до начала войны вернувшийся к проблемам стратегического развертывания. На этот раз работа велась им уже не в «тиши кабинетов» ГУГШ, а в коллективном, творческом обсуждении планов предстоящих операций. Несмотря на «перевод» Алексева из столицы в Киевский округ, планы, разработанные им в годы работы в ГУГШ, были обобщены и развернуты в служебном докладе «Общий план военных действий», сделанном 17 февраля 1912 г. во время работы специально созванного в Москве совещания генерал-квартирмейстеров и начальников штабов военных округов. Генерал по-прежнему критично относился к идее отвода русских войск от приграничных оборонительных рубежей и переносу основного театра военных действий далеко за Вислу. В отличие от планов 1908 г., он стремился больше внимания уделить геополитическим перспективам предстоящей войны. Генерал Головин дал обобщенный анализ стратегических разработок Алексева. По его мнению, Алексеев критически оценивал официальные планы, принятые в 1910 г. Военным министерством. Головин отмечал, что стратегическое развертывание будущей войны в значительной степени определялось военной конвенцией, заключенной в качестве основного документа франко-русского союза 1892 г. В «министерских» проектах, ради выполнения «союзнического долга» перед Францией, подчеркивалась необходимость нанесения основного удара прежде всего по Германии. Алексеев же был уверен в том, что, поскольку состоявшая в военном союзе с Германией Австро-Венгрия выступит против России, то не считать юго-западное направление как важнейшее недопустимо. Выражая мнение штаба Киевского военного округа и стремясь сохранить избранные еще в «милютинском» и «обручевском» планах приоритеты стратегического планирования, Алексеев исходил из необходимости «...благовременно подвергнуть тщательному

²⁵ Полевой устав для унтер-офицера. Саратов, 1913. П. 2–5.

пересмотру общую концепцию ведения войны и разрешить ее в том смысле, что Россия наносит в первый период главный удар по Австро-Венгрии, назначая для этого возможно большие силы»²⁶. Поэтому против Германии представлялось достаточным сосредоточить всего 6 корпусов (в районе Гродно — Белосток), против же Австро-Венгрии — создать «ударный кулак» из 22 корпусов.

С точки зрения характера наступательных действий, Алексеев не придавал решающего значения операциям против Германии. Бои здесь не могли привести к решительным результатам и вывести Германию из войны, напротив — используя постоянно модернизируемые и в преддверии начала военных действий укрепленные позиции, немецкое командование будет способно как на затяжные бои, связанные со штурмом восточнопрусских крепостей и замков, так и на удары во фланг и тыл наступающим на Берлин русским армиям.

Проводившийся Алексеевым анализ геополитических перспектив не исключал возможность отказа Италии от своих обязательств по Тройственному союзу и намерения Германии нанести решающий удар по Франции, а не по России. «Италия втянулась в колониальную войну (имелась в виду итало-турецкая война в Северной Африке. — В.Ц.), которая отвлекает и силы, и средства», — излагал Головин позицию Алексеева. Оставаться «деятельным членом» Тройственного союза и выступать против Франции, сняв для этого часть своих войск с австрийской границы, для Италии маловероятно. Кроме того, Алексеев полагал, писал Головин, что «Германия... должна серьезно учитывать вероятность вступления Англии в активную борьбу. При таких условиях нет никаких оснований считать, что в начальный период войны Германия выставит свои главные силы против нас, оставив на западной границе только заслон»²⁷.

Что же касается Австро-Венгрии, то в ее интересах, по убеждению Алексева, захватить инициативу на Восточном фронте, попытаться предупредить развертывание сил русской армии. Кроме того, австрийское командование будет стремиться подорвать ближайший русский тыл, используя антирусские настроения местного населения и поддерживая идеи самостоятельной Украины. В свою очередь, российское командование должно в своих интересах использовать очевидное стремление славянских народов, находящихся в составе империи Габсбургов, к обретению национальной независимости. «Австрия, — отмечал Алексеев, — бесспорно представляется

²⁶ Головин Н.Н. Указ. соч. С. 23–24.

²⁷ Там же. С. 24–25, 28.

нашим основным врагом; по количеству выставляемых сил она же будет опаснейшим противником. Успехи, одержанные против Австрии, обещают нам наиболее ценные результаты; сюда, казалось бы, и следует решительно, без колебаний, направить наши войска». Последующие события подтвердили правильность данных прогнозов.

Принимая использованные генералом Ключевым определения: «армии германского фронта» (1, 2 и 4-я) и «армии австрийского фронта» (3-я и 5-я), Алексеев предложил довольно подробный план действий на начальный период войны. Он исходил из того неоспоримого преимущества австро-венгерской и немецкой армий, что в силу близости к границам и более развитой железнодорожной сети их сосредоточение и развертывание произойдет до достижения русской армией полной боеготовности. Следовательно, и наступательные действия австро-германцев неизбежно начнутся с расчетом на это преимущество.

Наш Юго-Западный фронт, полагал Алексеев, должен «свое первоначальное развертывание подчинить соображениям задержания противника до сбора главных сил». Исходя из этого, русские 4-я и 5-я армии должны были «до сбора войск армий для перехода в наступление задержать австрийцев на путях к Бресту и, особенно, в обход этой крепости с востока. Во всяком случае армии должны сохранить в своих руках Брест-Кобрин-Пружанский и Пинский районы, 4-я армия задерживает в полосе между Вислой и Бугом; 5-я — между Бугом и Стоходом; удержание Ивангорода имеет важное значение, так как он запирает единственный сквозной железнодорожный путь для австрийцев, наступающих к Бресту. При крайней необходимости оставить Ивангород, переправы через Вислу должны быть уничтожены... До сбора сил, необходимых для перехода в наступление и атаки 2-й и 3-й австрийских армий, 3-я русская армия обязуется сохранить в своих руках Ровненский железнодорожный узел и линии железных дорог Казатин — Ровно и Жмеринка — Проскуров». Нельзя было также допустить прорыва противника через железнодорожную линию Люблин — Холм.

Отразив наступление австро-венгерской армии, русские войска должны будут перейти в контр наступление, которое планировалось Алексеевым следующим образом: «...нанести поражение австрийским армиям в пределах Галиции, принимая при этом возможные меры к тому, чтобы не дать способам значительным силам противника отойти на юг, за оборонительную линию Днестра, и на запад — к Кракову». Соответственно, 4-я армия должна была «наступать на фронт Ряшев — Перемышль, стремясь отбросить противника к стороне Перемышля, т. е. от важнейших путей через Карпаты, и обеспечить правое крыло армий со стороны Кракова».

5-я армия наступала бы «на фронт Перемышль — Львов, приковывая к себе возможно большие силы противника», а 3-я армия призвана была «нанести поражение 2-й и 3-й австрийским армиям, не давая, по возможности, им полностью или значительной частью своих сил отойти за оборонительную линию Днестра. Общее направление операции 3-й армии — на Львов. При этом части формируемой 2-й армии должны были бы предотвратить соединение немецкой и австро-венгерской армий в районе Варшавы».

Правда, по приблизительным расчетам, 3-я армия могла быть готова к наступлению лишь к 22-му дню мобилизации, после того как к ней подошли бы пополнения и тыловые учреждения, а 4-я армия — к 30-му дню мобилизации. До этого времени должны были проходить только оборонительные операции. Именно это обстоятельство привело к критике плана Алексеева со стороны его бывших сотрудников по ГУГШ, которое снова возвращалось к идее перенесения боевых операций «вглубь» страны, предлагая перенести линию стратегического развертывания гораздо дальше линии Вислы, начиная от Брест-Литовска и границ Киевского военного округа. В этом случае не исключалось даже, что Привислинский край и Варшавский округ могли быть заняты противником²⁸.

Но концепция Алексеева представлялась более убедительной, и она повлияла, в конечном счете, на корректировку первоначального плана военных действий. Спустя месяц после Московского совещания, 15 марта 1912 г., Алексей представил на утверждение подробный план первоначальных действий Юго-Западного фронта. По мнению генерала Головина, «Алексеев, с присущим ему практическим чутьем в стратегии, в первую же стадию разработки операций Юго-Западного фронта почувствовал неисполнимость общего задания при ограниченных ГУГШ средствах. Для того, чтобы все-таки исполнить по существу главное требование, предъявляемое Юго-Западному фронту — нанести решительное поражение австро-венграм в Галиции, — он и собирает на своем правом фланге кулак, который должен бить по самому чувствительному для австро-венгров, в стратегическом отношении, левому флангу». В случае реализации данных предложений осуществилось бы предположение генерала относительно возможности не только прорыва, но и окружения большей части противостоящего австро-венгерского фронта²⁹.

А.М. Зайончковский считал, что предложенный на совещании окружных начальников штабов доклад Алексеева «есть первый появившийся...

²⁸ Там же. С. 41–43.

²⁹ Там же. С. 29–31.

документ, где действия нескольких армий, разбросанных на большой территории, рассматривались не как взаимодействие отдельных организмов, а как части одного общего целого, исполняющие одну операцию». Отдавая должное достоинству проработки Алексеевым плана действий Юго-Западного фронта, Зайончковский отмечал как недостаток излишнюю «громоздкость поставленных задач» и чрезмерную детализацию плана, что в известной степени сдерживает «самостоятельность исполнителя». Реальный ход Галицийской операции (в 1914 г.) показал, что отдельные детали этого плана не воплотились в жизнь. Например, маневр, связанный с выдвижением «сильного кулака» из 5-й и северной группы 3-й армии» против стратегического центра австрийского фронта, не состоялся, и «операция, как известно, разыгралась иначе...»³⁰.

1 мая 1912 г. мобилизационное расписание получило утверждение. 8 ноября 1912 г. под председательством Алексеева состоялось окружное совещание, в котором принимали участие начальники штабов Киевского, Казанского и Московского военных округов. Силами этих округов предполагалось развертывание 4-й (основа — Казанский округ), 5-й (Московский округ), 3-й (Киевский округ) и 8-й армий (Киевский округ). Рекомендации, выработанные на совещании, были учтены в составленных ГУГШ «Основных соображениях на 1913 г.». Предварительный вариант предполагал следующее: поскольку 4-я и 5-я армии должны были сосредоточиваться на линии фронта после проведенных мобилизаций тыловых округов, то их задача сводилась к нанесению сильного флангового удара на Галицию (данные армии предполагалось расположить на левом крыле Варшавского военного округа), тогда как 8-я и 3-я армии должны были удерживать австро-венгерскую армию от попыток прорыва на Киевском направлении.

Реальность боев 1914 г. подтвердила перспективу удара именно 8-й армии по правому флангу противника с последующим выходом в тыл австро-венгерским войскам в Галиции. Не отрицая категорически возможности перенесения главного удара на Германию, Алексеев считал, что армии, сформированные в тыловых округах (в частности, 4-я армия), могли бы переориентироваться на фланг немецких войск — через Варшаву к Плоцку, вдоль левого берега Вислы. В любом случае генерал полагал необходимым условием сосредоточение резервов, нужных как для отражения наступления противника, так и для перехода в контрнаступление.

Примечательно, что данное совещание не было санкционировано Военным министерством, Алексеев присутствовал на нем лишь в качестве

³⁰ Зайончковский А.И. Указ. соч. С. 278–279.

консультанта, однако суждения, высказанные им, оказали влияние на корректировку планов ГУГШ. Это, по мнению Головина, отразилось и на «Соображениях 1913 года», учитывавших все «ту же боязнь «Польского мешка», являвшуюся характерной чертой сухомлиновских идей и плана войны 1910 г. «Главкомандующие фронтами имели право, по обстановке, если бы противник предупредил нас развертыванием, относить район развертывания для армий Северо-Западного фронта к линии Ковно, Гродно, Белосток, а для армий Юго-Западного фронта: Драгочин, Брест-Литовск и Ровно, Изяслав, Проскуров»³¹.

В результате общая концепция военно-стратегического планирования воплотилась в весьма смелой, но неоднозначно оцениваемой идее. В 1913 г. Российская империя вступала с новым, 19-м по счету мобилизационным расписанием, согласно которому предполагалось нанесение ударов и против Германии (вариант «Г»), и против Австро-Венгрии (вариант «А»). Непосредственно накануне войны, во время прошедшей 20–24 апреля 1914 г. большой военной игры с участием командующих округами, русские армии подтвердили возможность успешного наступления на обоих направлениях. Ни Данилов, ни Алексеев, ни, тем более, Сухомлинов не оспаривали в то время правильности этого плана. 20-е, призванное стать итоговым, мобилизационное расписание так и не было разработано.

Правда, тот же Головин, уже в эмиграции, высказывал сожаление о том, что российские стратегические разработки слишком тесно «привязывались» к планам противника, тогда как их эффективность была бы гораздо большей в том случае, если бы мы навязывали противнику свою волю. Головин упоминает в качестве образца схему «метода стратегического мышления» Мольтке: стратег должен ставить и решать вопросы так: «1) Чего я хочу? и 2) Как противник может помешать исполнению того, что я хочу?»... К сожалению, даже такой авторитетный и вдумчивый стратег, как он (Алексеев. — В.Ц.)... прежде чем приступить к постановке первоначальной задачи своим армиям, до мелких подробностей решает задачу за неприятеля»³². Не оспаривая подобной «критики», имеет смысл заметить, что российская военная школа не исходила в 1912–1914 гг. из возможности нанесения по австро-германским силам некоего «превентивного удара». Российское военное и политическое руководство исключало агрессию в качестве способа решения внешнеполитических задач. Поэтому и приходилось «решать задачи за неприятеля», никоим образом

³¹ Головин Н.Н. Указ. соч. С. 36.

³² Там же. С. 45–46.

не исключая при этом перспектив последующего наступления на противника. По мнению Я.К. Циховича, «в действительности не был проведен в полной чистоте ни план 1 мая 1912 г., ни план 25 сентября 1913 г. Первоначальные операции разыгрались так... частью по тому, частью по другому плану с такими поправками, которые не были предусмотрены ни тем, ни другим»³³.

Однако стоит отметить и еще один тезис Головина, определяющий важность подготовки русской армии к боевым действиям, в качестве «сдерживающего фактора», который сам по себе уже оказывал влияние на противника. Это было «отличительной чертой Милютинского плана». «Могучий кулак, — писал Головин, — висел над флангом и даже тылом австро-венгерских армий. У моряков есть специальный термин “fleet in being”, которым они выражают идею, что одно только нахождение в важном стратегическом районе сосредоточенного флота связывает действия врага»³⁴.

Переходя к оценке действий Алексеева во время боевых операций 1914 г., отметим еще несколько принципиально важных моментов, связанных с представлением о роли Австро-Венгрии в системе Тройственного союза и в качестве геополитического противника России. Если в отношении Германии общественное мнение было в значительной степени сформировано как в отношении страны, которая первая может начать военные действия против Франции и против России, то в отношении Австро-Венгрии предполагалось, что ее агрессивная Антиславянская политика окажется под прямым воздействием со стороны Германии. Именно поэтому и необходим был тот «могучий кулак», который, как отмечал Головин, не позволял Австро-Венгрии в одиночку, без поддержки Германии, вести чересчур агрессивную политику. Глава российского МИДа С.Д. Сазонов в своих воспоминаниях отмечал именно этот, принципиально важный момент в поведении германской и австро-венгерской военно-политической «верхушки» накануне войны. Описывая события, связанные с убийством в Сараеве эрцгерцога Франца Фердинанда и последующие ультимативные шаги Вены в отношении Белграда летом 1914 г., Сазонов подчеркивал «нежелание Германии удержать Австро-Венгрию на том опасном пути, на который она становилась»³⁵.

Для Алексеева предвоенный период вряд ли стоит считать временем стабильного служебного роста. С одной стороны, карьера продолжалась и

³³ Цихович Я.К. Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 1. М., 1922. С. 20.

³⁴ Головин Н.Н. Указ. соч. С. 48.

³⁵ Сазонов С.Д. Воспоминания. Париж–Берлин, 1927. С. 183–184.

в 1911 г. он был награжден орденом Святого Владимира 2-й степени, его мнение по вопросам стратегического планирования, во время окружных совещаний 1912 г. становилось, во многом, решающим. Но отношения с военным министром все-таки не сложились. Сухомлинов, вероятно, подозревал его в интригах против министерской политики. Не без участия Сухомлинова был решен вопрос сначала о переводе генерала из ГУГШ в Киевский военный округ, а затем из округа — «в строй», в июле 1912 г. — на должность командира XIII армейского корпуса. Примечательно, что в своих воспоминаниях Сухомлинов практически не упоминает фамилии Алексеева даже в тех случаях, когда заслуги генерала были неоспоримы и весьма заметны.

На должности начальника штаба Киевского военного округа Алексеев делал очень многое для подготовки войск к неизбежному военному столкновению. Он уделял внимание не только штабной работе и разработке военно-стратегических планов, но и энергично осуществлял меры, связанные с усилением боеготовности. По его инициативе были созданы офицерские стрелковые курсы для кандидатов на должности командиров роты. На этих курсах велись также занятия по тактике, активно осуществлялись «полевые выходы», осваивались новые приемы управления огнем стрелковой роты, в частности, связанные с применением пулеметов при атаках и в обороне³⁶.

Весной 1914 г. Алексеев несколько раз приезжал из Смоленска, где располагался штаб XIII армейского корпуса, в Петербург, для участия в специальных штабных совещаниях. А накануне войны принял должность начальника штаба Юго-Западного фронта, в состав которого вошли армии, развернутые на основе хорошо знакомого ему Киевского военного округа. Командовал округом и созданным впоследствии фронтом генерал от артиллерии Н.И. Иванов. С началом войны штаб расположился в г. Ровно.

К этому времени Алексеев имел уже богатый опыт работы в должностях генерал-квартирмейстера штаба армии, начальника оперативного отделения, обер-квартирмейстера Генерального штаба, начальника окружного штаба. По воспоминаниям Борисова, Алексееву присуще было «оперативное ведение армий», искусство решения конкретных оперативных задач, но в таких случаях, когда «требовалась замена командира корпуса или командующего армией», Алексеев оказывался в положении решающего «неопределенное уравнение со многими неизвестными»³⁷.

³⁶ Борисов В. Генерал М.В. Алексеев... С. 6—8; Кирилин Ф. Основатель и верховный руководитель Добровольческой армии генерал Михаил Васильевич Алексеев. Ростов н/Д., 1919. С. 9—10.

³⁷ Борисов В. Генерал М.В. Алексеев... С. 7—8.

В начавшейся войне, как считал Алексеев, особую роль предстоит сыграть не сугубо военным, но также общественно-политическим факторам. В июле 1914 г., выезжая из Киева в Ровно, Алексеев встречался с членом Государственной думы, редактором газеты «Киевлянин» В.В. Шульгиным. По воспоминаниям последнего, генерал настойчиво пытался внушить ему всю сложность положения, в котором может оказаться Россия при затяжной войне, и требовал от прессы самого серьезного внимания к укреплению «духа армии», настроениям фронта и тыла. К прогнозам о скорой победе Алексеев относился скептически и, хотя не высказывал своих мнений публично, в частной беседе говорил об опасности «шапкозакидательских настроений», царивших в российском обществе после объявления войны. Следовало готовиться к упорной, методичной борьбе, а не к «молниеносным» ударам, способным сразу же решить исход кампании³⁸.

Тем не менее в начальный период войны (август—сентябрь 1914 г.) Юго-Западный фронт отличался крупными успехами. Но хотя направление главных ударов противника было предугадано русским командованием заранее и фактор внезапности не имел значения, все же реальность стратегического развертывания австро-венгерских войск, их готовность к наступлению оказалась иной, чем предполагалось российским командованием и Алексеевым в частности. Здесь вполне уместно было бы отметить столкновение двух «военных талантов» — начальника Полевого Генерального штаба австро-венгерской армии К. фон Хетцендорфа и начальника штаба Юго-Западного фронта генерала Алексева. Хетцендорф по праву считался одним из наиболее опытных и образованных европейских стратегов начала XX в. Его отличали свойственные лучшим традициям «немецкой школы» методичность, планомерность и целеустремленность в достижении поставленных целей без излишнего авантюризма. Но «столкновение талантов», как будет показано далее, завершилось в пользу русского полководца.

19 июля 1914 г. Германия объявила войну России, но первыми перешли в наступление австро-венгерские войска. Таким образом, реальность подтвердила принципиальную правильность плана «А», на чем настаивал Алексеев. Хетцендорф, заручившись согласием начальника Большого Генерального штаба кайзеровской армии Г. фон Мольтке-младшего, предполагал нанести удар в польские губернии, действуя по сходящимся направлениям на Брест-Литовск. Австрийское командование надеялось, разгромив

³⁸ Шульгин В.В. Памяти М.В. Алексева // Вестник Главного правления Общества галли-полийцев. Белград, 1924. С. 31–32.

русские армии у Люблина и Холма, развернуть наступление на территории Польши. В свою очередь, немецкие войска, наступая навстречу австрийцам, должны были сомкнуть окружение в районе Седлеца, захватить переправы через Вислу. В получавшийся таким образом «польский мешок» попадали бы значительные силы Северо-Западного и Юго-Западного фронтов, большая территория Польши.

Первоначальное развертывание австро-венгерских войск отличалось от плана 1912 г., известного русской разведке. Предвидя планы русского командования, Хетцендорф перенес дислокацию своих армий к западу от Львова, рассчитывая, тем самым, что угрожавший накануне войны «удар русского меча» придется не на центр австро-венгерских войск, а лишь на их правый фланг, а левофланговые армии Юго-Западного фронта окажутся втянутыми во второстепенные, как казалось первоначально, бои в Галиции. Хетцендорф объективно считал свои войска боеспособными лишь при наступлении, при быстрых и впечатляющих успехах. «Характер большинства народностей, из которых составлялась Императорская и Королевская армия, — писал он, — предполагал к тому, что войска Австро-Венгрии более способны к наступлению, нежели к обороне...»³⁹ Австрийский полководец предполагал силу своего удара сосредоточить на левом фланге русских армий (против 4-й и 5-й армий, формировавшихся на основе Казанского и Московского военных округов и не завершивших еще развертывание на «передовом театре»). Выполнение этого плана, при поддержке немецких союзников, позволило бы прорвать русский Восточный фронт (на стыке Юго-Западного и Северо-Западного фронтов), выйти к Варшаве и далее действовать в тыл русских войск.

Расчетам стратегов центральных держав были противопоставлены стратегические разработки российского военного руководства, следуя которым русские войска сосредоточились для удара по Восточной Пруссии (частичная реализация плана «Г»), а затем в наступление должны были перейти и русские войска, дислоцированные против Австро-Венгрии. Восточно-Прусская операция стала, по сути, упреждающим ударом, нанесенным по Германии в условиях, когда, вопреки ожиданиям, 1-я и 2-я русские армии начали наступление до окончания мобилизационного развертывания. Гвардейский, 1-й и 18-й корпуса оставались в Варшаве и составляли оперативный резерв Ставки.

Алексееву требовалось быстро сориентироваться в изменившейся обстановке. И в первые же недели войны он решил развить наступление на

³⁹ Головин Н.Н. Указ. соч. С. 215.

правый фланг австро-венгерских позиций. Телеграммой от 30 июля командующим армиями генералу от инфантерии Н.В. Рузскому и генералу от кавалерии А.А. Брусилову предписывалось: «Приковать к себе вторжением в Галицию возможно больше сил австрийцев и тем самым воспрепятствовать им развить наступательные действия по левому берегу Вислы и против запаздывающих в своем развертывании 4-й и 5-й армий». Как отмечал Головин, Алексеев «представлял собой выдающегося представителя нашего Генерального штаба. Но даже присущие ему высокие качества не могли заменить ему “школы”. Современное военное дело... вышло из области простого искусства и вошло в область науки. Без заблаговременной разработки самих методов работы в современной стратегии работать нельзя. Это не могло не сказаться на первых распоряжениях и на первых действиях подчиненных фронту армий»⁴⁰.

Стратегическое планирование начала войны придавало особое значение скорости развертывания и введения в бой максимального количества сил. И если Германия и Австро-Венгрия не испытывали больших трудностей с мобилизацией и перевозкой сил и средств к основным театрам военных действий, то в России приходилось считаться с недостаточной интенсивностью перевозок к линии фронта. Благодаря этому австро-венгерским войскам удалось создать сильное давление в направлении на Люблин и Холм. Казалось бы, новый замысел Хетцендорфа стал осуществляться. 18 августа с Люблин-Холмской операции началась знаменитая Галицийская битва.

Части 5-й армии генерала от кавалерии П.А. Плеве, оказавшись под ударом превосходящих сил врага, были вынуждены отступить ради выигрыша времени и проведения сосредоточенного контрманевра. Так стал осуществляться предложенный в 1912 г. план Алексеева, но с коррективами, которые пришлось вносить Алексееву «по ходу» операции. Точное выполнение штабом армии отданных штабом фронта директив следует поставить в заслугу генералу Плеве («мастеру тактики», как называли его современники).

М.К. Борель в рукописном очерке, посвященном стратегическим операциям русской армии 1914 г., приводил пример такого взаимопонимания и взаимодействия Алексеева и Плеве, когда 5-я армия оказалась в трудном положении, но генерал Плеве, следуя директивам Алексеева, смелым стратегическим маневром спас армию от грозившего ей окружения и затем нанес австро-венграм серьезное поражение⁴¹.

⁴⁰ Там же. С. 68, 79.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 6435. Оп. 1. Д. 33. Л. 13.

Начальник штаба Юго-Западного фронта генерал от инфантерии
М.В. Алексеев после Галицийской битвы. Октябрь 1914 г.

Намеченного Хетцендорфом и Мольтке окружения русских войск не состоялось. Части правофланговых 4-й и 5-й армий Юго-Западного фронта вышли из-под ударов австро-венгерской армии, а немцы, вопреки ожиданиям Хетцендорфа, не начали наступления вглубь Польши, а оказались втянутыми в ожесточенные бои в Восточной Пруссии. И хотя Восточно-Прусская операция завершилась поражением русских войск, все-таки план комбинированного удара австро-немецких сил был сорван. Сорвался и план «молниеносной войны» Шлиффена на Западном фронте. Анализируя, таким образом, результаты Галицийской битвы и Восточно-Прусской операции, можно утверждать, что предвоенный сценарий одновременных операций по планам «А» и «Г» (с приоритетом в пользу первого) оказался вполне оправданным, а не «ошибочным» или «порочным», как это утверждалось позднее в ряде исследований.

При этом от Алексеева потребовалось не только интуитивное «чутье» (разведывательные сведения о действиях австро-венгерских войск запаздывали), но и немалая выдержка. Алексеев, не смущаясь неудачами в Люблин-Холмском сражении, в кратчайший срок составил план дальнейших действий, основываясь на собственных расчетах 1912 г. Поскольку теперь правый фланг Юго-Западного фронта прочно опирался на линию Люблин — Холм — Ковель, а наступательный порыв австро-венгерской армии явно ослабевал, было решено скорректировать направление контрударов. Следовало не ограничиваться предусмотренным еще в 1912 г. сильным

ударом по правому флангу противника от Черновиц до Галича и Львова, а попытаться опрокинуть также левый фланг австро-венгерских войск, отбросить их от Люблина и перейти в общее фронтальное наступление на Галицию, в Прикарпатье.

Удары левофланговых 3-й и 8-й армий Юго-Западного фронта на Галич и Львов — вторая часть Галицийской битвы — оказались сокрушительными и неожиданными для австрийского командования. Правда, Алексееву пришлось учитывать заметный «оперативный эгоизм» в действиях 3-й армии генерала Рузского, который, в отличие от Плеве, не слишком считался с указаниями фронтового командования. Существенным условием успеха Алексеев считал одновременность, синхронность ударов обоих флангов. Однако армия Рузского продвигалась к Львову, ориентируясь на общие указания плана «А», но не учитывая, в должной мере, положения фронта в целом. Алексеев, учитывая изменившейся ход операции, в телеграфном докладе в Ставку (10 августа 1914 г.) изложил свои предложения в отношении 3-й армии, считая, что на ней теперь «лежит важнейшая задача в развитии первоначальной операции наступления на Львов. Она приковывает к себе возможно больше сил, выясняет обстановку и наносит удар пункту, важному в военном и политическом отношении. В общем, нет надобности изменять ее направления». Немаловажную роль приобретали теперь удары 8-й армии генерала Брусилова, содействующей 3-й армии в ее продвижении к Львову. Головин писал, что Алексеев «сумел правильно определить группировку сил противника», разгадав, тем самым, замыслы Хетцендорфа. Новый план Юго-Западного фронта «по сравнению с предшествовавшими оперативными предположениями» представлял заметный «шаг вперед», поскольку «оперативные расчеты уже вполне считаются с географическими особенностями театра действий»⁴².

Несомненным для штаба фронта был «львовский соблазн», при котором успешное развитие наступления 3-й и 8-й армий и занятие «галицийской столицы» Львова могли бы привести к заметному «геополитическому успеху», однако не привели бы к разгрому основных сил австро-венгерской армии, на чем строились расчеты предвоенного плана «А». Противнику удалось бы отвести свои силы к Кракову, а продвижение русских армий могло быть остановлено такой «твердыней», которой представляла из себя хорошо оборудованная в инженерном отношении крепость Перемышль. Поэтому Алексеев считал, как и прежде, важнейшим стратегическим фактором нанесение «удара русского меча» по австро-венгерскому фронту си-

⁴² Головин Н.Н. Указ. соч. С. 126–128, 131.

лами 4-й и 5-й армий, но теперь уже — с учетом смещения основных сил врага к западу.

«План Галицийской битвы», принадлежавший Алексееву, продемонстрировал, как считал Головин, «умение генерала Алексеева находить правильное решение в случаях, когда конкретные оперативные условия требуют корректировки ранее намеченных стратегическим планом действий». «Заслуга генерала Алексеева... велика», признавал Головин, «...чтобы придти к новому оперативному решению, нужно было отказаться от “Львовского миража”»⁴³.

Сложившееся положение, грозившее австро-венграм, ставило их перед перспективой окружения. «Мы поняли, — вспоминал Борисов, — что количество нашей массы сил Юго-Западного фронта вполне давало нам возможность не ограничиваться фронтом Каменец-Подольск — Висла, а занять еще фронт от Вислы до Кракова и тем охватить австро-венгерскую армию с обоих флангов»⁴⁴.

Рассматривая ход боевых операций, нельзя оставить без внимания и вопросы организации «идеологической борьбы». Как и накануне войны, Алексей продолжал уделять особое внимание организации пропаганды в армии. В частности, предлагалось весьма активно развивать идеи «освободительной миссии» русских войск в отношении славянского населения Австро-Венгерской империи. Это способствовало бы реализации планов раскола «локутной монархии». Алексей предписывал «широко развить прокламационную деятельность среди неприятельских войск и населения», считал особенно важным поддерживать деятельность Карпато-русского комитета, ориентированного на создание Галицкой автономии, осуществить издание специальной газеты для русинов и чехов, сдавшихся в плен. «Дело будет развито, если удастся найти идейных, энергичных работников», — отмечал генерал. Вскоре при штабе 8-й армии Юго-Западного фронта была издана брошюра «Современная Галичина», составленная членом Государственной думы, известным лидером прогрессивных националистов графом В.А. Бобринским, а в Киеве стала выходить газета «Прикарпатская Русь», печатавшая многочисленные статьи другого, не менее известного, представителя русских прогрессистов — А.И. Савенко⁴⁵.

⁴³ Там же. С. 179–181.

⁴⁴ Борисов В. Генерал М.В. Алексей... С. 9.

⁴⁵ Астахов А.Б. Пропаганда на русском фронте в годы Первой мировой войны. М., 2012. С. 21–22.

Отношение к мирному населению на территории противника не должно было вызывать каких бы то ни было нареканий. 10 августа 1914 г. штабом Юго-Западного фронта был издан приказ, гласивший: «При сношениях с поселянами необходимо помнить, что крестьянское население Восточной Галичины представляет собой коренной русский народ. Поселянин в этих областях говорит на малорусском наречии, а интеллигент — на чистом русском языке. Необходимо помнить, что если в Западной Галичине, населенной главным образом поляками, отношение наших войск к населению определится в зависимости от отношения к нам галицких поляков, то в Восточной Галичине, населенной русскими, отношения наших войск, особенно к крестьянам, должно быть доброжелательным и мягким, чтобы они могли видеть в нас действительно избавителей зарубежной Руси от австрийского гнета».

Далее в приказе перечислялись весьма подробные указания, определяющие доброжелательное отношение к населению Галицкой Руси, в частности: особая осторожность при реквизициях; уважение к местным святыням, посещение униатских храмов и поддержка их нашими войсками, усвоить некоторые местные русские обычаи, например, приветствие при встрече «Слава Иисусу Христу» и ответ «Слава навеки», оказывать помощь голодающему русскому населению, которое может встретиться, выдачей муки или хлеба, гуманно относиться к раненым и пленным русским галичанам. В приказе приводится предостережение в том, что «нашим войскам придется встретиться в Галичине наряду с пассивно-доброжелательным отношением к нам коренного русского населения, с выжидательно-враждебным отношением “украинофильствующей” партии, особенно интеллигенции, и, наконец, с активным сопротивлением той части польского населения, которая заинтересована как держатель власти в крае и опирается на свои полувоенные сокольские организации (бойскауты), вооруженные австрийским правительством и обученные австрийскими офицерами. Во всех случаях рекомендуется опираться на русскую часть населения, сознательно идущую навстречу России... Что касается духовенства, то часть униатских священников, бесспорно, идет навстречу России...»⁴⁶.

Анализируя ход Галицийской битвы, следует отметить ее развитие в ходе сражения на реке Гнилая Липа, ставшего переломным этапом в действиях Юго-Западного фронта. 11–12 августа Алексеевым был запланирован маневр, проведение которого возвращало левому флангу первен-

⁴⁶ Лемке М.К. 250 дней в Царской Ставке (25 сентября 1915 г. — 2 июля 1916 г.). М., 2003.

В. Сварог. Фрагмент картины «Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич в подвижной штаб-квартире» (1914–1915 гг.).

Слева направо: командующий 5-й армией генерал от кавалерии П.А. Плеве, начальник штаба Юго-Западного фронта генерал от инфантерии М.В. Алексеев, Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич. 1915 г.

ствующее значение ударной группы, нацеленной на основание австро-венгерских позиций. Однако достаточных для этого сил у 5-й и 4-й армий не оказалось. Генерал Плеве доносил о серьезных потерях. Можно было бы воспользоваться активными действиями 3-й армии генерала Рузского, при которых австро-венгерские силы оказались вынужденными ослабить свое давление на 5-ю армию. Однако Рузский продолжал продвигаться к Львову, следуя тактике «лобового удара» и не придавая должного значения поддержке своего соседа. В результате потребовалось личное вмешательство Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, 15 августа в категорической форме указавшего на необходимость Рузскому развивать наступление на помощь Плеве: «...генерал Рузский должен держать стремительным натиском находящегося перед ним противника за горло, развивая обходные действия своим правым флангом в обход Львова с севера»⁴⁷.

Теперь перед русским командованием открывалась перспектива дальнейшего развития наступательных действий, ориентируясь на взаимодействие сил, сосредоточенных к юго-западу от Варшавы. Немаловажное

⁴⁷ Головин Н.Н. Указ. соч. С. 363.

значение для развития успеха имел бы и своевременный удар гвардейского корпуса, сосредоточенного у Варшавы, по австро-немецким войскам вдоль левого берега Вислы. Русская гвардия, а затем и резервная, подошедшая к польской столице 9-я армия смогли бы ударом по левобережью Вислы выйти на тыловые коммуникации 1-й австро-венгерской армии, отбросить части армейской группы Куммера и немецкого корпуса генерала Вайрша.

В воспоминаниях Б.М. Шапошникова, служившего в 1914 г. на Юго-Западном фронте в должности старшего адъютанта 14-й кавалерийской дивизии, говорится, что Ставка имела реальную возможность для решительного контрудара, с дальнейшим развитием наступления в Галиции, что предложенная генералом Алексеевым «концентрация маневра по разгрому 1-й армии была совершенно правильна, так как последняя была бы... окружена в районе Сандомира...»⁴⁸.

3-й армии так и не удалось в должной мере развить темп наступления, и поскольку Рузский методично продолжал продвижение к Львову, на помощь левому флангу Юго-Западного фронта были переброшены стратегические резервы от Варшавы (части 9-й армии и гвардия). Так предусмотренный предвоенными расчетами Алексеева «маятник» сработал, переместив «чашу весов» на левый фланг Восточного фронта и обеспечив успешное завершение операции.

Победа в Галицийской битве имела большое значение для русской армии. И хотя ряд позиций предвоенного планирования не был подтвержден, в целом план «А» оправдался. Левый фланг Юго-Западного фронта выдержал сильнейший натиск превосходящих сил австро-венгерской армии и смог, с помощью своевременно подошедших резервов, нанести ответный удар. А успех правофланговых армий даже превзошел предвоенные расчеты. 21 августа 1914 г. во Львов торжественно вступили части 3-й армии генерала Рузского, так стремившегося к этой победе. Австро-венгерские войска оказались вытесненными не только за пределы российской границы, но и вынуждены были оставить большую часть Галиции и Волыни. 8-я армия генерала Брусилова окружила мощную крепость Перемышль, являвшуюся узловым оборонительным пунктом австро-венгерского фронта в Галиции. И хотя Брусилов совершил тактическую ошибку, рассчитывая «с ходу» взять крепость без должной артиллерийской подготовки, и в результате понес большие потери, становилось очевидным, что падение крепости — «вопрос времени». Противнику потребовалась переброска подкреплений

⁴⁸ Шапошников Б.М. Воспоминания. М., 1974. С. 292, 308–309.

и резервов из других районов, в частности, с Балканского театра, что существенно облегчало положение сербской армии, доблестно сражавшейся, защищая подступы к Белграду. Отмечая роль Алексеева в Галицийской операции, Борисов считал, что заслуга Алексеева в Галицийском сражении та, что он раньше Хетцендорфа понял значение нового фактора — скорострельного оружия — и, исходя из этого... приказал разбитому австрийцами левому флангу 5-й армии Плеве снова идти в наступление. Австрийский Генеральный штаб подчеркивает в своем отчете о сражении этот неожиданный акт, сыгравший решающую роль⁴⁹.

За успех операции Алексей получил чин генерала от инфантерии (24 сентября 1914 г.) и был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. В разработке и проведении стратегических планов заслуги Алексеева были несомненны, и георгиевская награда отмечала здесь не личную доблесть, проявляемую на «бранном поле», но талантливую деятельность полководца, проявленную им в стратегической, «штабной» работе. Самым скрупулезным образом, «склонившись над картой» с циркулем и линейкой, он проверял направления предстоящих ударов. Четкость, объективность рассуждений, выдержка в расчетах и отсутствие эмоциональности, импульсивности — всеми этими качествами Алексей обладал в высокой степени.

Для точного составления и корректировки оперативных планов он требовал достоверности и полноты сведений о положении и состоянии частей своего фронта и противника. По воспоминаниям Борисова, с первых же дней войны Алексей имел почти «ежеминутные знания деталей положения своих и неприятельских сил». Это давало «возможность Алексееву провести Галицийское сражение, все время сохраняя “свое мнение и свое решение”». Дела архива штаба Юго-Западного фронта сохранили карты с нанесенным на них положением войск по дням⁵⁰. Будучи чрезвычайно требовательным к себе в отношении штабной работы, Алексей добивался той же тщательности и точности от двух своих ближайших помощников — генерала Борисова и молодого, но весьма перспективного полковника М.К. Дитерихса. По воспоминаниям генерал-майора Б.В. Геруа, Алексей «отделял творческую часть работы от исполнительной...». С «творческой» частью работы Алексееву помогали справляться Борисов и Дитерихс, знакомый Алексееву по академии, «чрезвычайно серьезный офицер Генерального штаба». Подготовленные распоряжения передавались

⁴⁹ Борисов В. Генерал М.В. Алексейев... С. 10.

⁵⁰ Там же. С. 11–12.

генерал-квартирмейстеру Пустовойтенко или оперативному отделу («исполнительная часть» работы)»⁵¹.

Алексеев добивался результативности, четко разделяя обязанности между теми, кто был ему непосредственно подчинен. Со стороны могло показаться, что руководство операцией носит сугубо «кабинетный характер», а сам начальник штаба претендует на сомнительные «лавры» «кабинетного стратега». Однако весь мировой опыт военного искусства XX в. доказывает, что кропотливая, хорошо организованная штабная работа имеет не меньшее, а гораздо большее значение, чем командование атакой «с шашкой наголо». Ведь именно своевременно полученная и правильно проанализированная информация, постоянное ощущение «колебаний» фронта, смены ударов и контрударов позволили Алексееву разработать и провести успешную военную операцию, ставшую достойной страницей истории Первой мировой войны.

Правда, поражение, нанесенное австро-венгерским войскам в Галиции, оказалось не столь значительным, как это предполагалось в предвоенных планах. Неожиданная для русского командования перегруппировка сил, проведенная Хетцендорфом накануне начала военных действий, тяжелые бои 4-й и 5-й армий, с большим трудом отразивших фронтальные удары превосходящего противника, недостаточно активное продвижение армии Рузского — все это в совокупности не позволило в полной мере осуществить намечаемый «удар русского меча» и не допустить, как рассчитывал Алексеев в 1912 г., отхода врага к Кракову и сохранения австрийцами стратегической связи с немецкими войсками. Вскоре после падения Львова и отступления австро-венгерских войск в Галиции немецко-австрийское командование приступило к осуществлению нового плана, призванного стать «реваншем» за утраченные территории и несостоявшиеся успехи. Хетцендорф правомерно упрекал Берлин в чрезмерном внимании, уделявшемся восточнопрусскому направлению и «маршу на Париж», и в отсутствии должной поддержки своих австро-венгерских союзников. Но теперь угроза вторжения в Германию (после неудачной для русских армий Восточно-Прусской операции) была временно снята, а «марш на Париж» не приводил к ожидаемым результатам. Немецкое командование перебросило на юг из Восточной Пруссии часть 8-й армии, и вместе с подошедшими резервами и сформированной 9-й армией эти силы составили группу, нацеленную на Варшавское направление, в стык Северо-Западного и Юго-Западного фронтов. Австро-германский план исходил также из того, что русские

⁵¹ Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Т. II. Париж, 1970. С. 14–15, 77.

стратегические резервы были направлены на помощь левофланговым армиям Юго-Западного фронта, центр Восточного фронта «открыт», а подход новых подкреплений из Сибири ожидался не ранее конца октября. Немецкая армейская группа была подчинена известному полководцу П. фон Гинденбургу. Его начальником штаба стал не менее известный в предвоенной Германии стратег генерал Э. фон Людендорф. Вместе с Хетцендорфом они противостояли русским генералам.

В свою очередь, русское командование планировало нанесение удара через Силезию на Берлин, хотя это направление, в принципе, не предусматривалось в предвоенный период как приоритетное, поскольку предстояло прежде всего разрешить проблему с «нависающими флангами» — Восточной Пруссией и Галицией. Но, как рассуждал в своих воспоминаниях Сухомлинов, после занятия Галиции и успешного продвижения к Кракову «австрийцы были отброшены за Карпаты», что «давало возможность угрожать правому флангу» немцев наступлением на Берлин от Вислы, через Силезию⁵².

Между тем запланированный Хетцендорфом и Гинденбургом маневр как раз не должен был допустить прорыва русских войск в Силезию. По существу, на Восточном фронте предстояло развернуться широкомасштабному встречному сражению, от результатов которого во многом зависел исход войны.

Алексеев стремился обобщить полученный боевой опыт и разработать очередной план действий Юго-Западного фронта с вероятностью того, что противостоять придется на этот раз уже объединенным австро-германским силам. Развивая первоначальный успех, достигнутый в Галиции, Алексеев уже просчитывал вероятные удары немецких сил, спешивших помочь своим австрийским союзникам. На этот раз разведка фронта сработала эффективно. Разведывательная работа велась в штабе фронта сослуживцем Алексеева по ГУГШ и коллегой по Академии Генштаба полковником С.А. Марковым. Марков был командирован в Варшаву «для сбора сведений о движении немцев» и со своей задачей справился весьма успешно. Польская агентура, действовавшая на территории Германии, также доносила о переброске корпусов из Восточной Пруссии на юго-запад, в Силезию.

Генерал Борисов отмечал эту роль разведки в организации противодействия немецкому наступлению. Наступление Людендорфа в сентябре—октябре 1914 г. из Силезии к Варшаве вызвало отход Алексеева от Перемышля. Но еще до окончания Галицийского сражения Алексеевым было

⁵² Сухомлинов В.А. Воспоминания. Берлин, 1924. С. 309.

принято решение выдвинуть сильный кавалерийский заслон через Ивангород на Калиш, специально, «чтобы привлечь немцев на себя»⁵³.

По свидетельству Б.М. Шапошникова, развивая успех, достигнутый во время Галицийской битвы, «Юго-Западный фронт продолжает преследовать австрийцев в направлении на Краков. При этом важно напомнить, что еще 24 августа начальник штаба фронта генерал Алексеев предвидел возможность наступления немцев на левом берегу — со стороны Кракова, а также из Силезии... Поэтому Алексеев решил перегруппировать войска на средней Висле и отвести их из западной части Галиции. Ставке Верховного главнокомандующего он внес свое предложение: создать в районе Варшавы мощную группу войск, которая смогла бы успешно атаковать фланг немецких войск, наступавших по левому берегу Вислы. Такую группу войск Алексеев предлагал создать за счет сил Северо-Западного фронта»⁵⁴.

Перед русскими войсками открывалась перспектива нанесения сильно-го флангового удара по наступавшим немецким войскам. Противник явно стремился создать русским войскам «Канны», посредством фланговых ударов силами 9-й немецкой (левый фланг) и 1-й австро-венгерской (правый фланг) армий. В изменившейся ситуации Алексеев поддержал идею оперативного изменения направления ударов. Но это потребовало провести перегруппировку сил с расчетом на то, что основная часть «ударного кулака», предназначенного для парирования удара австро-немецких войск, будет состоять из армий Юго-Западного фронта. 4, 5 и 9-я армии были переориентированы на нанесение фронтальных контрударов, 2-я армия, переданная из состава Северо-Западного фронта, усиленная подошедшими резервами из Сибири, должна была нанести фланговый удар. Сформированная армейская группа закономерно оказалась под командованием генералитета Юго-Западного фронта. Таким образом, маневр окружения, запланированный австро-немецким командованием, мог привести к прямо противоположному результату — противник сам рисковал оказаться в «кольце».

По оценке С.Г. Нелиповича, «октябрьская операция 1914 г. завершилась блестящей победой русского оружия». Говоря о превосходстве боевой выучки русских войск над австро-немецкими, он отмечает, что «тандем штаба армий Юго-Западного фронта Иванов — Алексеев по всем статьям переиграл Гинденбурга и Людендорфа, заставив их “играть по русским правилам”»⁵⁵.

⁵³ Борисов В. Генерал М.В. Алексеев... С. 10–11.

⁵⁴ Шапошников Б.М. Указ. соч. С. 335–336.

⁵⁵ Нелипович С.Г. Кровавый октябрь 1914 года. М., 2013. С. 640.

Период руководства штабом Юго-Западного фронта был, очевидно, наиболее позитивным во всей военной биографии Алексеева, хотя отношения с главнокомандующим армиями фронта не всегда отличались полным доверием. Недовольство генерала Иванова вызывали только формы его штабной работы. Протопресвитер Русской армии и флота вспоминал, что Иванов жаловался ему, называя Алексеева «типичным офицером Генерального штаба, желающим все держать в своих руках и все самолично делать, не считаясь с мнением начальника». «Особенно обвинял он Алексеева в том, что тот иногда держал в секрете от него очень важные сведения и распоряжался, не считаясь с ним»⁵⁶.

Подводя итоги Варшавско-Ивангородской операции в своем докладе в Ставку 21 октября, Алексей обращал внимание Верховного командования на необходимость перенесения тяжести удара в Галицию и на невозможность развития одновременно одинаково сильных ударов на Северо-Западном и Юго-Западном фронтах: «для нас главным врагом, главным предметом действий являлась австрийская армия; главным театром войны — Галиция, ибо через нее пролегают для нас пути к Берлину... Августовская операция, закончившаяся разгромом австрийской армии, ставя нас на путях к Берлину, явилась столь грозною для германцев, что они приняли исключительные меры для предотвращения удара, направленного непосредственно против Германии... Ни одно государство в современных условиях не может выставить таких сил, которые позволили бы считать себя готовыми к одновременному выполнению двух главных задач. Приходится группировать для удара войска за счет других участков, прибегая на последних к выжидательным и оборонительным действиям».

Как и в своих предвоенных стратегических разработках, Алексей отмечал сложность ведения военных действий исключительно против Германии. Сложившаяся в Европе обстановка подтверждала, что приоритет удара по России принадлежал не Германии, а Австро-Венгрии. Большая часть немецких войск сражалась во Франции. Наступление на Берлин могло предприниматься, по убеждению Алексева, только после окончательного поражения австро-венгерских сил: «Обстановка данной минуты... требует признания, что главным театром действий снова становится Галицийский, и, сообразно с этим, надлежит вновь произвести распределение сил, пользуясь для переброски, по мере возможности, нашей бедною железнодорожной сетью». В октябре к Варшаве подошли ожидаемые подкрепления

⁵⁶ О. Георгий Шавельский. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. С. 250, 256.

из Сибири, и Алексеев предлагал усилить ими войска для наступательных действий, главные силы «привлечь туда, где работа их будет продуктивна, где жертвы окупятся результатами...». Поэтому следовало добиться «достижения главной цели данной минуты — разрушения австрийской армии... чтобы на последующее время армия эта не являлась для нас столь сильной и существенной, как ныне, помехой на пути достижения основной цели действий... Австрийскую армию нужно окончательно расшатать, и чем скорее, решительнее и полнее это будет исполнено, тем выгоднее для общего дела»⁵⁷.

Однако вопреки расчетам Алексеева Ставка отклонила эти предложения, а их актуальность существенно снизилась после того, как немецкие войска, не дожидаясь удара по своему союзнику, начали операции по охвату с флангов группы русских войск западнее Варшавы. Развернувшаяся в середине ноября Лодзинская операция вошла в историю военного искусства как пример весьма эффективного сочетания фронтальных и фланговых ударов с обеих сторон. Но и позднее, при разработке стратегического плана на 1915 г., командование Юго-Западного фронта отстаивало перед Ставкой необходимость дальнейшего развития наступления против Австро-Венгрии, считая, что, выведя главного союзника Германии из войны, добившись разрешения геополитических планов Российской империи на Балканах и в центре Европы, легче будет разгромить и немецкие силы.

Подводя итог анализу особенностей стратегического планирования русского командования в предвоенный период и в начальный период войны и роли генерала Алексеева, отметим, что 1912–1914 гг. стали важным этапом в проявлении полководческого таланта генерала. В период разработки стратегических планов он стремился досконально проанализировать и учесть факторы наилучшей дислокации войск, с точки зрения их близости к границе и к политически важным центрам противников России (Берлину, Вене, Будапешту), и в первую очередь — специфику географии потенциально возможного «театра военных действий», особенности транспортной сети. Характерным для Алексеева было желание сочетать общие военно-стратегические цели, определенные ранее Милютиним и Обручевым, и военно-технические реалии, сложившиеся в последние предвоенные годы. В частности, это проявилось в решении использовать линии «старых» крепостей по Висле и «новых» — по границам Полесья, не отказываясь

⁵⁷ Алексеева-Борель В. Аргентинский архив генерала М.В. Алексеева // Военно-исторический журнал. 1993. № 3. С. 43–44, 46–50.

принципиально ни от тех, ни от других рубежей, каждый из которых мог выполнять определенные оборонительные задачи и в то же время служить опорой для наступательных операций.

В условиях ограниченности военных и прежде всего финансовых ресурсов Алексееву приходилось сосредоточиваться на определении приоритетных направлений. При этом особенно проявилось его стремление к использованию решающих, по его убеждению, преимуществ борьбы против Австро-Венгрии, как более «слабого звена» в противостоящем России блоке на Восточном фронте. Приоритеты ударов на Галицию были для него очевидны. При анализе возможных перемен в действиях Германии и Австро-Венгрии Алексей особое значение придавал использованию с максимальной эффективностью стратегических резервов, постепенному, «волновому» введению в действие войск, подходивших к фронту из отдаленных тыловых округов.

Большой опыт военно-исторической работы в Академии Генштаба, годы работы в ГУГШ сделали возможным для Алексеева понимание особенностей австро-германской военной школы, ее сильных и слабых сторон. В то же время генерал проявил себя убежденным сторонником лучших традиций русской классической, «суворовской школы» — инициативного, творческого подхода полководца к решению стоящих перед ним задач, максимальному использованию психологического, «духовного» фактора как для армии в целом, так и для отдельных подразделений и каждого солдата. Кроме того, важно было стремление к детальной проработке основных возможных вариантов действий противника, продумыванию операций «за» своих врагов, что позволяло максимально использовать оборонительный потенциал русских армий.

Алексеев отнюдь не умалял важности дипломатической деятельности. Прежде всего, его как стратега интересовали возможности нейтрализации потенциальных противников России (Швеции, Румынии, Италии, Японии), что позволяло бы избежать излишней рассредоточенности войск, сконцентрировать силы против наиболее опасных, очевидных противников (Германии и Австро-Венгрии).

В то же время нельзя не отметить наличие недостатков, присущих характеру генерала и его стратегическим представлениям. И в предвоенный период, и во время ведения операций в Галиции он всячески избегал обострений, споров как с вышестоящими начальниками, так и с подчиненными ему командирами, даже когда этого требовали интересы проведения операций. В этих условиях Алексей искренне «изливал душу» в частных письмах супруге, в собственных записках и только в крайних случаях прибегал

к жалобам и ходатайствам. Большую часть штабной работы он стремился брать на себя, не из-за недоверия непосредственным подчиненным штабным офицерам, а из-за желания самому контролировать и решать многочисленные фронтовые проблемы, которые, как он полагал, не терпят отлагательств и не допускают малейших ошибок. Если, как показало время, его подчиненные (Дитерихс, Борисов, Плеве) хорошо понимали ситуацию и помогали своему начальнику, налицо был успех. Если же проявлялись недоверие штабу и излишняя «самостоятельность» (Рузский, Драгомиров, Брусилов) — надеяться на полный успех не приходилось.

Следует также отметить, что в первый период войны Алексеев, при очевидном интересе к военно-оперативной работе, техническому состоянию войск и к «духу армии», недостаточно полно оценивал политические и экономические факторы, могущие влиять и, как показали последующие события, серьезно влиявшие на положение не только фронта, но и тыла. Впрочем, подобная «недооценка» была типична в 1914 г. для подавляющего большинства военачальников как Антанты, так и Тройственного союза.

Ключевые слова:

М.В. Алексеев, Генеральный штаб, Галицийская битва, Варшавско-Ивангородская операция, Юго-Западный фронт, Австро-Венгрия.

Vasiliy Z. Tsvetkov

GENERAL ALEXEEV AND THE RUSSIAN ARMY STRATEGIC PLANNING ON THE EVE AND AT THE VERY BEGINNING OF THE FIRST WORLD WAR.

In the article the author investigates the process of war preparations in Russia on the eve of the World War I and the impact of the eminent General Mikhail Alexeev, Commander in Chief of the Russian southwestern army group on the development of pre-war strategic planning. The author demonstrates the continuity of the strategic planning outlined at the end of the 19th century by Generals Milutin and Obruchev and their influence in General Alexeev's pre-war strategic planning (1908, 1912). An integral doctrine is shown to lay at the base of the military planning. The article shows the basic geopolitical and geostrategic principles which influenced General Alexeev's choice of the top-priority direction of future military operations, particularly of the Russian southwestern army group in Galicia. The course of the operations of the South-Western Front at the beginning of the war is depicted, especially the Galician campaign and the Warsaw-Ivangorod Operation. The author notes the specific change of tactics, caused by the necessity to confront the attempts of the Austrian-German forces attack in August and September 1914. The article demonstrates the accuracy and the brilliance of the pre-war strategic evaluations made by General Alexeev, which were fully successful during the first months of the War.

 Цветков Василий Жанович

доктор исторических наук, профессор
кафедры новейшей отечественной истории
Московского педагогического государственного университета

А.В. Олейников

ТЕАТРЫ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ В КАМПАНИИ 1914 Г. В ОПЕРАТИВНО- СТРАТЕГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

ак известно, стратегия — это совокупность способов достижения победы в войне посредством определения целей войны, реализации военного планирования и систематического внедрения мер противодействия противнику с учетом постоянно меняющихся обстоятельств и обстановки.

Она охватывает практическую деятельность высшего военного командования по подготовке и осуществлению военных действий. Стратегия тесно связана с политикой — на основе поставленных политикой целей разрабатываются стратегические планы.

Оперативное искусство определяет способы подготовки и проведения боевых операций — для достижения стратегических целей и дает исходные данные — для тактики, организующей подготовку и ведение общевойскового боя в соответствии с целями и задачами операций. Особое значение имеет театр военных действий — т.е. часть географического пространства, в пределах которого развертываются группировки войск противников и ведутся военные действия.

Изучение различных оперативно-стратегических аспектов деятельности Восточного фронта Первой мировой войны началось еще в военный период. В 1914–1919 гг. вышли в свет интересные работы, посвященные

стратегии на Восточном фронте¹. Так, в «Кратком стратегическом очерке войны 1914—1918 гг.» в оперативном аспекте исследовались события с 19 июля по 11 ноября 1914 г. (от вторжения в пределы Восточной Пруссии до Лодзинской операции включительно). В другом «Кратком стратегическом очерке», опубликованном в журнале «Военное дело», охвачен период с начала войны до середины сентября 1914 г. Применительно к работам по военной стратегии можно говорить лишь об изучении первых операций на Восточном фронте в кампании 1914 г. В данный период появились исследования Н.А. Кладо, Э.Д. Грима, М.М. Ковалевского, Ф.К. Иванова, К. Шумского, А.Д. Шеманского и др.² Эти труды, хотя и имели зачастую общий характер, содержали уникальный фактический материал о мировой войне и роли России. Тогда же вышли в свет и первые описания операций на Восточном фронте. Данные работы (за исключением секретных изданий, издаваемых штабами отдельных армий и фронтов) имели характер обзорных.

Вместе с тем практические нужды военного строительства и обобщения свежего боевого опыта в новом советском государстве привели к созданию Военно-исторической и Военно-морской комиссий по исследованию и использованию опыта войны на суше и на море. Военно-историческая комиссия при Главном штабе Красной армии (возникла в августе 1918 г.) оказалась основным учреждением, которое осуществляло изучение истории Первой мировой войны. Ценные, хотя и небольшие по объему исследования (порядка 44 работ) членов этой комиссии (она несколько раз меняла название и просуществовала до 1924 г.), включая «Стратегический очерк...», печатались в ее «Военно-историческом сборнике», непериодическом издании³. В ряде публикаций известных военных специалистов (среди них — Л.Н. Белькович, Н.А. Валентинов, А.М. Зайончковский, В.Н. Клембовский, Г.К. Корольков, А.А. Незнамов, А.А. Радус-Зенкович, Д.П. Парский, А.А. Свечин, Я.К. Цихович), помещенных на страницах сборника, затрагивались различные аспекты мировой войны на Восточном фронте.

¹ Краткий стратегический очерк войны 1914—1918 гг. Русский фронт. Кн. 1—2. М., 1918—1919; Краткий стратегический очерк войны. 1914—1918 гг. (Русский фронт) // Военное дело. 1918. № 9—15, 17—29; 1919. № 1.

² Кладо Н.А. Очерки мировой войны. Пг., 1914—1915; Гримм Э.Д., Ковалевский В.В. и др. Россия и союзники в борьбе за цивилизацию. М., 1914—1916; Вопросы мировой войны. Пг., 1915; Великая война. Ч. 1—2. М., 1915; Шумский К. Очерки мировой войны на суше и на море. Обзор военных действий на главных театрах. Пг., 1915; Шеманский А.Д., Князев М.В. и др. История Великой войны. Т. 1—3. М., 1915—1916.

³ Военно-исторический сборник (Труды комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914—1918 гг.). Вып. 1—4. М., 1919—1920.

В 1920–1930-е гг. появились базовые труды в сфере стратегии и оперативного искусства. Среди них важнейшее место занимает «Стратегический очерк войны 1914–1918 гг.», созданный военными специалистами — бывшими генералами — участниками войны, с широким применением всех доступных материалов. В семи частях этой работы рассмотрена вся хронология военных действий. Необходимо выделить и труд бывшего генерал-квартирмейстера штаба Кавказского фронта Е.В. Масловского. Упомянутые труды, по сути, образуют единый комплекс работ стратегического характера о боевых событиях на Восточном фронте⁴.

Ряд стратегических аспектов, в том числе эволюцию оперативного развертывания русской армии, рассматривали Г.К. Корольков, Н.Я. Капустин, В.А. Меликов⁵.

Среди авторов работ, появившихся в 1940–1950-х гг., выделяются Н. Галактионов, Н. Руткевич, Н.Т. Царев⁶. Руткевич, например, тщательно изучил общее состояние войск противников к 1914 г., проанализировал стратегическое планирование сторон, показал влияние крупных боевых операций войны на общий исход событий.

Базовой монографией, посвященной усилиям России в Первой мировой войне, является работа И.И. Ростунова⁷. Среди современных исследователей стратегии противоборствовавших в Первой мировой войне сторон

⁴ Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 1. Период от объявления войны до начала сентября 1914 г. Первое вторжение русских армий в Восточную Пруссию и Галицийская битва. М., 1922; Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 2. Период с 1 (14) сентября по 15 (28) ноября 1914 г. Августовское сражение, Варшавско-Ивангородская, Краковская и Лодзинская операции, операции в Галиции и Карпатах, Хыровское сражение. М., 1923; Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 3. Период с 12 (25) ноября 1914 г. по 15 (28) марта 1915 г. М., 1922; Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 4. М., 1922; Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 5. Период с октября 1915 г. по сентябрь 1916 г. М., 1920; Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 6. Период от прорыва Юго-Западного фронта в мае 1916 г. до конца года. М., 1923; Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 7. Кампания 1917 года. М., 1923; Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Румынский фронт. М., 1922; Масловский Е.В. Мировая война на Кавказском фронте 1914–1917 гг. Стратегический очерк. Париж, 1933.

⁵ Корольков Г.К. Несбывшиеся Канны. М., 1926; Капустин Н.Я. Оперативное искусство в позиционной войне. М. — Л., 1927; Меликов В.А. Стратегическое развертывание по опыту Первой империалистической войны 1914–1918 гг. и Гражданской войны в СССР. М., 1939.

⁶ Руткевич Н. О роли Русского фронта в первый период империалистической войны 1914–1918 гг. // Исторический журнал. 1942. Кн. 7 (107). С. 32–46; Царев Н.Т. От Шлиффена до Гинденбурга (о провале военной доктрины кайзеровской Германии в 1914–1918 гг.). М., 1956.

⁷ Ростунов И.И. Русский фронт Первой мировой войны. М., 1976.

следует назвать В.А. Золотарева и С.Н. Михалева⁸. Работа Михалева интересна своим подходом к изучению проблемы: путем проведения сравнительного анализа военной политики России и СССР он пытался выявить, как осуществлялись: подготовка и развертывание войск, стратегическое планирование, наращивание экономического потенциала и т.д. Однако при всех ее неоспоримых достоинствах работа Михалева носит преимущественно справочный характер, а приведенные в ней цифры потерь неточны.

Появились и публикации, затрагивавшие различные стратегические аспекты войны⁹. Значимы и работы, посвященные анализу боевых событий на Восточном фронте¹⁰.

В современной западной историографии вопросам стратегии на Восточном фронте уделяется внимание в работах Дж. Дьюкса, Ф.Дж. Хайтхарнтвайта, Р. Гамильтона, Г. Хервига, Р. Приора, Т. Вильсона, Р.Р. Карлайля, П. Симкинса, М. Хики и др.¹¹ Но обзоры слишком поверхностны, кроме того, заметно стремление показать, что на фоне главных событий кампании 1914 г. в Западной Европе то, что происходило на русско-германском и русско-австрийском фронтах, имело второстепенное значение. Собственно театры военных действий (ТВД) на Восточном фронте не анализировались.

Соответственно, необходимо подчеркнуть, что рассмотрение обозначенной нами проблематики в заявленном контексте до сих пор специалистами не осуществлялось. И это несмотря на то что Первая мировая война, война нового типа, характеризовалась множественностью театров военных действий.

⁸ История военной стратегии России. М., 2000; Михалев С.Н. Стратегическое руководство. Россия/СССР в двух мировых войнах 20 столетия. Красноярск, 2000.

⁹ См., например, Шишов Г.М. Если у вас нет нефти... все ваши преимущества мало чего стоят // Военно-исторический журнал. 2006. № 1. С. 36–39.

¹⁰ Нелипович С.Г. Фронт сплошных митингов // Военно-исторический журнал. 1999. № 2. С. 34–47; он же. Варшавское сражение. Октябрь 1914. М., 2006; Герасимов В.А. Борьба за превосходство в воздухе в кампании 1916 года // Военно-исторический журнал. 2003. № 8. С. 29–33; Михайлов В.В. Разгром турецкой армии и овладение первоклассной крепостью // Военно-исторический журнал. 2006. № 8. С. 49–53; Оськин М.В. Галицийская битва. Август 1914. М., 2006; он же. Крушение германского блицкрига в 1914 году. М., 2007; Пахлаюк К. Ласдененская операция и отход Вержболовской группы из Восточной Пруссии // Рейтар. Военно-исторический журнал. 2007. № 34 (1). С. 62–81; и др.

¹¹ Haythornthwaite Ph. J. The World War One Source Book. L., 1992; Tucker S.C. The Great War 1914–1918 (Warfare and History). L., 1998; Prior R., Wilson T. The First World War. L., 1999; Jukes G. The First World War (1). The Eastern front 1914–1918. L., 2003; Simkins P., Jukes G., Hickey M. The First World War. L., 2003; Hamilton R., Herwig H. Decisions for War, 1914–1917. Cambridge, 2005; History of Warfare and Belligerence — Perspectives in First World War Studies. Boston, 2005; Carlisle R.P. Facts On File — World War I. New York, 2007.

Верховный главнокомандующий русской Действующей армией
великий князь Николай Николаевич

Стратегическое развертывание русской Действующей армии в кампании 1914 г. на Западном (австро-германском) фронте определялось прежде всего спецификой коалиционной войны. В коалиционной стратегии даже поражение одного из союзников вызывает успех другого, а иногда может привести к победе всего военно-политического блока — и в этом смысле оперативно-тактическое поражение может иметь иногда большее значение, чем победа. В коалиционной войне союзники должны помнить друг о друге во время проведения боевых операций и руководствоваться прежде всего не узкоэгоистическими интересами собственного фронта, а пользой коалиции в целом.

В 1912 г. был принят русский план стратегического развертывания в двух вариантах: план «А» — главный удар против Австро-Венгрии и план «Г» — основные военные усилия направлялись против Германии. Решающим было то, куда будет направлена главная часть германской военной мощи — против России (тогда вступал в силу план «Г» — «Германия») или Франции (в этом случае задействовался вариант «А» — «Австрия»). Русское командование пыталось увязать собственно русские интересы с военно-политическими обязательствами перед Францией (это, в основном, нормы Франко-Русской военной конвенции 1892 г.).

В связи с этим внимание русского военного руководства было приковано к двум театрам военных действий — восточно-прусскому и галицийскому. Фактически проводились две самостоятельные фронтовые опера-

Начальник Штаба Верховного главнокомандующего
генерал-лейтенант Н.Н. Янушкевич

ции — первая в интересах союзников (прежде всего Франции), вторая — в собственно российских интересах. Действующая армия сформировала в начале войны два фронта — Северо-Западный (против Германии) и Юго-Западный (против Австро-Венгрии).

Соответственно к началу кампании 1914 г. внимание Верховного командования (Верховный главнокомандующий генерал от кавалерии великий князь Николай Николаевич; начальник Штаба Верховного главнокомандующего генерал от инфантерии Н.Н. Янушкевич; генерал-квартирмейстер Штаба Верховного главнокомандующего генерал от инфантерии Ю.Н. Данилов) русской армии раздваивалось.

Задаче реализации союзнического долга способствовало максимально быстрое вторжение русских войск в Восточную Пруссию. Максимальная быстрота означала проблемы в мобилизации и сосредоточении войск — но русское командование шло на это ради спасения своей союзницы, Франции. В августе 1914 г. единственная германская территория, на которую непосредственно могла воздействовать русская армия, — это Восточная Пруссия. Именно действия в данном регионе в начале кампании могли повлечь оперативную реакцию высшего германского командования и вызвать отток войск от Франции. Но Восточная Пруссия, эта естественная крепость Европы, была очень неприятным в смысле маневрирования ТВД, не прощавшим оперативных и тактических ошибок оперировавших

войск. Совершенно обоснованной представляется характеристика Восточно-прусского ТВД, данная военным журналистом К.М. Шумским в декабре 1914 г.: «Восточная Пруссия по справедливости считается самым трудным театром войны в Европе. Правильнее даже считать эту провинцию целой сплошной громадной крепостью, до того сильны препятствия на этом театре как естественные, так и искусственные, возведенные немцами»¹².

Задаче реализации собственно русских интересов способствовали операции в Галиции. Этот ТВД мог принести гораздо большие стратегические и оперативные результаты. Он был благоприятнее для маневрирования крупных войсковых группировок. Наконец, здесь была сосредоточена главная масса австрийской армии, и заманчивым казалось нанести ей решительное поражение уже в самом начале войны.

Принятый русским Генеральным штабом план одновременного наступления против Австро-Венгрии и Германии¹³, казалось бы, отвечал задачам нанесения решительного поражения австро-венгерским армиям и оказания быстрой и эффективной помощи Франции путем наступления в Восточной Пруссии. Но этот план наталкивался на непреодолимые трудности, главной из которых была недостаточность сил русской армии на начальном этапе войны. Огромный по протяженности фронт, постепенность сосредоточения войск в условиях маневренных боевых действий накладывали существенный отпечаток на первые боевые операции русской армии.

К концу кампании 1914 г. сформировалось уже четыре театра военных действий.

Восточная Пруссия

Восточно-прусские походы русской армии 1914 г. — Восточно-Прусская операция (включая Первое сражение у Мазурских озер 25–31 августа 1914 г.)¹⁴ и Второй поход в Восточную Пруссию (Первая Августовская опе-

¹² На два фронта // Нива. 1914. № 52. С. 1012.

¹³ См.: Головин Н.Н. Из истории кампании 1914 года на Русском фронте. План войны. Париж, 1936.

¹⁴ Восточно-Прусская операция — сражение между 1-й (командующий генерал от кавалерии П.-Г.К. Ренненкампф; 6,5 пехотных и 5,5 кавалерийских дивизий, 402 орудия, до 100 тыс. человек) и 2-й (командующий генерал от кавалерии А.В. Самсонов; 11 пехотных, 3 кавалерийские дивизии — 702 орудия, 150 тыс. человек) армиями Северо-Западного фронта (командующий генерал от кавалерии Я.Г. Жилинский) и 8-й германской армией (командующий генерал-полковник М. фон Притвиц, впоследствии генерал пехоты П. фон Гинденбург; 16 пехотных дивизий или 200 тыс. человек при 1044 ору-

Командующий 1-й армией Северо-Западного фронта
генерал от кавалерии П.-Г.К. Ренненкампф

рация 12–30 сентября 1914 г.)¹⁵ — имели важнейшее оперативно-стратегическое значение.

диях (из них 156 тяжелых)). См.: Сборник документов мировой империалистической войны на Русском фронте (1914–1917 гг.). Восточно-Прусская операция. М., 1939; Головин Н.Н. Из истории кампании 1914 г. на Русском фронте — начало войны и операции в Восточной Пруссии. Прага, 1926; Вацетис И.И. Боевые действия в Восточной Пруссии в июле, августе и начале сентября 1914 г. Стратегический очерк. Действия 1-й и 2-й русских армий и 8-й германской армии. М., 1923; он же. Операции на восточной границе Германии в 1914 г. Ч. 1. Восточно-Прусская операция. М., 1929; Евсеев Н. Августовское сражение 2-й русской армии в Восточной Пруссии (Танненберг) в 1914 г. М., 1936; Храмов Ф.А. Восточно-Прусская операция 1914 г. Оперативно-стратегический очерк. М., 1940.

Первое сражение у Мазурских озер — операция между 1-й армией Северо-Западного фронта (командующий генерал от кавалерии П.-Г.К. Ренненкампф; в начале операции 12 пехотных дивизий; до 150 тыс. человек, 724 орудия) и 8-й германской армией (командующий генерал-полковник П. фон Гинденбург; в начале операции 18 пехотных дивизий; до 215 тыс. человек, 1146 орудий). См.: Сборник документов мировой империалистической войны на Русском фронте (1914–1917 гг.). Восточно-Прусская операция. М., 1939. С. 20; Нилман Г. Поход Гинденбурга в Россию. М., 1920. С. 44.

¹⁵ Операция между 10-й армией Северо-Западного фронта (командующий генерал от инфантерии В.Е. Флуг; в начале операции 8 пехотных дивизий; до 120 тыс. человек, около 400 орудий) и 8-й германской армией (командующий генерал артиллерии Р. фон Шуберт; в начале операции 7 пехотных дивизий; до 100 тыс. человек, 500 орудий). См.: Краткий стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Русский фронт. Ч. 2. Составил участник войны В. Борисов. М., 1919; Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 2. М., 1923; Флуг В.Е. X армия в сентябре 1914 г. Воспоминания участника // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. Белград, 1924. Кн. 5.

Схема 1. Восточнопрусский ТВД.

Евсеев Н. Августовское сражение 2-й русской армии в Восточной Пруссии (Танненберг) в 1914 г. М., 1936

Главная цель этих операций — помощь французам и овладение плацдармом для последующих действий против Германии, а также прикрытие правого фланга русских армий в Польше.

Восточнопрусский ТВД приковывал войска самого тяжелого нашего противника — германцев — и изначально не меньше армии. Стратегическое значение восточнопрусских походов для Восточного фронта заключалось в том, что бои в Восточной Пруссии при их переменном успехе и тяжести обеспечивали правый фланг главной русской группировки — в Польше. Германцы так и не смогли оказать содействие австрийским (в период Галицийской битвы 5 августа — 13 сентября 1914 г.)¹⁶ и австро-германским (в период Варшавско-Ивангородской 15 сентября — 26 октября и Лодзинской 19 ок-

¹⁶ Галицийская битва — сражение между 3, 4, 5, 8, 9-й (после сосредоточения) армиями Юго-Западного фронта (командующий генерал от артиллерии Н.И. Иванов; свыше 50 пехотных и кавалерийских дивизий — до 1 млн. человек, свыше 2 тыс. орудий) и 1, 2 (после переброски с Балкан), 3, 4-й австро-венгерскими армиями при поддержке армейских групп К. фон Кевесгаза, И. Фердинанда, Р.Г. фон Куммера и Силезского ландверного корпуса Р. фон Войрша (командующий генерал пехоты граф Ф.К. фон Гетцендорф; около 60 пехотных и кавалерийских дивизий — до 950 тыс. человек, 1800 орудий). См.: Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 1. Период от объявления войны до начала сентября 1914 г. Первое вторжение русских армий в Восточную Пруссию и Галицийская битва. М., 1922; Головин Н.Н. Из истории кампании 1914 г. на Русском фронте. Галицийская битва. Первый период до 1 сентября нового стиля. Париж, 1930; Белой А. Галицийская битва. М.—Л., 1929.

Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта
генерал от артиллерии Н.И. Иванов

тября — 6 декабря операций 1914 г.)¹⁷ войскам ударом на Седлец или иным способом в самый ответственный оперативный период кампании.

¹⁷ Варшавско-Ивангородская операция — сражение между 2, 4, 5-й и 9-й русскими армиями Северо-Западного и Юго-Западного фронтов (командующие генерал от инфантерии Н.В. Рузский и генерал от артиллерии Н.И. Иванов; 33 пехотные и кавалерийские дивизии — до 520 тыс. человек, 2400 орудий) и 9-й германской (командующий генерал-полковник П. фон Гинденбург) и 1-й австро-венгерской (командующий генерал кавалерии В. Данкль) армиями (30 пехотных и кавалерийских дивизий — 310 тыс. человек, 1600 орудий). См.: Сборник документов мировой империалистической войны на Русском фронте (1914—1917 гг.). Варшавско-Ивангородская операция. М., 1938; *Корольков Г.К.* Варшавско-Ивангородская операция. М., 1923; Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. Ч. 2. Период с 1 (14) сентября по 15 (28) ноября 1914 г. Августовское сражение, Варшавско-Ивангородская, Краковская и Лодзинская операции, операции в Галиции и Карпатах, Хыровское сражение. М., 1923.

Лодзинская операция — сражение между 1, 2-й и 5-й армиями Северо-Западного фронта (командующий генерал от инфантерии Н.В. Рузский; 12 армейских корпусов и 9 кавалерийских дивизий — 360 тыс. человек, 1300 орудий) и 9-й германской (командующий генерал-полковник (в ходе операции произведен в генерал-фельдмаршалы) П. фон Гинденбург), 2-й австро-венгерской (командующий генерал кавалерии Э. фон Бем-Эрмолли) армиями при поддержке Силезского ландверного корпуса (12,5 корпусов и 7 кавалерийских дивизий — 380 тыс. человек, 1700 орудий). См.: Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. Ч. 2. Период с 1 (14) сентября по 15 (28) ноября 1914 г. Августовское сражение, Варшавско-Ивангородская, Краковская и Лодзинская операции, операции в Галиции и Карпатах, Хыровское сражение. М., 1923; Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. Ч. 3. Период с 12 (25) ноября 1914 г. по 15 (28) марта 1915 г. М., 1922; Сборник документов мировой империалистической войны на Русском фронте (1914—1917 гг.). Лодзинская операция. М., 1936; *Корольков Г.К.* Лодзинская операция 2 ноября — 19 декабря 1914 г. М., 1934; *Рыбин Д. Н.* Лодзинская операция на Русском фронте мировой войны в 1914 году. М., 1938.

Пока русские войска занимали хотя бы половину Восточной Пруссии, противник был очень ограничен в маневроспособности и на Польском ТВД. Кроме того, удары по Восточной Пруссии были наиболее болезненны для немцев и могли в кратчайший срок, вызвав реакцию высшего командования противника, сказаться на обстановке на германо-французском фронте.

Именно операции в Восточной Пруссии выручили французскую армию в период Марнской битвы (5–12 сентября¹⁸) и англо-французскую армию на Ипре и Изере (октябрь 1914 г.). Операции в Восточной Пруссии в большой мере сказались не только на выигрыше кампании 1914 г. Антантой, но и, по сути, всей мировой войны. Бой под Гумбинненом 7 августа 1914 г.¹⁹ и первые победы войск 2-й армии генерала от кавалерии А.В. Самсонова ознаменовали начало войны Германии на два фронта. Теперь она вынуждена была раздваивать свои усилия, а не громить врага по частям. Воевать на два фронта Германская империя в силу различных обстоятельств (прежде всего из-за ограниченности ресурсов) не могла. Осенние операции только усугубили данную ситуацию для противника.

В августе 1914 г. немцы были вынуждены перебросить в Восточную Пруссию 4 пехотные и 1 кавалерийскую дивизии (из Франции), а 2 пехотных дивизии (единственный на тот момент подготовленный резерв) из Германии в конце сентября — начале октября. Это имело важнейшее значение для союзников России — Германия проиграла Марнскую битву, не решила задачи в битве на Ипре. Германо-французский фронт стабилизировался.

Оперативно русская армия проиграла одну операцию (Восточно-Прусскую) и одну выиграла (Первую Августовскую). Восточнопрусский ТВД был характерен тяжелыми потерями сторон — не менее 70 тыс. человек потеряли немцы и до 180 тыс. человек — русские. Но среди русских потерь значительный процент — пленные (до 30 тыс. человек в самсоновской катастрофе и до 30 тыс. человек в Первом сражении у Мазурских озер). Для немцев же цифра включает в себя в основном потери убитыми и ранеными. На сопоставимость безвозвратных потерь противников указывает и тот факт, что по дан-

¹⁸ Здесь по-новому стилю (в отличие от старого стиля применительно к операциям на Восточном фронте).

¹⁹ 74,4 тыс. штыков немцев при 224 пулеметах, 408 легких и 44 тяжелых орудиях (1-й (командир генерал пехоты Г. фон Франсуа) и 17-й (командир генерал кавалерии А. фон Макензен) армейские корпуса германской 8-й армии (командующий генерал-полковник М. фон Притвиц)) против 63,8 тыс. штыков русских при 252 пулеметах, 408 орудиях (20-й (командир генерал от артиллерии П.И. Булгаков) и 3-й (командир генерал от инфантерии Н.А. Епанчин) армейские корпуса русской 1-й армии (командующий генерал от кавалерии П.-Г.К. Ренненкампф)). См.: Радус-Зенкович Л.А. Очерк встречного боя по опыту Гумбинненской операции в августе 1914 г. М., 1920. С. 92.

Командующий 3-й армией Юго-Западного фронта
генерал от инфантерии Н.В. Рузский

ным на 1939 г. на территории Восточной Пруссии было 2,2 тыс. могил эпохи Первой мировой войны, где покоилось около 61,2 тыс. солдат и офицеров, из них 27 860 немцев и 32 540 русских²⁰. Соответственно, боевые действия в Восточной Пруссии отличали повышенный союзнический эффект, позиционная безрезультатность и сопоставимые безвозвратные потери сторон.

Галиция

Галицийские операции русской армии в кампании 1914 г.: Галицийская битва, Ченстохово-Краковская операция (1–11 ноября 1914 г.)²¹, первый этап Карпатской операции (октябрь — декабрь 1914 г.)²². Главная цель

²⁰ http://ruskline.ru/analitika/2011/07/13/memorialy_gumbinenskogo_polya/

²¹ Сражение между 4-й и 9-й армиями Юго-Западного фронта (командующий генерал от артиллерии Н.И. Иванов) в составе 9 армейских корпусов (около 270 тыс. человек, свыше 1200 орудий) против 1-й и 4-й австро-венгерских армий (командующие генерал кавалерии В. Данкль и генерал пехоты И. Фердинанд — 8 армейских корпусов — всего свыше 300 тыс. человек, до 1300 орудий). См.: Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914–1918. Band 6. Der herbstfeldzug 1914. II. Berlin, 1929; Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 2. Период с 1 (14) сентября по 15 (28) ноября 1914 г. Августовское сражение, Варшавско-Ивангородская, Краковская и Лодзинская операции, операции в Галиции и Карпатах, Хыровское сражение. М., 1923.

²² Сражение между 1, 2, 3, 4-й австро-венгерскими армиями при поддержке армейских групп К. Пфланцер-Балтина и Р. Войрша (командующий генерал пехоты граф Ф.К. фон Гетцендорф; 18 армейских корпусов, 10 кавалерийских дивизий — около

Схема 2. Галицийский ТВД и расстановка сил противников перед Галицийской битвой.
Белой А. *Галицийская битва*. М.-Л., 1929

этих операций — сокрушение австро-венгерской армии и вывод Австро-Венгрии из войны.

Операции на этом ТВД осуществлялись прежде всего в собственно русских интересах, но и они имели важнейшее значение для союзников России. Галицийская битва, без преувеличения, ключевое сражение не только на Восточном фронте, но и всей мировой войны. Это сражение заложило основу всех последующих операций в Галиции, «сломало хребет» австро-венгерской армии, сказалось на стратегическом и оперативном планировании как немцев, так и австрийцев. Сражение сгладило оперативные неудачи в Восточной Пруссии и привело к складыванию новой оперативно-стратегической ситуации — русские войска выходили к Карпатам.

Галицийский фронт — главный ТВД для России, стратегическая и оперативная обстановка на нем кардинальным образом отражалась на всем Во-

600 тыс. человек, около 2600 орудий) и 3, 4, 8, 9, 11-й армиями Юго-Западного фронта (командующий генерал от артиллерии Н.И. Иванов; 23 армейских корпуса (считая 2 дивизии за корпус), 14 кавалерийских дивизий; около 750 тыс. человек, 2300 орудий). См.: *sterreich-Ungarns Letzter Krieg 1914–1918. Bd. II. Wien, 1931; Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914–1918. Band 6. Der herbstfeldzug 1914. II. Berlin, 1929.*

Схема 3. Европейские театры военных действий русской армии и их взаимосвязь.
На два фронта // Нива. 1914. № 52

сточном фронте. Фактически была сохранена в рядах союзников Сербия — в этом также важнейшее стратегическое значение Галицийской битвы для Антанты. Австрийцы были вынуждены значительно скорректировать свои операции на Балканах. Неудачное для противника течение Галицийской битвы привело к сосредоточению на Восточном фронте 2-й австрийской армии, предпочтительно предназначавшейся для ведения операций на Балканах. 8 пехотных дивизий стратегического резерва в составе этой армии попали на Восточный фронт, чем была спасена Сербия. Если же учесть, что сопротивляющаяся Сербия в какой-то степени изолировала Турцию, оказывался не нужным Салоникский фронт и т. д., то понятным становится глобальность общестратегического значения галицийской победы. Австро-Венгрия также не решила своих задач по разгрому одного из противников (Россия и Сербия), а воевать на два фронта она была способна еще менее Германии.

Стратегически именно Галицийская битва, как центральное сражение кампании, способствовала выигрышу и кампании 1914 г., а значит, и всей войны. Оперативно бои на Галицийском ТВД традиционно были для русской армии успешны (безрезультатно закончилась лишь Ченстохово-Кракковская операция).

Польша

Действия русских войск по двум вышеуказанным направлениям привели к интенсивным переброскам германских соединений на Восточный фронт. Их структурирование и поиск новых оперативных решений привели к обра-

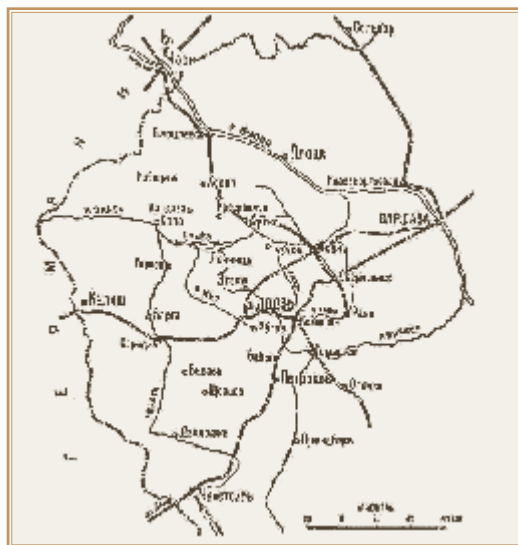

Схема 4. Польский ТВД.

Рыбин Д.Н. Лодзинская операция на Русском фронте мировой войны в 1914 году. М., 1938

зованию еще одного ТВД — Польского (район реки Висла). Здесь были осуществлены одни из крупнейших и знаковых операций кампании — Варшавско-Ивангородская и Лодзинская. Осенью—зимой 1914 г. это центральный ТВД Восточного фронта как по масштабности операций, так и по количеству задействованных войск противников. Для австро-германцев — это общекоалиционный ТВД. Важнейшие операции (Варшавско-Ивангородская и Лодзинская) шли с переменным успехом, сопровождаясь огромными потерями сторон.

Стратегический результат операций в Польше не оправдал надежд противников — русские не смогли осуществить вторжение в Германию, австро-германцы — прорваться к Варшаве. Вместе с тем стабилизация этого фронта объективно была выгодна русской стороне, истощение же противников привело к поискам новых оперативных решений. В деле облегчения положения союзников России операции в Польше были наиболее результативны — австрийские силы на Восточном фронте возросли на 3 дивизии, немцы перебросили 8 пехотных и 6 кавалерийских дивизий, что в значительной степени облегчило положение сербов и особенно англичан и французов в сражении во Фландрии.

Оперативно из двух крупнейших операций в Польше одна была русскими выиграна (Варшавско-Ивангородская) и одна закончилась «вничью» (Лодзинская).

Маневренные операции стратегического значения привели к колоссальным потерям противников. Так, лишь 9-я германская армия за семь недель

Схема 5. Кавказский ТВД.

Великая война в 1914 г. Очерк главнейших операций. Пг., 1916

(конец сентября — середина декабря 1914 г.) потеряла более 100 тыс. человек, из них 36 тыс. — «похоронено на местах боев»²³. Совокупные потери австро-германцев в Варшавско-Ивангородской и Лодзинской операциях — свыше 300 тыс. человек. Осенью—зимой 1914 г. и русская армия в Польше потеряла свыше 400 тыс. человек (Варшавско-Ивангородская операция, Лодзь, Бзура).

Кавказ

Вступление Турции в войну привело к образованию еще одного фронта — Кавказского. Центральной операцией на данном ТВД в кампании 1914 г. является Сарыкамышское сражение 9 декабря 1914 г. — 4 января 1915 г.²⁴

²³ Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914–1918. Bd. 6. Der herbstfeldzug 1914. II. Berlin, 1929. S. 360.

²⁴ Сражение между Кавказской армией (формально командующий генерал от кавалерии граф И.И. Воронцов-Дашков; 120 тыс. человек, 304 орудия) и 3-й турецкой армией (формально командующий генерал-лейтенант Иззет-паша; 150 тыс. человек, 300 орудий). См.: Масловский Е.В. Мировая война на Кавказском фронте 1914–1917 гг. Стратегический очерк. Париж, 1933; Сарыкамышская операция 12–24 декабря 1914 г. (некоторые документы). Париж, 1934; Корсун Н.Г. Сарыкамышская операция. М., 1937; он же. Первая мировая война на Кавказском фронте. Оперативно-стратегический очерк. М., 1946.

Русская Кавказская армия при минимуме первоочередных войск (4 дивизии) оттянула на себя 11 кадровых турецких дивизий и сильно их обескровила, чем оказала неоценимую помощь союзникам, прежде всего Англии. Благодаря Сарыкамышской победе произошло усиление турецких войск, действующих против Кавказской армии, что облегчило действия англичан в Месопотамии и в районе Суэцкого канала. Для русских войск в Европе Кавказский фронт всегда был «донором», выделяя новые формирования для борьбы с немцами и австрийцами. Стратегически и оперативно Кавказский фронт почти всегда был победоносен.

Россия в первые месяцы Первой мировой войны сорвала план противника в рамках одной кампании реализовать свое стратегическое планирование. Учитывая вступление в силу долговременных факторов ресурсного превосходства Антанты, Россия сыграла ключевую роль в приближении грядущей победы блока. С конца кампании 1914 г. поражение Германии и ее союзников стало лишь вопросом времени.

Ключевые слова:

Восточный фронт Первой мировой войны; театр военных действий (ТВД);
Восточнопруссский ТВД, Галицийский ТВД, Кавказский ТВД.

Alexiy V. Oleynikov

THEATERS OF WORLD WAR I: OPERATIONAL AND STRATEGIC ASPECTS OF THE IMPERIAL RUSSIAN ARMY'S CAMPAIGN OF 1914

The article focuses on the theatre of military operations involving the Russian army during the campaign of 1914 in the operational-strategic context of the WWI Eastern Front.

It emphasizes how the concept of the theatre of war influenced military planning and field actions of the Russian troops. Russia played an important role in the war's eastern theater bringing frustration to the initial pre-war strategic military plans of both the German and Austro-Hungarian forces. The author demonstrates that the efficiency of performance during the campaign of 1914 depended upon the strategic posture of Russian army as well as on the operational confrontation with the enemies.

 Олейников Алексей Владимирович

доктор исторических наук, профессор
кафедры истории России
Астраханского государственного университета

А.А. Мурашев

«КАК КОННО-ГВАРДЬЯ ОТЛИЧИЛАСЬ...»

К истории одной стихотворной реляции

од командованием генерала П.К. Ренненкампа 1-я русская армия 4 августа 1914 г. перешла германскую границу и вступила на территорию Восточной Пруссии. Находившийся в ее составе Конный корпус генерал-лейтенанта Г.Х. Нахичеванского (4 кавалерийские дивизии) имел задачей обеспечение развертывания главных сил и ведение разведки. Осуществляя движение на Истербург, гвардейская кавалерия вошла в соприкосновение с противником и 6 августа завязался бой с 2-й бригадой прусского ландвера у д. Каушен.

Атака гвардейцев в конном строю была приостановлена огнем шрапнели. Кавалергардам, уланам, кирасирам, конногренадерам и конногвардейцам пришлось спешиться. Командир оставшегося в резерве 3-го эскадрона лейб-гвардейского Конного полка, ротмистр барон П.Н. Врангель¹, вспоминал полковой командир Б.Е. Гартман, «не находил себе места от нетерпения.

¹ П.Н. Врангель во время Русско-японской войны служил под командованием генерала П.К. Ренненкампа. См. подробнее: *Врангель П.* В передовом летучем отряде генерала Ренненкампа // Исторический вестник. 1907. Апрель. С. 158–203; *Врангель П.* В тылу у японцев во время боя при Шахэ // Исторический вестник. 1909. Ноябрь. С. 542–568.

Полковник Б.Е. Гартман. 1914 г.

Вести о потерях, об убитых товарищах доходили до него и лишь усиливали его протест против того, что ему приходится оставаться в тылу, когда его товарищи дерутся. И наконец он не вытерпел. К этому времени к начальнику 1-й гвардейской кавалерийской дивизии генералу Казнакову подъехал с наблюдательного пункта 1-й Его Величества батареи поручик Гершельман² и доложил, что орудия противника в тяжелом положении и что если помочь спешенным частям свежими силами, то орудия можно будет захватить. Услышав это, Врангель стал буквально умолять разрешить ему атаковать»³.

В критический момент боя командир дивизии генерал-лейтенант Н.Н. Казнаков бросил в бой свой последний резерв — 3-й эскадрон, умело прикрываясь складками местности, сблизился с немецкой батареей и, развернувшись, атаковал. Немцы, не ожидавшие столь стремительной атаки, не успели изменить прицел... Конногвардейцы ворвались на позиции

² *Георгий Сергеевич Гершельман* — поручик гвардии, убит в бою 6 августа 1914 г., награжден орденом Святого Георгия 4-й степени «за то, что лично вызвавшись показать коннице местонахождение неприятельской батареи, принял участие в атаке, способствовал взятию с боя двух орудий, причем убит последним данным в упор выстрелом» (Летопись войны. 1915. № 32. Официальный отдел. С. 62).

³ *Гартман Б.* Каушенский бой // Главнокомандующий Русской армией генерал барон П.Н. Врангель. К десятилетию его кончины 12/25 апреля 1938 г. Берлин, 1938. С. 134.

неприятеля и заставили замолчать батарею, а потом в рукопашной схватке выбили противника из Каушена⁴.

Рапорт о бое под Каушеном пошел по инстанциям. «Генерал Ренненкампф доносит, — сообщал 8 августа 1914 г. генерал-лейтенант В. Орановский генералу Данилову, — 6-го вечером на хана Нахичеванского повели наступление шесть батальонов пехоты с двумя батареями — они отбиты. Конногвардейцы захватили два орудия, потери конницы велики»⁵.

Вести из Восточной Пруссии доходили до столицы и частным образом. 7 августа великий князь Константин Константинович, один из сыновей которого поручик Иоанн Константинович служил в Конном полку, записал в дневнике: «Вернувшись <в Павловск>, получил телеграмму Ермолинского из Действующей армии без обозначения дня и места отправления: “После вчерашнего кавалерийского боя Их высочества живы и совершенно здоровы. Потери такие: Конной гвардии убиты Суровцев, два Кур[че]нинова, Зиновьев, два Каткова, Князев и Бобриков, ранены Бенкендорф, Гартман, Бобриков, Дубенский и Торнау. В Кавалергардском убиты: Карцов, Кильдишев, Сергей Воеводский. У кирасир двое раненых. Уланы — убит Каульбарс, ранены Гурский, Трубецкой и Скалон. Гусарский — ранен Кауфман. Конногренадеры — убит: Лопухин, ранены: Крамарев и два офицера. 3-й эскадрон Конной гвардии взял батарею. Немцы

⁴ Описание конной атаки Б.Е. Гартман завершает следующими словами: «Врангель потерял лошадь, тоже пешком добежал до орудий... Врангель в своем порыве вскочил на орудие и уже оттуда распоряжался дальнейшими действиями, пока ему не подвели другую лошадь».

«К сожалению, я не участвовал в этом бою, — вспоминал великий князь Гавриил Константинович, — потому что 4-й эскадрон был назначен охранять обоз 1-го разряда. Слышал впереди выстрелы, но не знал, что происходит... После боя наш эскадрон был назначен в охранение. Ясно помню, что когда полк собрался вместе, уже почти стемнело. Я стоял в группе наших офицеров, говорили, что Врангель убит; Гревс и Велепольский жалели убитого, как хорошего офицера, которого они знали еще по японской войне. Вдруг в этот момент появляется сам барон Врангель верхом на громадной вороной лошади. В сумерках его плохо было видно и он казался особенно большим. Он подъехал к нам и с жаром, нервно стал рассказывать, как он атаковал батарею. Я никогда не забуду этой картины» (*Великий князь Гавриил Константинович*. В Мраморном дворце. Мемуары. М., 2001. С. 228–229).

⁵ Сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914–1917 гг.). Восточно-Прусская операция. М., 1939. С. 191. Из донесения Верховного главнокомандующего (10 августа): «6 августа наша армия продвигалась с боем в районе Гумбинена. 7 августа сражение продолжалось на фронте до тридцати верст. Установлено участие в бою не менее четырнадцати германских пехотных полков, в том числе восьми полевых, и многочисленной тяжелой артиллерии. Сражение развивается успешно. Наша конница захватила два орудия» (*Летопись войны*. 1914. № 4. Официальный отдел. С. 5).

всюду отступают, сжигая деревни”. Сердце сжимается. Подумаешь: в одной Конной гвардии убито 8 офицеров (в том числе родной племянник нашей Софихен) и пятеро ранено — какой Лопухин: отец или сын? Дорого же куплен успех!»⁶

В том же полку служил и великий князь Дмитрий Павлович. Его сестра сообщила по телефону последние новости баронессе О.М. Врангель⁷. Запись в дневнике барона Н.Н. Врангеля: «[8 августа] Господи, Боже мой, какие ужасы: сейчас вел[икая] кн[ягиня] Мария Павловна⁸ сообщила по телефону моим родственникам содержание последней телеграммы о деле, где участвовали гвардейские полки и среди них л.-гв. Конный, где служит мой брат. В этом полку убиты: два брата Катковы, Михаил и Андрей, Д. Суворцов, Бобриков, Михаил, два бра[та] Курченинова, Князев, Зиновьев. Ранены: Бобриков, Гартман, бар[он] Торнау, кн[язь] Накашидзе (в голову), и раньше — гр[аф] Бенкендорф и бар[он] Багге-аф-Боо. Скоро пол-Петербург будет в трауре»⁹.

Вскоре Ольга Михайловна получит письмо от любимого «Петруши»: «Вчера было у нас первое дело, я действовал сперва отдельно от полка, затем вторично, вечером, с полком. Всыпали немцам порядочно, захватили много оружия, ранцев и т.д. О первом деле моего эскадрона посылаю Тебе копию с моего донесения, поданного к[оманди]ру по требованию начальника дивизии. Не нарадуюсь на эскадрон — действовали как на параде ... — толково и беззаветно храбро. Надеюсь, что Скоропадский наградит моих молодцов.

⁶ Романов К.К. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М., 1998. С. 346–347.

⁷ Ольга Михайловна Врангель (урожд. Иваненко), баронесса (1883–1968) — жена барона П.Н. Врангеля.

⁸ Мария Павловна-младшая, великая княгиня (1890–1958) — сестра великого князя Дмитрия Павловича.

⁹ Врангель Н.Н. Дни скорби. Дневник 1914–1915 годов. СПб., 2001. С. 39–40. Его отец барон Н.Е. Врангель находился в ту пору на лечении во Франции. Накануне его отъезда из Парижа «в вечерних газетах появилась телеграмма о блистательной конной атаке прусской батареи 3-м эскадронам Конного полка. Батарея была взята, но, как значилось в телеграмме, при этом погиб цвет русской гвардии. Потери громадные. Этим эскадронам командовал сын. Жив ли он? Ранен? Телеграммы шли неделями, ответ в Париже я получить не мог. Я просил своих мне телеграфировать в Лондон. В английских газетах об атаке у К[а]ушена трубили. От посла графа Бенкендорфа я узнал, что ранен и его сын, товарищ моего. Ночью меня разбудили. У дверей моей комнаты стояла вся семья Бибиковых; по радостным их лицам я понял, что все благополучно. Сын был здоров и невредим и награжден Георгием. Он спасся почти чудом. Последним выстрелом орудия, почти в упор, была убита его лошадь, и его из седла перекинуло через пушку...» (Врангель Н.Е. Воспоминания (от крепостного права до большевиков). Берлин, 1924. С. 205).

Офицеры и вольноопределяющиеся вели себя прекрасно, с такими помощниками можно идти хоть к черту на рога. Теперь, вероятно, просидим некоторое время в бездействии. Очень беспокоюсь, не имея известий от папа — где-то он находится? От мама ни слова — не знаю, что она намерена делать. Если будет верная оказия, то перешли ей мою реляцию о бое, буду и впредь посылать Тебе копии с моих описаний дел эскадрона. Хотел послать Тебе отбитое мною оружие¹⁰ и снаряжение, но ... отобрали для полкового музея...»¹¹

Много позже — в сборнике, посвященном десятилетию кончины «черного барона» Гражданской войны, — генерал Б.Е. Гартман заметит: «Для Врангеля Каушен был его Тулоном»¹².

А в 1914-м... 23 августа ротмистр барон П.Н. Врангель был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени «за то, что в бою 6 августа, под Краупишкеном, выпросив разрешение броситься с эскадронам на батарею противника, стремительно произвел конную атаку и, несмотря на значительные потери, захватил 2 орудия, причем последним выстрелом одного из орудий под ним была убита лошадь»¹³.

И хотя возможностей снова так отличаться у Врангеля уже не появляется (в условиях «окопной войны» конные части используются в основном в разведке), его карьера идет стремительно вверх. В сентябре 1914 г. его назначают начальником штаба сводно-кавалерийской дивизии. 10 октября Николай II принял ротмистра лейб-гвардейского Конного полка, барона Врангеля, «первого георгиевского кавалера в эту кампанию»¹⁴.

¹⁰ Оба немецких орудия были пожалованы Николаем II «в собственность полку» (История л. гв. Конного полка. Иллюстрации. Париж, 1961. С. 18. Отд. XI).

¹¹ Белый рыцарь. Письма генерала П.Н. Врангеля жене, баронессе О.М. Врангель // Новый журнал. 2005. № 238. С. 102–103. А. Квакин датирует письмо 1 августа 1916 г., в виртуальной версии — 1 августа 1914 г. («Белый рыцарь» — «Черный барон» — «Милый Петруша» (письма генерала П.Н. Врангеля жене, баронессе О.М. Врангель) // akvakin.narod.ru).

¹² Гартман Б. Указ. соч. С. 134. Подробнее о П.Н. Врангеле см.: Соколов Б.В. Врангель. М., 2009; Афанасьев В.Г., Севастьянов Ф.А., Волошинова И.В. Выпускник Горного института барон Петр Врангель: жизнь и судьба. СПб., 2010. Кронер Э. Белая армия, Черный барон: жизнь генерала Петра Врангеля. М., 2011; и др.

¹³ Летопись войны. 1915. № 32. Официальный отдел. С. 63.

¹⁴ Дневники императора Николая II. М., 1992. С. 491. «Впоследствии я слышала (от великого князя Михаила Александровича. — А.М.), — вспоминала Т. Аксакова-Сиверс, — что подписывая награждение Врангеля Георгиевским крестом по статуту, государь сказал: “Никогда я не подписывал приказа с такой неохотой. Не погорячись Врангель, те же результаты могли быть достигнуты стоящей за ним артиллерией Крузенштерна, которая уже начала действовать. И люди были бы целы!”» (Аксакова-Сиверс Т.А. Семейная хроника. Paris, 1988. Т. 1. С. 243).

Отбитые под Каушеном немецкие орудия. Сидят: ротмистр П.Н. Врангель (на переднем плане) и за ним полковник А.Н. Эристов. 1914 г.

В ноябре 1914 г. фотография барона П.Н. Врангеля появилась на страницах популярного иллюстрированного военного журнала «Летопись войны». В декабре 1914 г. гвардии ротмистра жалуют во флигель-адъютанты Свиты Его Императорского Величества, производят в полковники. В течение ближайшего года барон также заслужит георгиевское оружие и орден Святого Владимира III степени с мечами...

А блестящие конные атаки «черного барона» целой дивизией и даже корпусом во время Гражданской войны в России явились следствием той веры, которую утвердил во Врангеле Каушенский бой.

О Восточно-Прусской операции, в том числе о бое под Каушеном, сохранились воспоминания¹⁵, написано немало специальных исследований¹⁶.

¹⁵ Гоштовт Г. Дневник кавалерийского офицера. Париж, 1929. С. 73–81; он же. Каушен. Повесть. Париж, 1929; Кочубей В.В. Ночь после Каушенского боя. Из воспоминаний // Военная быль. 1960. Май. № 42. С. 5–10; Арнхольд В. Еще о Каушенском бое // Военная быль. 1960. Ноябрь. № 45. С. 12–15; Кочубей В.В. Еще о Каушенском бое (Ответ на статью под этим заглавием в № 45 «Военной были») // Военная быль. 1961. Май. № 48. С. 22–26; Белосельский-Белозерский С.С. История Л. Гв. Конного полка. Т. 3. Paris, 1964. С. 129–138; Гершельман А.С. Каушен. Воспоминания л.-гв. конной артиллерии, батареи Его Величества подпоручика Александра Сергеевича Гершельмана 5-го // Военная быль. 1965. Март. № 72. С. 16–20; и т.д.

¹⁶ Радус-Зенкович Л.А. Очерк встречного боя. По опыту Гумбиненской операции в августе 1914 г. Критико-историческое исследование. М., 1921; Вацетис И.И. Боевые действия в Восточной Пруссии в июле, августе и в начале сентября 1914 г. Стратегический очерк. Действия 1 и 2 русских армий и 8 германской армии. М., 1923; Го-

Художник О.А. Шарлемань нарисовал лубок «Атака л.-гв. Конным полком прусской артиллерии» (1914), а барон Ф.Ф. Мейендорф — картину.

Этому бою посвящено «Стихотворение на взятие бароном П.Н. Врангелем немецкой батареи», которое хранится в фонде барона Н.Н. Врангеля в Государственном Русском музее¹⁷. Автор стихотворения-реляции не указан, но судя по контексту, — это кто-то из однополчан, у которого лихая атака Пипера (полковое прозвище барона Петра Врангеля) на немецкую батарею вызвала неподдельный пиитический восторг.

Текст, отпечатанный на пишущей машинке, имеет примечание баронессы М.Д. Врангель: «За это дело бар. П.Н. Врангель награжден Георгием, также по этому поводу Георгием награжден его бригадный командир ныне гетман Украины П. Скоропадский¹⁸»¹⁹.

Запись сделана в 1918 г., когда мать «черного барона» (по трудовой книжке — «девица Врангель, конторщица», по прописке — «вдова Веронелли, художница»)²⁰ передала документы из семейного архива в Русский музей императора Александра III, где какое-то время работала «нештатной служащей»²¹.

ловин Н.Н. Из истории кампании 1914 года на русском фронте. Ч. 1–2. Прага, 1926. С. 124; Доманевский В.Н. Мировая война. Кампания 1914 года. Достижения сторон за первый месяц кампании — август. Париж, 1929. С. 26; Евсеев Н. Боевые действия русской кавалерии в Восточной Пруссии в 1914 г. // Военно-исторический бюллетень. 1935. № 1; Коленковский А. Маневренный период первой мировой империалистической войны 1914 г. М., 1940; и т.д.

¹⁷ Отдел рукописей Государственного Русского музея (далее ОР ГРМ). Ф. 96. Д. 177. Л. 1–2.

¹⁸ Павел Петрович Скоропадский (1873–1945) — генерал-майор. Награжден орденом Святого Георгия 4-й степени «за то, что руководя в бою 6 августа под Краупишкенем центром боевого порядка, несмотря на жестокий артиллерийский и оружейный огонь противника, захватил часть позиций противника и удержал ее, недопустив даже немцев отойти без огромных потерь, чем значительно способствовал окончательному успеху дня» (Летопись войны. 1915. № 32. Официальный отдел. С. 62). Гетман Украинской державы (апрель–декабрь 1918 г.), с 1918 г. в эмиграции.

¹⁹ ОР ГРМ. Ф. 96. Д. 177. Л. 2 об.

²⁰ Врангель М.Д. Моя жизнь в коммунистическом раю // Архив русской революции. Т. IV. Берлин, 1922. С. 198.

²¹ В 1915 г. — по смерти младшего сына Николая — баронесса Мария Дмитриевна и барон Николай Егорович Врангели передали в дар Музею Александра III две картины — «Художники» (художник Н.М. Алексеев-Сыромянский) и «Мастерская художника» (художник И.Ф. Хруцкий) // Государственный Русский музей. Живопись. XVIII — начало XX века. Каталог. Л., 1980. № 60, 6000.

Атака 3-го эскадрона Конной Гвардии на немецкую батарею
во время Каушенского боя 6 августа 1914 г. Слева на переднем плане
командир эскадрона ротмистр П.Н. Врангель (на коне)

Стихотворение на взятие бароном П.Н. Врангелем немецкой батареи

*Как символ подвигов победных
Орлов двуглавых блещет ряд —
Конногвардейцы в кирасах медных
Повзводно едут на парад²².*

*Парад бывает в мирно время,
Парад бывает на войне —
Конногвардейцев славных племя
Не раз бывало уж в огне.*

*На гул орудий, взрыв шрапнелей
Вниманья обращаем — нуль
И не забьются под шинелью
Сердца от свиста вражьих пуль.*

²² Возможно, имеется в виду гвардейский парад, состоявшийся 23 июля 1914 г. в Красном Селе, по случаю визита в Россию президента Французской республики Р. Пуанкаре.

*В имени «Шукли» мы стояли
И сторожевку там несли,
Но первый выстрел услышали —
В деревню «Вабелен» пошли.*

*Не раз, не два туда ходили,
Чтоб задержать там вражью рать,
Пока приказ не получили
На Владиславов выступать.*

*Здесь конный корпус собирался,
Изволил Хан²³ нам приказать,
Когда вдали враг показался,
Чтоб переправу начинать.*

*Полковник Эристов²⁴ — орел
Сам батарею вброд повел
Границу—речку перешли
К тевтонцам в гости мы пошли²⁵.*

²³ Гусейн Хан Нахичеванский (1863–1919) — генерал-лейтенант, командир 2-го кавалерийской дивизии. Награжден орденом Святого Георгия 3-й степени «за то, что 6 августа 1914 г., прикрывая фланг первой армии, самостоятельно вступил в решительный бой с неприятелем, угрожавшим флангу, и отбросил его с большими потерями, чем значительно способствовал успеху боя. Командуя двумя кавалерийскими дивизиями, способствовал наступлению армий, разрушая в районе расположения противника железные дороги и мосты, занял, после упорного боя, узловую станцию и уничтожил большие запасы бензина и керосина. Затем, когда в августе этого же года был обнаружен обход неприятеля, выяснил рядом боевых столкновений, силы и направление его и тем оказал помощь своим войскам» (Летопись войны. 1915. № 32. Официальный отдел. С. 61). Генерал от кавалерии (1916), генерал-адъютант (1915), командовал 2-м (1914–1915) и гвардейским (1916–1917) кавалерийскими корпусами. С 1918 г. в эмиграции.

²⁴ Александр Николаевич Эристов (1873–1955) — князь, полковник, командир 1-й батареи л.-гв. конной артиллерии. Награжден орденом Святого Георгия 4-й степени «за то, что в бою 6 августа 1914 г. с четырьмя орудиями своей батареи смело выдвинулся вперед под сильным огнем противника, нанес своим огнем решительное поражение неприятельской батарее, дал возможность нашей кавалерии утвердиться на опорном пункте» (Летопись войны. 1915. № 36. Официальный отдел. С. 70). Участник Белого движения. С 1921 г. в эмиграции.

²⁵ Перейдя границу, конный отряд Г.Х. Нахичеванского остановился на ночлег в местечке Шиленен. Офицеры Конной гвардии поместились все вместе в одной из крайних хуторов. Об этом ночлеге флигель-адъютант полковник Козлянинов рассказал забавный эпизод: «На хуторе, где ночевали все офицеры полка, оставались только две молодые немочки, с их старой прислугой. Все мужское население хутора было мобилизовано и по-

Задача славная дана
Бригада выполнить должна —
«Велюнен» быстро, лихо взять
И на «Пилькален» наступать.

И вот бригада развернулась
И, с Богом, в добрый путь пошла,
Вот под шрапнель она метнулась
И к цели без потерь дошла.

Штабс-ротмистр Суровцев²⁶ спокойно
Вел за собою эскадрон,
«Велюнен» занял тихо, стройно
И цепь рассыпал сразу он.

Затем «Пилькален» взяли лавой,
Потом «Мальвишкен» был опять
И «Краупишкен» с переправой
Был дан приказ скорей занять.

Но немец хитростью ответил,
Не дав нам переправы той,
Он нас под «Каушеном» встретил,
Вступив с бригадой в жаркий бой.

тому отсутствовало. Эти молодые немочки были очень любезны и старались всячески угодить офицерам. Были приготовлены, на двух громадных сковородах, две яичницы чуть ли не по пятидесяти яиц. Полковник фон Валь, желая быть также любезным, начал разговаривать с хозяйками по-немецки и представлять им господ офицеров: “Полковник Гартман, граф Бенкендорф, барон Вольф, барон Багге, барон Унгерн-Штернберг, фон Рентельн, барон Врангель, фон Струве, Галл, барон Торнау”. Удивленные немочки, слыша все немецкие фамилии, воскликнули: “Aber Sie sind nicht echte Russen!” Только когда им представили Пушину, Зиновьева, Козлянинова, Бобрикова, Суровцева и показали двух “Gross Fürsten”, на которых они смотрели, как на что-то необыкновенное, тогда они поняли, что у них остановились настоящие русские, а не поддельные! На другой день, перед уходом, полковник фон Валь щедро расплатился с ними золотом, а не квитанционными расписками» (Белосельский-Белозерский С.С. Указ. соч. С. 123–124).

²⁶ Дмитрий Владимирович Суровцев (1882–1914) — воспитанник Петровского Полтавского кадетского корпуса (1900), по окончании Николаевского кавалерийского училища выпущен в офицеры в л.-гв. Конный полк, штабс-ротмистр, командир 2-го эскадрона. Посмертно награжден Георгиевским крестом 4-й степени.

Генерал-лейтенант
Г.Х. Нахичеванский

Штабс-ротмистр
Д.В. Суровцев

Ротмистр
Н.Н. Бобриков

Корнет
В.А. Князев

Корнет
Н.Д. Дубенский

Вольноопределяющийся
М.Г. Бобриков

*Полковник Гартман²⁷ вел нас смело
Цепями спешенных частей
И под огнем собрал умело
На миг забывшихся людей.*

*Но дело, сделавши отменно,
В цепи имели мы урон:
Штабс-ротмистр Суровцев мгновенно
Тевтонской пулей был сражен.*

*За ним тотчас в борьбе неравной
Корнет Зиновьев²⁸ пал без слов,
А там и Князев²⁹ смертью славною,
Два Курчениновых³⁰, Катков³¹...*

*Но вот полковник ранен в ноги,
Команду быстро подает:
«Вперед, ребята, вверься Богу,
Грешно тому, кто отстает».*

*И лишь вторая пуля в руку
Сломила силы храбреца,
Но, несмотря на сильну муку,
Довел он дело до конца.*

*И ранены в мгновение ока
Немало наших храбрецов:*

²⁷ Борис Егорович Гартман (1878–1950) — барон, полковник л.-гв. Конного полка. Награжден орденом Святого Георгия 4-й степени «за то, что командуя в бою 6 августа под Краупишкеном цепями наступающих эскадронов, будучи раненным в ногу, после перевязки остался в строю и своим отличным примером и громкими поощрениями настолько действовал на всех, что, несмотря на сильнейший огонь, позиция противника взята была почти с налета» (Летопись войны. 1915. № 32. С. 63). С 1919 г. в эмиграции.

²⁸ Георгий Александрович Зиновьев (?–1914) — корнет л.-гв. Конного полка.

²⁹ Владимир Леонидович Князев (?–1914) — корнет л.-гв. Конного полка.

³⁰ Александр Сергеевич Курченинов I — выпускник Александровского лицея (1908), поручик л.-гв. Конного полка; Дмитрий Сергеевич Курченинов II — корнет л.-гв. Конного полка.

³¹ В Каушенском бое убиты два брата: Михаил Андреевич Катков — корнет л.-гв. Конного полка и Андрей Андреевич Катков — вольноопределяющийся л.-гв. Конного полка.

Дубенский³², Бобриков³³ жестоко,
И Рентлен³⁴ <фон> и Бенкендорф³⁵.

И Багге³⁶ ранен здесь опасно,
И князь Крапоткин³⁷ молодой,
Шрапнелью в голову ужасно
Князь Накашидзе³⁸ удалой.

Но коноводов прикрывая,
Нам надоело уж стоять,
Про батарею немцев зная,
Решил наш ротмистр ее взять.

И Врангель, ротмистр лихой наш,
Вскричал: «Орлы мои, за мной!»

³² Николай Дмитриевич Дубенский (? — после 26.04.1931) — корнет л.-гв. Конного полка. После Гражданской войны в России в эмиграции.

³³ Николай Николаевич Бобриков (1882—1956) — штабс-ротмистр, командир 4-го эскадрона л.-гв. Конного полка. Награжден георгиевским оружием «за то, что командуя в бою под Краупишкенем 6 августа эскадроном, наступая против превосходного числом неприятеля, подойдя на самое близкое расстояние, огнем подготовил успех атаки и способствовал общему успеху» (Летопись войны. 1915. № 44. С. 88). В этом бою погиб его брат — вольноопределяющийся Михаил Георгиевич Бобриков, незадолго до войны закончивший курс Императорского Александровского лицея.

³⁴ Эвальд Вольдемарович фон Рентельн (1893 — после 1946) — произведен в офицеры из вольноопределяющихся (1913), штабс-ротмистр лейб-гвардии Конного полка. С декабря 1918 г. в офицерской роте Балтийского полка (майор эстонской армии). Воевал в Северо-Западной армии; в мае 1919 г. командир 2-го батальона Островского полка, ротмистр. В 1920-х гг. в эмиграции в Польше. С 22 августа 1941 г. в германской армии; с 5 ноября 1942 г. командир 360-го казачьего полка, затем командир бригады в 15-м казачьем корпусе. В 1945 г. попал в плен к союзникам, выдан советской военной администрации, отправлен в лагерь в Прокопьевске, затем — в Новосибирске. Скончался в лагере.

³⁵ Петр Александрович Бенкендорф (1882—1915) — граф, штабс-ротмистр л.-гв. Конного полка. Награжден георгиевским оружием «за то, что командуя в бою 6 августа спешным эскадроном, видя, что наши пулеметы в опасности, энергично двинулся вперед под сильным огнем противника, вывез пулеметы, причем был ранен, но оставался в строю. Заняв после того новую позицию, облегчил пулеметной команде довести дело до полного успеха» (Летопись войны. 1915. № 44. Официальный отдел. С. 88).

³⁶ Карл Карлович Багге-аф-Боо II — барон, корнет л.-гв. Конного полка.

³⁷ Илья Алексеевич Крапоткин (1878—1943) — князь, после окончания Пажеского корпуса (1898) выпущен в офицеры в л.-гв. Уланский полк, ротмистр. Участник Белого движения. После 1920 г. в эмиграции.

³⁸ Константин Тимофеевич Накашидзе — князь, корнет л.-гв. Конного полка.

Он шапкою взмахнул наотмашь,
Помчался с эскадроном в бой.

«На батарею! Шапки вон!»
Пошел наш третий эскадрон
И мигом ринулся стрелой
Наш эскадрон в горячий бой.

И батарею лихо взял
Как ротмистр Врангель приказал.
Потери малые в людях,
Была лишь убыль в лошадях.

И будем помнить, что случилось
Числа шестого, молодцы,
Как Конно-Гвардья отличилась,
Как наши деды и отцы.

Ключевые слова:

Первая мировая война, Каушен, барон П.Н. Врангель, баронесса М.Д. Врангель,
барон Б.Е. Гартман, Г.Х. Нахичеванский.

Arkadij A. Murashev

“HOW THE HORSE GUARD DISTINGUISHED ITSELF..”, TO THE HISTORY OF ONE POETICAL WAR COMMUNIQUE

The article is dedicated to the the battle of Kauschen (August 6 1914) — one of the first battles of World War I, in which the Russian Guards took action. The battle of Kaushen is a major turning point in the military biography of the grand-grand-grandson of “Peter the Great’s Negro”, also known as the “Black Baron” — Pyotr Nikolayevich Wrangel’.

 Мурашев Аркадий Анатольевич

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории и культурологии
Московского государственного строительного университета

А.В. Венков

ДОНСКИЕ КАЗАКИ И НАЧАЛО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

онское казачье войско, старейшее и самое многочисленное казачье войско Российской империи, в начале XX в. являлось важным источником для формирования и пополнения иррегулярной конницы, предназначавшейся не только для несения военной и пограничной службы, но и для выполнения полицейских функций внутри страны.

В начале XIX в. казачество было признано новым сословием. Выход из сословия и вступление в него запрещались. Служба в это время рассматривалась как исключительное почетное право казаков. Так, командир казачьего полка сказал Надежде Дуровой, под видом юноши просившей взять ее в поход: «Разве тебе не известно, что у нас никому нельзя служить кроме природных казаков?»¹

В это время к ценностям воинского братства, которым казаки отличались с момента своего возникновения, несомненно, добавились ценности службы отечеству. Именно в этот период, когда резко обозначилось имущественное расслоение, казаки поняли, что им нужно сильное государство, которое не давало бы сильным грабить слабых, одинаково защищало бы

¹ Дурова Н.А. Избранные произведения кавалерист-девицы. М., 1983. С. 44.

всех своих граждан. И государство действительно почти всегда поддерживало рядовых казаков в случае споров с казачьей верхушкой.

Существование в постоянном экстриме, в условиях коллективного выживания сплотило казаков, обострило традиционные ценности. Жизнь каждого была ценностью для всего сообщества. Все Войско брало на себя заботу о семье и имуществе ушедшего на службу воина.

Фактически все время существования Войска Донского сохранялся принцип сбора казака на службу за свой счет, со своим конем, своим холодным оружием и в своей форме. Сложившаяся система службы не была идеальной. Еще в начале XIX в. А.К. Денисов, став донским атаманом, «с сокрушением сердца... удостоверился, что очереди казачьи на службу не чисто ведутся, да и земли войсковые захватываются людьми сильными в войске»². Для некоторых казаков служба уже на рубеже XVIII–XIX вв. стала обременительной.

К 1914 г. полный комплект «справы»³ стоил по тем ценам 300 руб. и равнялся двум годовым доходам среднего казачьего хозяйства. С 1901 г. Войско выплачивало 100 руб. на сборы каждому казаку, отправляемому в полк, но эта сумма покрывала лишь треть затрат⁴.

Такая система снаряжения на службу была для казаков накладна, но привычна. Была надежда, что затраты на службу компенсируются за счет военной добычи. Да зачастую и компенсировались. К XX в. дисциплина в русской армии усилилась, начальство теперь не смотрело сквозь пальцы на казачьи «шалости» относительно добычи. И, тем не менее, другой жизни казаки не знали да, видимо, и знать не хотели.

Отношение казаков к войне и службе отличалось от такового у солдат регулярных частей. С XVIII в. в рекруты попадали по жребию, случайно, и никто из русских парней заранее к службе не готовился. Да и некому было их готовить. Потомственных воинов среди крестьян в то время не было. Введение всеобщей воинской повинности мало изменило ситуацию. К тому же существовала целая система отсрочек и освобождений от службы. Казаки же знали свой удел наперед и к службе готовились с детства, перенимали опыт от отцов и дедов.

Поскольку для казака не было иного пути, кроме пути воина, подготовка к этому пути и сам путь становились смыслом его жизни с рождения.

² Записки донского атамана Денисова. СПб., 2000. С. 186.

³ «Справа» (диал.) — полный комплект снаряжения и лошадь, с которыми казак выступал на службу.

⁴ Матишов Г.Г., Власкина Т.Ю., Венков А.В., Власкина Н.А. Социально-исторический портрет дельты Дона: казачий хутор Донской. Ростов н/Д., 2012. С. 69.

Родители изначально отдавали себе отчет — если их ребенка не обучить, он погибнет в первом же бою, и соответственно строили его воспитание.

Коллективное выживание в условиях постоянного экстрима заставляло все казачье сообщество готовить воинов, на которых можно положиться, и в воспитании ребенка принимала участие вся станица — родственники, друзья, сверстники, соседи.

Воспитание проходило не только и не столько в семье. С малых лет все дети казачьего поселения объединялись в своеобразные «шайки» и в свободное от занятий по хозяйству время играли в разные военные игры либо «сражались» со сверстниками из других поселений или «краев» (кутков) станицы или хутора. Старые казаки не видели ничего зазорного в том, чтобы участвовать в этих играх, показывать приемы построения, перестроения, приемы коллективного нападения и защиты.

Весь период взросления в свободное от повинностей и забот по хозяйству время продолжают «воинские забавы», которые становятся все менее безобидными, все более приближенными к реальным боям, дракам, перестрелкам.

Казаков из одного хутора и станицы обычно зачисляли в одну сотню. В итоге на службу выходили прекрасно индивидуально подготовленные, инициативные, «сработавшиеся» бойцы.

Все время существования Войска Донского казаки сохраняли свой боевой порядок — лаву. Но главным в боевом порядке донских казаков была не форма построения — врассыпную стоят казаки или в шеренге, клином или в колонне, — а то, что плечом к плечу стояли разбитые на звенья друзья и родственники, понимающие друг друга с одного взгляда и готовые погибнуть друг за друга. А форму построения они очень быстро осваивали и составляли любую.

С 1912 г. вся русская регулярная кавалерия стала обучаться по казачьему образцу⁵, но «сработанности», присущей казачьим полкам, в регулярных полках достигнуть не удалось.

Во второй половине XIX в. служба иррегулярных войск России подверглась реформированию. «Роль казаков в армии после сокращения вдвое регулярной кавалерии вообще сильно повысилась»⁶. По новой системе донские казаки с 18 лет считались военнообязанными. Сначала их зачисляли в призывный разряд. До 21 года они должны были принять присягу (в своей

⁵ Рыжкова Н.В. Донские казаки в войнах России начала XX века. Ростов н/Д., 2003. С. 60.

⁶ Керсновский А.А. История русской армии. Т. 2. М., 1993. С. 189.

станции), снарядиться на действительную военную службу — приобрести коня, снаряжение, обмундирование, холодное оружие — и пройти первоначальную военную подготовку во время месячных сборов в специальных лагерях. После того как казаку исполнялся 21 год, он переводился в строевой разряд и отправлялся на службу в полк или батарею, отдельную сотню, местную команду, где находился 4 года (в гвардейских частях действительная служба продолжалась 3 года, но казаки, направляемые в эти части, лишний год проводили в приговорительном разряде для более детальной подготовки к службе). После действительной службы казак еще 8 лет числился в строевом разряде, во 2-й и 3-й очередях. В это время казак должен был содержать строевого коня и проходить сборы: во 2-й очереди — ежегодно, в 3-й — один раз. После 12 лет пребывания в строевом разряде казак переводился в запасной разряд и числился в нем 5 лет, после чего отпускался «на льготу».

Действительную службу донские казаки проходили в двух гвардейских полках — лейб-гвардии казачьем и лейб-гвардии Атаманском, — в 17 армейских Донских полках, в 6 отдельных сотнях, в 1 гвардейской и 7 армейских Донских батареях и в местных командах при каждом донском территориальном округе. По штату в Донском казачьем 6-сотенном полку было 750 нижних чинов, 117 унтер-офицеров (урядников, вахмистров, подхорунжих), 23 офицера. В отдельной сотне — 144 казака и 4 офицера. В батарее — 250 казаков.

В годы войны Войско выставляло полки 2-й и 3-й очереди, сформированные из казаков строевого разряда, но отслуживших действительную службу. Эти полки составляли с первоочередными полками полковые звенья, в которых служили казаки разных возрастов, но одних и тех же станиц. Первое полковое звено составляли полки 1, 18 и 35-й. В 1-м полку проходили срочную службу молодые казаки; в 18-м казаки тех же станиц, но 2-й очереди (25—29 лет), выходили на службу в случае мобилизации; в 35-м полку выступали по мобилизации казаки тех же станиц, но 3-й очереди (30—33 лет). Второе полковое звено составляли полки 2, 19 и 36-й, третье — 3, 20 и 37-й и т.д. Последнее 17-е звено составляли полки 17, 34 и 51-й. В 52-м полку выходили по мобилизации казаки-второочередники гвардейских полков.

Каждое полковое звено состояло из казаков строго определенных станиц. Так, например, 12-е звено формировалось из казаков станиц: Казанской, Мигулинской, Вёшенской Донецкого округа. Сборный пункт — слобода Маньково. В случае мобилизации казаки этих станиц выставляли 7-ю Донскую отдельную сотню (168 казаков Казанской станицы), 8-ю Донскую отдельную сотню (168 казаков Вёшенской станицы), 9-ю Донскую отдельную сотню

(100 казаков Вёшенской станицы, 73 — Мигулинской), 36-ю Донскую отдельную сотню (168 казаков Мигулинской станицы).

А, допустим, 17-е звено формировалось из казаков станиц: Распопинской, Клетской, Перекопской, Кременской, Ново-Григорьевской, Старо-Григорьевской Усть-Медведицкого округа. Сборный пункт — хутор Фролов. В случае мобилизации казаки этих станиц формировали 19-ю Донскую отдельную сотню (173 казака Кременской станицы), 20-ю Донскую отдельную сотню (140 казаков Ново-Григорьевской станицы и 30 казаков — Старо-Григорьевской) и 21-ю Донскую отдельную сотню (96 казаков Кременской станицы и 74 казака Старо-Григорьевской). И все это было зафиксировано в мобилизационном плане Войска⁷.

Систему мобилизации полковых звеньев можно проследить на примере 12-го полкового звена — казаков Казанской, Мигулинской и Вёшенской станиц. Один день отводился на оповещение, один — на подготовку казаков, один — на путь до станичного сборного пункта (для Казанской станицы это были сама станица и хутор Тубянской, для Мигулинской — сама станица и хутор Мешков, для Вёшенской — сама станица и хутор Каргин), четыре — на путь до общего сборного пункта — слободы Маньково (для 29-го и 46-го полков и отдельных сотен это был еще и пункт формирования), где проходили комиссию лошади казаков. Вечером восьмого дня в Маньково грузились пополнения в 12-й Донской полк срочной службы (90 казаков Казанской станицы, 130 — Мигулинской, 60 — Вёшенской). Вечером девятого дня заканчивали формирование 7, 8, 9 и 36-я Донские отдельные сотни. Вечером десятого дня — 29-й Донской полк (260 казаков Казанской станицы, 450 — Мигулинской, 370 — Вёшенской). Утром одиннадцатого дня полк был готов к посадке в вагоны.

Вечером тринадцатого дня заканчивала формирование 12-я Донская запасная сотня (60 казаков Казанской станицы, 100 — Мигулинской, 70 — Вёшенской), предназначенная готовить пополнения для полкового звена.

Вечером двадцать первого дня заканчивал формирование 46-й Донской полк (210 казаков Казанской станицы, 440 — Мигулинской, 410 — Вёшенской)⁸. Таким образом, через три недели после объявления мобилизации все полковое звено — три полка — было отмобилизовано и пополнено до штатов военного времени.

Значительная часть казачьих кадровых «первоочередных» полков была включена в состав кавалерийских дивизий в качестве «четвертых» полков

⁷ Государственный архив Ростовской области (далее ГАРО). Ф. 344. Оп. 4. Д. 107.

⁸ Там же.

(первые три полка в кавалерийской дивизии составляли драгуны, уланы и гусары). Военный министр Сухомлинов считал, что придание к кавалерийским дивизиям по одному казачьему полку имело целью привить кавалерийским полкам казачье молодечество, а казачьему полку дать больше «регулярства».

Некоторые «первоочередные» полки были изначально сведены в дивизии. 1-я Донская дивизия состояла из 9, 10, 13, 15-го Донских полков. 16-й и 17-й Донские полки входили в состав 2-й Сводно-казачьей дивизии (два других полка этой дивизии состояли из кубанских и терских казаков). Один «первоочередной» полк, 7-й Донской, не входил в состав дивизий и был причислен непосредственно к 7-му армейскому корпусу.

Как считал один из первых историков Первой мировой войны А.А. Керсновский, «жестоким промахом всей организации было полное отсутствие войсковой конницы, делавшее наши пехотные дивизии и корпуса слепыми»⁹. В 1914–1917 гг. планировалось сформировать 26 новых кавалерийских полков — 38 тысяч всадников. В кавалерийской дивизии планировалось иметь 6 полков (4 в составе самой дивизии, а 2 в качестве войсковой конницы). «Усиливались штаты, и должна была составиться войсковая конница, отсутствие которой, наконец-то, стало тревожить наши военные верхи»¹⁰.

Пока же, по мобилизационному плану пехотным корпусам в качестве корпусной конницы для ведения разведки и несения сторожевой службы придавались «второочередные» и «третьеочередные» казачьи полки. Но готовность наших войск к наступлению определялась сроком 20 дней¹¹, а «третьеочередные» казачьи полки, как указано выше, только на 21-й день с начала мобилизации заканчивали формирование, и им еще предстоял путь с берегов Дона до театра военных действий. Таким образом, проблема корпусной конницы оставалась неразрешенной.

Часть «второочередных» и «третьеочередных» казачьих полков сводилась в Донские дивизии — 3, 4, 5-ю. Уже в ходе Первой мировой войны таких дивизий стало больше, появились 6, 7, 8 и 9-я Донские дивизии.

Нет ни возможности, ни необходимости описывать все бои, в которых участвовали донские казаки в 1914 г. Достаточно полный очерк этих боев содержится в упомянутой выше работе Н.В. Рыжковой, но по этой

⁹ Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 3. М., 1994. С. 139.

¹⁰ Там же. С. 166.

¹¹ Там же. С. 163.

теме появляются все новые источники, которые позволяют определить общую тенденцию изменений в боевом применении казаков и в их тактике. Это же касается и сведений о численности казаков, призванных на войну, что тоже приводится в работе Рыжковой.

Всего на Первую мировую войну, по ее сведениям, донские казаки выставили 60 полков, 6 пеших батальонов, сведенных в Донскую пешую бригаду, 23 отдельных и 55 особых сотен, 58 казачьих конвойных полусотен, 36 батарей, 36 запасных сотен и 3 запасные артиллерийские батареи. На 1 января 1915 г. на фронте числилось 74 955 донских казаков¹². Но проведение дополнительных мобилизаций увеличило их количество. В.П. Трут называет точную цифру призванных по мобилизации за весь период этой войны донских казаков — 113 742¹³.

Целями войны, ее характером казаки мало интересовались. Сообщество, созданное для войны и несколько веков жившее войной и набегами, рассматривало очередную кампанию как рядовой эпизод своей жизни. Мобилизация на Дону прошла безукоризненно. Окружные атаманы, руководившие ею на местах, были награждены орденами.

С первых же дней войны казаки показали высокий уровень боевой подготовки. Первоочередные кадровые полки, особенно расположенные на границах империи, должны были выступить в поход через 6 часов после объявления мобилизации¹⁴. В 3-м Донском казачьем полку телеграмма о мобилизации была получена в 12 часов ночи с 17 на 18 июля, а в 4.15 утра 18 июля полк уже выступил в поход¹⁵.

Одной из задач казачьей конницы было вторгнуться на территорию противника и сорвать развертывание его войск. Так, 2-й Донской казачий полк, стоявший на границе с Восточной Пруссией на участке Райград — Штабин, перешел эту границу уже 19 июля¹⁶ (война была объявлена в 7 часов вечера 19 июля); 6-й Донской казачий полк 25 июля совершил набег на Сольдау, захватил переправы через реку Нейде и разрушил железнодорожное полотно¹⁷; 10-й и 15-й Донские полки 28 июля перешли границу Австро-Венгрии и 1 августа взорвали железнодорожный мост на станции Любеч¹⁸.

¹² Рыжкова Н.В. Указ. соч. С. 113.

¹³ Трут В.П. Казачество России в период Первой мировой войны. Ростов н/Д., 1998. С. 39.

¹⁴ Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 3. С. 178.

¹⁵ Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 2007. Оп. 1. Д. 38. Л. 93.

¹⁶ Там же. Л. 18.

¹⁷ Рыжкова Н.В. Указ. соч. С. 72.

¹⁸ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 38. Л. 278.

Казак на привале. 1914 г. Юго-Западный фронт

Критическое положение Франции, вступление в войну Австро-Венгрии и начало наступления австро-венгерских войск на Люблин привели к тому, что российские войска втянулись в полномасштабные бои до подхода на фронт всей массы отмобилизованной казачьей конницы. В итоге прикрытие развертывания войск и роль корпусной и армейской конницы, прикрывающей пехотные части и ведущей перед ними разведку, взяли на себя первоочередные казачьи полки из состава кавалерийских дивизий. Так, 2-й Донской казачий полк был придан как корпусная конница во 2-й армейский корпус; 3-й Донской казачий 4 августа перешел границу, прикрывая 3-й армейский корпус, а с 28 августа служил дивизионной конницей в 20-м армейском корпусе; 9-й Донской полк две свои сотни направил в 18-ю пехотную дивизию, а сам полк из своей 1-й Донской дивизии был переброшен в 13-ю кавалерийскую дивизию прикрывать развертывание 4-й армии; 11-й Донской полк выполнял обязанности армейской конницы 5-й армии; 1, 2, 4 и 6-я сотни 12-го Донского полка под командованием командира полка В.М. Каледина были посланы в штаб 11-го армейского корпуса как корпусная конница до подхода резервов с Дона. И так был использован почти каждый первоочередной казачий полк.

Задача скрыть развертывание своих частей и в то же время разведать местоположение противника была выполнена ценой больших усилий. Так, полковая история 9-го Донского полка период с 27 июля по 12 сентября 1914 г., когда полк прикрывал развертывание 4-й русской армии, характеризует как «беспрерывное движение без отдыхов и дневок, лошади не

расседывались по 10–12 дней»¹⁹. И лишь 13 сентября полк присоединился к своей 1-й Донской дивизии.

Сотни вернулись в свои полки, а первоочередные полки в свои дивизии лишь в начале сентября, когда с Дона подошли и включились в боевую работу части 3-й очереди. Зато некоторые полки 2-й очереди и почти все «третьеочередники» были «раздерганы» практически посотенно. Так, 23-й Донской полк вел разведку и нес охранение в качестве дивизионной конницы при 18, 45, 46, 70 и 80-й пехотных дивизиях.

В целом задача скрыть развертывание своих войск и разведать расположение сил противника была казаками выполнена. Так, австро-венгерская кавалерия (и разведка в целом) «не разглядела» развернувшейся против крайнего правого фланга австро-венгерских войск 8-й русской армии генерала А.А. Брусилова, которая нанесла внезапный удар и во многом решила ход боев в Галиции в 1914 г.

Первые боевые действия показали, что казаки моментально адаптировались на театре военных действий. Так, 3-я Донская дивизия, сформированная из второочередных полков, прибыла в Люблин 28 июля 1914 г., а 2 августа она уже втянулась в бои за Люблин, которые шли до 28 августа. Лейб-гвардии Атаманский полк 2 августа направился из Петрограда на фронт, а 12–18 августа 1914 г. уже участвовал в набеге в немецкий тыл у Новорадомска в отряде генерала Геллерншмидта, причем казаки проходили по 60 верст в сутки.

На полях сражений донские казаки встретили достойного противника в лице австро-венгерской и германской кавалерии. Венгерские гусары всегда считались лучшей кавалерией Европы, а прусские гусары времен Фридриха II служили эталоном кавалерии в XVIII в. Однако первые же стычки показали превосходство казаков над европейскими кавалеристами в индивидуальной военной подготовке. Примером может служить столкновение казачьего поста 3-го Донского полка (4 казака) с немецким конно-егерским разъездом (27 всадников), героем которого стал казак Козьма Крючков, 1-й Георгиевский кавалер Первой мировой войны. И Крючков впоследствии был не единственным Георгиевским кавалером в своем полку.

Кроме того, присущая мадьярам лихость не подкреплялась осмотрительностью и тактической подготовкой, отвечающей вызовам войны в новых условиях.

1–4 августа три австро-венгерские кавалерийские дивизии (1, 2 и 5-я) вторглись на территорию России, но в боях под Владимиром Волынским и

¹⁹ Там же. А. 233.

Первый Георгиевский кавалер Первой мировой войны К. Крючков (4-й справа в 1-м ряду) среди Георгиевских кавалеров своего полка. 1915 г. Северо-Западный фронт

Городком были разбиты и отброшены. Венгры атаковали в конном строю и были практически расстреляны русской пехотой и спешенной конницей. В свою очередь конная атака трех сотен 11-го Донского полка на венгерскую кавалерию (5-й гусарский полк) 2 августа 1914 г. тоже закончилась неудачей, казаки нарвались на венгерские пулеметы²⁰.

Примерно в это же время, 6 августа, у Сольдау одна сотня 6-го Донского казачьего полка вместе с волынскими уланами бросилась в конном строю через болото на немецкий батальон и тоже была отбита огнем с потерями²¹.

Первые столкновения внесли коррективы в использование конницы. При возросшей многократно огневой мощи противоборствующих сторон конные атаки остались постоянным явлением в период маневренных действий на уровне сотен и эскадронов, при стычках разъездов; атаки крупными конными массами стали редкостью. Так, в октябре 1917 г., подводя итоги боевой работе 10-го Донского казачьего полка, одного из лучших в армии, представленного к награждению Георгиевскими петлицами, отмечалось: «Полк участвовал в 120 боях, в том числе в 5 конных атаках на кавалерию и пехоту противника»²².

²⁰ Там же. Д. 42. Л. 1–2.

²¹ Там же. Д. 38. Л. 160.

²² Статистика героев // Вольный Дон. 1917. 7 октября.

Высокие боевые качества казаков проявились в первых же решающих сражениях войны — в трагически закончившейся Восточно-Прусской операции и в победоносной Галицийской битве.

Наступление на Восточную Пруссию началось силами 1-й и 2-й русских армий 1 августа 1914 г., на 14-й день мобилизации. 4 августа перешла границу 1-я армия и 9 августа — 2-я армия (впоследствии попавшая в окружение). В составе 2-й армии, ее пяти корпусов, обязанности войсковой конницы исполняли 21, 22, 31, 38 и 40-й (с 15 августа) Донские казачьи полки, 14, 15, 17, 20 и 27-я Донские отдельные сотни. Кроме того, в составе кавалерийских дивизий армии действовали 4-й и 6-й Донские казачьи полки²³.

Явно недостаточное количество войсковой (корпусной и дивизионной) конницы привело к тому, что настоящей разведки организовано не было²⁴. Это и послужило одной из причин окружения 2-й русской армии 16 августа 1914 г. и сдачи ряда ее частей.

Вместе с другими частями 2-й армии в окружение попали 6-й, 21-й и 40-й Донские казачьи полки, 15-я и 20-я Донские отдельные сотни. Однако ни одна из этих воинских единиц не капитулировала. 21-й Донской полк прорвался из окружения в составе 4 офицеров и 312 казаков, полковое знамя казаки зарыли в лесу. 40-й Донской полк прорвался в составе 5 офицеров, 260 казаков (из них 100 спешенных), казаки вынесли полковое знамя. 6-й Донской полк вырвался сам и пробил дорогу 23-му армейскому корпусу. Германское командование констатировало: «Из целых войсковых соединений удалось вырваться из окружения лишь половине 6-й кавалерийской дивизии»²⁵ (6-й Донской казачий полк входил в состав этой дивизии).

В Галицийской битве, развернувшейся на огромном пространстве, охватившем районы Люблина, Кракова, Львова, отдельные Донские полки и целые Донские дивизии сорвали наступление австро-венгерских войск на Люблин и способствовали продвижению русских войск на Львов.

В район Люблина, где 4-я и 5-я русские армии под Красником и Томашовом отражали наступление 1-й и 4-й австрийских армий, были подвезены три «второочередные» дивизии донских казаков: 3-я (18, 20, 30, 32-й Донские полки), 4-я (19, 24, 25, 26-й Донские полки) и 5-я (27, 28, 29, 33-й Донские полки).

²³ Рыжкова Н.В. Указ. соч. С. 64–65.

²⁴ Идя навстречу пожеланиям Франции (Сражение в Восточной Пруссии по материалам германского Рейхсархива) // Военно-исторический журнал. 1994. № 9. С. 28.

²⁵ Там же. С. 25.

Тяжелые бои шли с 10 по 18 августа. Керсновский, оценивая действия каждой дивизии за весь период войны, о Донских дивизиях написал так: «3-я Донская дивизия действовала довольно бледно (Томашов, левый берег Вислы, Полесье). То же можно сказать и о 4-й (Томашов, Лодзь, Прасныш, Шавли). 5-я Донская дивизия хорошо работала в Томашовском сражении, дралась под Лодзью и Шавлями»²⁶. Гораздо выше он оценил действия 1-й Донской («первоочередной») дивизии: «1-я Донская казачья дивизия отлично работала в августе 1914 г. в томашовских боях»²⁷.

Примечательно, что 13-й Донской полк 1-й Донской дивизии 12 и 17 августа ведет бои в пешем строю, изматывая противника, а в переломный день 18 августа последовала общая конная атака. «В контратаке 18 августа блестящую роль сыграли 1-я и 5-я Донские дивизии, ударившие в тыл 2-го австро-венгерского корпуса и взявшие 10 орудий»²⁸.

Преследуя разбитого противника, казаки обычно и брали львиную долю трофеев и пленных. И теперь 52-й Донской казачий полк («вторая очередь» донских гвардейских полков), прикрывавший правый фланг 5-й русской армии, 25–26 августа у Шебрешина отбил у австрийцев 7 захваченных русских орудий, а 5 сентября у Сенявы захватил 14 орудий противника²⁹. Таких трофеев не брал за все последующие бои ни один казачий полк.

В целом по мере продолжения войны характер применения казачьих частей меняется. Казаки все чаще и чаще действуют в пешем строю, особенно в гористой местности, в Карпатах. Концентрация конницы, создание конных корпусов (в корпусе генерала Новикова было собрано 11 донских казачьих полков) не завершается, однако, сколько-нибудь результативными рейдами по тылам противника, хотя рейды такие более мелкими соединениями все же проводятся. Создается впечатление, что командование отныне делает ставку не на маневренность, а на стойкость и храбрость казаков. Они прикрывают отступление своих армий, их бросают ликвидировать прорывы в русской линии фронта, их посылают в пешем строю на штурм неприступных горных позиций.

Так, на примере 12-го Донского казачьего полка, дравшегося в составе 11-й кавалерийской дивизии 3-й армии, видно, что начиная с сентября 1914 г. казаки применяются не только для преследования отступающего противника, но и для блокады осажденных крепостей (Перемышль, 11–20 сентября

²⁶ Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 4. М. 1993. С. 226.

²⁷ Там же. С. 225.

²⁸ Там же. Т. 3. С. 206.

²⁹ Рыжкова Н.В. Указ. соч. С. 91.

1914 г.), они ведут упорные оборонительные бои (4–10 и 16–20 ноября у местечка Закличин), удерживают высоты (4–5 декабря высота № 308 севернее села Лубля), и все это делается в пешем строю, в окопах. Даже преследуя противника, настигнув его, казаки спешиваются, сбивают аррьергард в пешем строю (26 октября у села Лубля), а уже бегущего противника перехватывает и берет в плен кавалерия соседней 10-й кавалерийской дивизии³⁰.

В качестве исключения можно назвать конную атаку одной сотни 16-го Донского полка 11 декабря 1914 г. на окопы противника у Ветржи.

В боях 1914 г. проявили себя будущие активные участники и военачальники Гражданской войны на Дону.

За оборонительные бои в горах с 29 сентября по 2 октября 1914 г. был награжден Георгиевским оружием командир 11-го Донского полка полковник А.Н. Алексеев (в 1918–1919 гг. начальник штаба Северного фронта, начальник штаба 2-й Донской армии, директор Донского кадетского корпуса). За прорыв из окружения во главе 30-го Донского полка 22 ноября 1914 г. у города Старый Сандец орденом Святого Георгия 4-й степени был награжден есаул И.Ф. Быкадоров (в 1918–1919 гг. командующий Задонским боевым районом, командующий 2-й Донской армией). Свой первый орден (Святой Анны 3-й степени) заслужил в 1914 г. в рядах 26-го Донского полка будущий символ белого партизанского движения на Дону сотник В.М. Чернецов.

Далеко не все донские части были на фронте. Служба в тылу — патрульная, охранная, караульная — тоже выполнялась ими. Лейб-гвардии казачий полк с 6 августа 1914 г. нес охрану штаба Верховного главнокомандующего, 5-я сотня полка находилась при штабе 9-й армии, 6-я сотня — при штабе гвардейского корпуса. 47-й Донской казачий полк охранял штаб 1-й армии, 50-й Донской — штаб 5-й армии³¹.

51-й Донской полк охранял Риго-Шавельский район, 49-й Донской прикрывал румынскую границу, 48-й стоял гарнизоном в Ковно.

Даже некоторые «первоочередные», т.е. наиболее боеспособные полки не были на фронте, а контролировали наиболее «сомнительные», с точки зрения российского правительства, места. Так, 5-й Донской казачий полк с началом войны прикрывал Варшаву, а 7-й Донской казачий полк до 13 марта 1915 г. стоял в Одессе.

Для несения тыловой службы были сформированы Донские особые сотни (всего 71 сотня)³², но когда началась война с Турцией, многие особые

³⁰ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 42. Л. 12–20.

³¹ Там же. С. 67.

³² Там же. С. 61.

Есаул 26-го Донского казачьего полка В.М. Чернецов в момент награждения золотым Георгиевским оружием (шашкой) «За храбрость». 1917 г.

сотни были отправлены на Кавказский фронт и частью сведены в 55-й, 56-й и 57-й Донские казачьи полки 4-сотенного состава³³, однако в активных боевых действиях в 1914 г. эти полки и сотни не участвовали.

Часть особых сотен пошла на формирование 53-го Донского казачьего полка, который первоначально планировалось послать в Англию³⁴, но в 1915 г. полк был послан на Юго-Западный фронт. Кроме того, из особых сотен были сформированы 54-й Донской казачий полк, сражавшийся в 1915 г. на Юго-Западном фронте и охранявший Черноморское побережье.

Новочеркасское казачье училище, как и все остальные военные училища России, осенью 1914 г. сделало ускоренный выпуск приема 1913 г. С этого момента в стенах училища началась ускоренная подготовка по сокращенной программе. За годы войны училище сделало 13 выпусков, отправив в войска 1984 прапорщика³⁵. В результате к концу войны в Донских полках был двойной комплект офицеров.

Между казаками, ушедшими на фронт, и их родственниками в тылу поддерживалась устойчивая связь. В XVIII—XIX вв. эта связь имела еще и

³³ Там же. С. 244.

³⁴ Казачьи думы. 1923. 15 мая. № 1.

³⁵ Волков С.В. Офицеры казачьих войск. Опыт мартиролога. М., 2013. С. 20.

экономическую подоплеку — казаки регулярно вывозили с театра военных действий домой добычу.

К.А. Бискупский, оказавшийся в 1812 г. вместе с казаками в партизанском отряде А.С. Фигнера, записал, что занятие казаков — «лишь грабить и грабить, наполнять огромные выюки огромных своих кошков и отправлять на Дон во всякое время войны по несколько раз»³⁶. Как видим, импровизированные обозы с добычей отправлялись казаками домой даже из партизанских отрядов.

В годы Первой мировой войны ситуация изменилась. Ужесточение дисциплины и приобщение к иной, «цивилизованной» жизни сказались и на поведении казаков. В полковых документах очень редко встречаются приказы о пресечении мародерства и насилий. За годы войны в полках осуждены за подобные деяния примерно по одному казаку (реже два). Трофеи домой высылаются, но они носят несколько иной характер. Так, казаки 52-го Донского полка выслали на Дон трофейное австрийское орудие, которое демонстрировалось в Новочеркасске на площади³⁷. Большое распространение получают поездки родственников на фронт к казакам, что нашло отражение в художественной литературе того периода (Ф.Д. Крюков).

Трудно определить потери казаков за 1914 г., но в целом за годы Первой мировой войны они были невелики по сравнению с потерями других родов войск. Всего за годы войны были убиты 182 донских казачьих офицера и 3444 казака (около 3% от числа мобилизованных казаков); ранены и контужены 777 офицеров и 11 898 казаков; без вести пропали 54 офицера и 2453 казака; в плену официально зарегистрированы 32 офицера и 132 казака³⁸. Естественно, потери распределились по казачьим частям неравномерно. Так, 10-й Донской казачий полк 1-й Донской дивизии, участвовавший в 120 боях, отчитался 7 октября 1917 г. такими цифрами: «Убиты 145 человек (из них 13 офицеров); ранены и контужены 802 человека (из них 45 офицеров), потери пленными — 5 человек. На пополнение прибыли 52 офицера, 1350 казаков, 1213 лошадей. Награды — 2 ордена Св. Георгия, 5 шашек — “Георгиевское оружие”, 820 Георгиевских крестов и 1350 Георгиевских медалей; полк представлен к Георгиевским трубам и Георгиевским петлицам. В плен взято 15 офицеров противника, 1 врач, 1120 солдат, захвачено 3 орудия, 8 зарядных ящиков, 6 пулеметов с выюками, 104 лошади, 200 седел, 13 повозок с имуществом, 2 походные кухни».

³⁶ Письма полковника К.А. Бискупского // Альманах «Наполеон». 2008. С. 101.

³⁷ Рыжкова Н.В. Указ. соч. С. 113.

³⁸ Там же. С. 223.

Старый казак Вёшенской станицы В.Е. Борщев (сидит слева) приехал в лейб-гвардии казачий полк навестить своих сыновей А.В. Борщева (сидит справа) и В.В. Борщева (стоит справа). 1915 г. Северо-Западный фронт

Вывод гласил: «Полк готов продолжать борьбу с лютым врагом, но за три года кони пришли в негодность...»³⁹

Указанные пропорции примерно совпадают с данными о потерях и наградах 12-го Донского казачьего полка: убит 61 человек (из них 2 офицера); ранены и контужены 343 человека (из них 19 офицеров); без вести пропали 3 человека (из них 1 офицер); в плену 4 человека (из них 1 офицер). На пополнение прибыли 38 офицеров, 1249 казаков. Награды — 4 шашки — Георгиевское оружие, 643 Георгиевских креста и 632 Георгиевские медали⁴⁰. В 12-м Донском полку и потерь и наград в два раза меньше, чем в 10-м Донском, но и в плен и в 10-м, и в 12-м Донских полках попали единицы.

Минимальное количество пленных в казачьих полках в очередной раз указывает на высокую боеспособность, стойкость и патриотизм казаков. В рядах донских казаков фактически не было дезертирства. Не обнаружен ни один документ о подобном явлении.

Впечатляет количество наград. За годы Первой мировой войны 193 донских офицера и 37 тысяч казаков получили Георгиевские награды: офицеры — ордена Святого Георгия или Георгиевское оружие, казаки —

³⁹ Статистика героев...

⁴⁰ ЦГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 42. Л. 42–43.

Георгиевские кресты и медали⁴¹. Фактически каждый третий мобилизованный донской казак совершил подвиг, достойный Георгиевской награды.

Таким образом, донские казаки с началом Первой мировой войны организованно провели мобилизацию и отправили на фронт боеспособное мужское население. Казаки, уже находившиеся в «первоочередных» полках, с первых же дней приняли участие в боях. Предельно низкие потери за все время военных действий показывают, что казаки очень быстро приспособились к новым условиям войны.

Традиционная служба легкой иррегулярной конницы — разведка, охранение, рейды по тылам противника — неслась казаками все время войны. Отсутствие достаточного количества казаков во время операций зачастую становилось одной из причин поражений.

В течение первого года войны функции казачьих частей заметно меняются, их начинают бросать на штурмы, ими прикрывают наиболее опасные участки линии обороны, ими «затыкают» прорывы. Командованием используется не столько их маневренность, сколько их стойкость и военная выучка.

Минимальные потери (особенно — пленными) и большое количество наград указывают на высокий военный профессионализм казаков и продуктивность всей системы казачьей службы.

⁴¹ Трут В.П. Дорогой славы и утрат. М., 2007. С. 186.

Ключевые слова:

Донские казаки, мобилизация, прикрытие развертывания армии, второочередные и третьеоочередные полки, войсковая конница.

Andrey V. Venkov

DON COSSACKS AND THE BEGINNING OF THE WORLD WAR I

he article is dedicated to the participation of the Don Cossacks in World War I. The system of Cossack's military pre-war training, mobilization schemes and distinguishing features of their military service during the initial period of WWI are depicted. The author highlights the adjustments implemented by the Russian military command relative to the Cossack units exploitation in terms of the new positional warfare and increased firepower. Statistics show that combat loss rate of Cossack units was minimal in comparison to the losses of other branches of the armed forces. Information about the military awards received by the Cossacks during the years of WWI is provided.

Венков Андрей Вадимович

доктор исторических наук, профессор,
заведующий Лабораторией казачества
Южного научного центра Российской академии наук

Ю.А. Бахурин

РУССКАЯ ВОЕННАЯ АВИАЦИЯ В 1914 ГОДУ

Первая мировая война не открыла эпоху воздушных войн. Впервые летательные аппараты тяжелее воздуха были применены в ходе Балканских войн 1912–1913 гг. Однако именно первый год общемирового конфликта сделал войну «трехмерной», а авиацию — самостоятельным родом войск, хотя и носившим поначалу скорее тактическое значение.

Боевое применение аэропланов в годы Великой войны на сегодняшний день имеет собственную историографию. С начала 2000-х гг. вышел ряд интересных публикаций, посвященных возвращению из забвения имен и заслуг русских авиаторов¹, истории морской авиации России в Первой мировой войне², организации авиации как самостоятельного

¹ Аверченко С.В. Юрий Гильшер — один из первых асов России // Военно-исторический журнал. 2001. № 8. С. 38–47; Нешкин М.С. Выдающиеся русские авиаторы в годы Первой мировой войны 1914–1918 годов (по материалам Российского государственного военно-исторического архива) // Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов: материалы Международной научной конференции, Москва, 7–8 сентября 2004 года. М., 2006. С. 283–287.

² Герасимов В.А. Авиация флота Черного моря: год 1914-й // Военно-исторический журнал. 2002. № 8. С. 34–39; он же. Развитие органов управления морской авиации //

рода войск накануне, в ходе и по окончании войны³, первому этапу истории русской авиации и организации противовоздушной обороны на ключевых участках обороны⁴, влиянию экономики на авиацию⁵, подготовке военных летчиков⁶, истории конструирования и применения отдельных типов аэропланов, а также боевого пути авиачастей⁷. Изданы справочник о русских летчиках — кавалерах георгиевских наград⁸, два тома из многотомника по истории опознавательных знаков русской авиации начала XX в. и др.⁹

Возрастание в обществе интереса к истории Первой мировой войны вообще и авиации в частности послужило импульсом к выходу множества публикаций в научно-популярной периодике: журналах и альманахах

Военно-исторический журнал. 2003. № 3. С. 29–33; *он же*. Георгиевские кавалеры морской авиации России // Военно-исторический журнал. 2004. № 9. С. 77–78; *он же*. Авиация флота: начало истории (1910–1914 гг.) // Военно-исторический журнал. 2012. № 8. С. 30–35.

³ Елисеев С.П. Создание организационной структуры авиационной службы русской армии // Военно-исторический журнал. 2006. № 6. С. 15–19; *он же*. Развитие авиации русской армии в Первой мировой войне // Военно-исторический журнал. 2008. № 2. С. 21–28; *он же*. Создание и совершенствование системы управления Военно-воздушными силами. По опыту боевых действий в 1914–1917 гг. // Военно-исторический журнал. 2009. № 8. С. 3–10.

⁴ Лашков А.Ю., Носовский Г.П. Воздушные тараны 1914–1918 гг. // Военно-исторический журнал. 2002. № 2. С. 12–14; Лашков А.Ю., Лозыченко Ю.М. Зарождение военного воздухоплавания в России // Военно-исторический журнал. 2002. № 8. С. 40–46; Лашков А.Ю. Опознавательные знаки авиации России // Военно-исторический журнал. 2002. № 8. С. 47–49; *он же*. Организация Петроградского района противовоздушной обороны в 1914–1918 гг. // Военно-исторический журнал. 2010. № 3. С. 3–8; № 4. С. 9–14; и др.

⁵ См., например: Загороднюк В.П. Военно-экономические реформы начала XX века и развитие русской авиации // Судьбы реформ и реформаторства в России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Коломна, 2006. С. 141–149.

⁶ См., например: Бочинин Д.А. Система подготовки военных летчиков в годы Первой мировой войны // Грамота. 2011. № 5 (11). Ч. IV. С. 33–36; Карташев А.В. Начало подготовки авиационных кадров в России // Актуальные проблемы социогуманитарного знания: Сборник научных трудов. Вып. XVIII. Ч. 2. Ставрополь, 2009. С. 50–53; Тимофеев Ф.Д. Подготовка летчиков в военно-учебных заведениях России в начале XX века // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. № 40. С. 524–531.

⁷ Хайруллин М.А. «Илья Муромец». Гордость русской авиации. М., 2010; *он же*. 7-й корпусной авиаотряд. М., 2008; *он же*. Военная авиация России: первые шаги // Родина. 2012. № 2. С. 115–119; и др.

⁸ Авиаторы — кавалеры ордена Св. Георгия и георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914–1918 годов: Биографический справочник / Сост. М.С. Нешкин, В.М. Шабанов. М., 2006.

⁹ Хайруллин М.А., Степанов Б.Ю. Краски русской авиации. 1909–1922 гг. Кн. 1. М., 2013; кн. 2. М., 2014.

«Авиамастер»¹⁰, «Авиапарк»¹¹, «История авиации»¹², «Легенды и мифы авиации»¹³ и др. Для подобной литературы заметным событием стала книга белорусских авторов В.А. Обуховича и А.Ф. Никифорова «Самолеты Первой мировой войны» (Минск, 2003), в которой опубликован большой массив фотографий и тактико-технических сведений об аэропланах периода Первой мировой войны, но и ее текст носит компилятивный характер и изобилует неточностями. Книга российского автора В. Рохмистрова «Авиация Великой войны» (М., 2004) представляется также небезупречной с точки зрения фактологии, впервые на русском языке охвачен и синхронизирован большой объем сведений о боевом применении авиации в 1914–1917 гг. на Восточном и Западном фронтах.

Архивные поиски продолжаются, они открывают малоизученные или неизвестные страницы покорения неба русскими летчиками. В данной статье предпринята попытка аналитического обзора роли отечественной военной авиации в военных действиях на Восточном фронте Первой мировой войны во второй половине 1914 г. Автор благодарит коллекционера Г.Ф. Петрова (Санкт-Петербург) за предоставленные из своего личного собрания фотографии.

Еще накануне войны полеты являлись общеевропейским культурным феноменом, выросшим из увлечения эксцентричных одиночек. Французский авиатор Р. Гаррос поднимался в воздух с кинематографическим аппаратом в ходе показательных состязаний с швейцарским артистом цирка Э. Одемаром; А. Фарман на биплане собственной конструкции стремился превзойти обоих даже с пассажирами на борту¹⁴. Перелет же Л. Блерио через Ла-Манш 25 июля 1909 г. подвиг русское правительство к решению содействовать развитию авиации¹⁵. К 1914 г. Военным министерством в этом направлении велась масштабная работа по форми-

¹⁰ См., например: *Спатарель И.* О боевой деятельности военного летчика капитана Крутения // *Авиамастер*. 2000. № 5. С. 2–7; *Куликов В.* Начало пути. Истребительная авиация России в Первой мировой войне // *Авиамастер*. 2002. № 4. С. 2–17; и др.

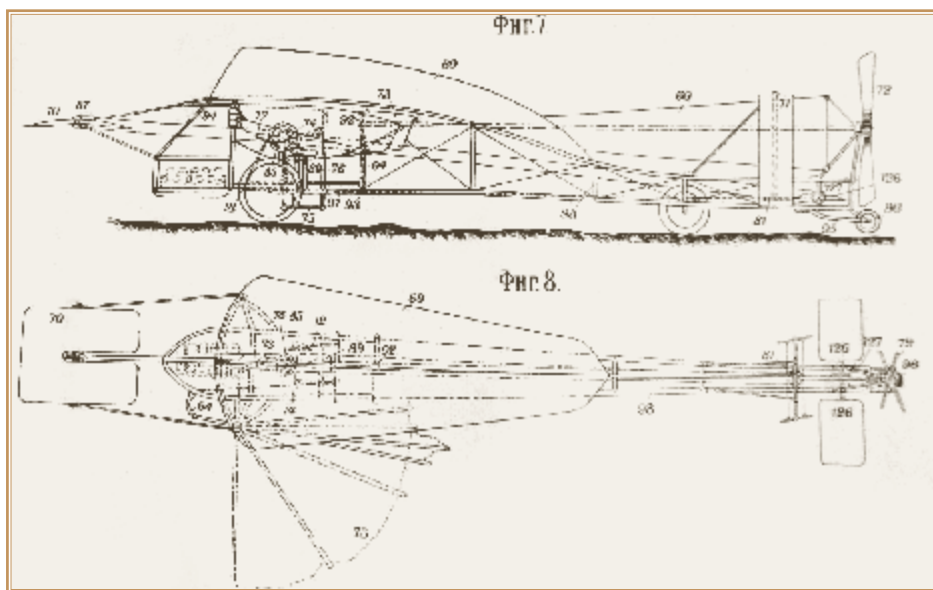
¹¹ См., например: *Кондратьев В.* Белый авиадарм. Биография российского летчика, участника Первой мировой и Гражданской войн В.М. Ткачева // *Авиапарк*. 2009. № 4. С. 2–7 и др.

¹² См., например: *Сергиенко А.* Короли первых воздушных боев // *История авиации*. 2001. № 5. С. 2–9 и др.

¹³ См., например: *Кузьмин Ю.В.* Самолеты «Гранд Балтийский» и «Русский Витязь»: в чем же приоритет Сикорского? // *Легенды и мифы авиации*. Вып. 5. М., 2013. С. 5–18; и др.

¹⁴ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 493. Оп. 2. Д. 18. Л. 1 об.

¹⁵ См.: *Желтова Е.А.* Культурные мифы вокруг авиации в России в первой трети XX века // *Русская антропологическая школа. Труды*. Вып. 4 (ч. 2). М., 2007. С. 164.

Чертеж аэроплана конструкции полковника С. Люпова

рованию авиационных частей — рот и отрядов, испытанию новых видов аэропланов, подготовке личного состава силами частных Гатчинской военной авиационной и Севастопольской офицерской школ, Офицерской воздухоплавательной школы, частных аэроклубов и т.д. 20 мая 1914 г. начальником Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) генералом от кавалерии Я.Г. Жилинским были утверждены временные правила командирования офицеров всех родов войск в авиационные части, а также программа подготовки офицеров и летчиков-наблюдателей для ведения воздушной разведки. Напоминала о себе и частная инициатива — один за другим обнародовались проекты новых летательных аппаратов, зачастую курьезные¹⁶.

Тем не менее накануне Первой мировой войны русская военная авиация была представлена 39 авиаотрядами (1 полевым, 30 корпусными и 8 крепостными), насчитывавшими в своем составе 263 аэроплана¹⁷.

Начало боевых действий повлекло ее разделение на авиацию Действующей армии и ближний авиационный тыл. Главной задачей, возлагавшейся на авиационные части на театре военных действий, была разведка на

¹⁶ См., например: Привилегия № 26384, выдана полковнику С. Люпову на аэроплан, соединенный с двигателем переменной силы (Свод привилегий, выданных в России. Издание Отдела промышленности. 1914 год. Вып. III. Привилегии № 26280–26525. СПб., 1914).

¹⁷ Елисеев С.П. Создание организационной структуры авиационной службы русской армии // Военно-исторический журнал. 2006. № 6. С. 18, 19.

приемлемую для армейских корпусов глубину до 60 км. В этой связи львиная доля ответственности легла именно на корпусные авиаотряды (КАО), разведка же оставалась преобладающей функцией воздушного флота в течение всей кампании.

Его боевое крещение отнюдь не стало безоблачным. Как известно, начало боевым действиям положила Восточно-Прусская операция 1-й и 2-й армий Северо-Западного фронта. В состав 2-й армии генерала от кавалерии А.В. Самсонова входили 1, 13, 15 и 22-й КАО (последний был придан армейскому штабу). Их авиаторами предпринималось несколько разведывательных вылетов в день, обеспечивавших командование ценной информацией. Например, начальник 1-го КАО по итогам 4 августа доносил: «1) в Млаве усиленное движение, на северной и южной окраине местечка Млава бивак пехоты на 1—2 полка с артиллерией; 2) по шоссе Сольдау-Млава движение повозок и отдельных групп людей; 3) в Сольдау большого скопления войск не замечено; на станции стояло несколько составов с крытыми вагонами до 200—250 вагонов, причем под 3 составами находились паровозы под парами по направлению Дейч-Эйлау; 4) из Сольдау на Млаву в 8 ч. утра выходило 1—2 эскадрона кавалерии; 5) на линии Сольдау-Лаутенбург движения поездов не было; 6) по шоссе Лаутенбург-Залунь движение отдельных повозок; 7) шоссе Залунь-Туржа свободно, в местечке Туржа обнаружено до 1 эскадрона кавалерии»¹⁸.

Следует отметить, что командование зачастую реагировало на аналогичные донесения с недоверием ввиду их расхождения с данными агентурной разведки в сторону увеличения. Подобный скептицизм на фоне динамично менявшейся тактической обстановки служил штабу Самсонова не лучшую службу. Кроме того, после перехвата инициативы немцами авиаотряды не использовались надлежащим образом даже для координации и связи между корпусами. Как следствие, они разделили судьбу всей 2-й армии. 13-й КАО был захвачен противником целиком; из 6 аэропланов 15-го КАО лишь трем авиаторам удалось спасти машины по воздуху, все техническое имущество отряда было оставлено. Остальные авиаотряды частично лишились своих самолетов и материальной базы при отступлении корпусов.

В целом, отсутствие в русской армии опыта снабжения авиаотрядов и их ремонта в полевых условиях привело к резкому сокращению количества исправных аэропланов уже в августе 1914 г. 12 августа Верховный главноко-

¹⁸ См.: Чехутов Л. Из воспоминаний о работе авиации в Самсоновской операции // Вестник Воздушного флота. 1924. № 12.

мандующий великий князь Николай Николаевич-младший был вынужден издать приказ с требованием применять авиацию лишь при «действительной необходимости»¹⁹.

Непреложным фактом боевого дебюта русской авиации в 1914 г. явилась ее техническая авангардность. Появление боевых машин в небе над линией фронта поражало воображение нижних чинов и даже офицерского состава пехотных частей Действующей армии. В их письмах родным и записках встречаются откровения почти мистического толка: «Про эти дни и часы говор шел и раньше: настанет такое время, весь свет опутают железом, и будут летать огненные скорпионы»²⁰. Начало кампании располагало к подобным настроениям, совпав, в частности, с полным солнечным затмением 8 августа 1914 г. Накануне командующий 1-й армией генерал от кавалерии П.К. Ренненкампф подписал особый приказ, рельефно отображающий тогдашний уровень менталитета в Действующей армии: «Обратить внимание, что померкшее солнце в момент полного затмения будет на юго-западе, как раз над станом и землей врага»²¹. Следствием этого стали неоднократные случаи фратрицида — открытия «дружественного огня» русских войск по собственным аэропланам. Данное явление почти не изучалось отечественными историками. Так, по мнению С.П. Елисеева, «война застала авиацию “в периоде неполной организованности” ... В войсках не знали своих летательных аппаратов. Последнее обстоятельство приводило иногда к их обстрелу русской пехотой»²². Однако факты и свидетельства участников боевых действий и современников позволяют считать, что фратрицид имел распространенность в первые месяцы войны.

Причиной этого были опознавательные знаки, которые были введены в русской авиации в марте 1914 г.: для аэропланов авиационных частей русской армии таковыми являлись трехцветные круги, для частных аэропланов — трехцветные треугольники. Однако уже в начале войны выяснилось, что опознавательные знаки Российской империи плохо различимы с земли. Порой ситуация принимала близкие к абсурду черты, подобные случаю,

¹⁹ Цит. по: Елисеев С.П. Развитие авиации русской армии в Первой мировой войне // Военно-исторический журнал. 2008. № 2. С. 21.

²⁰ Цит. по: Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX — начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008. С. 426.

²¹ Отдел военной литературы Российской государственной библиотеки (далее — ОВА РГБ). Инв. № 157/20. Л. 24.

²² Цит. по: Елисеев С.П. Развитие авиации русской армии в Первой мировой войне // Военно-исторический журнал. 2008. № 2. С. 21.

описанному в мемуарах русским летчиком, участником Первой мировой войны В.М. Ткачевым. 15 августа 1914 г. он был вызван в штаб 4-й армии, где получил приказ генерал-квартирмейстера доставить начальнику армейской кавалерии пакет. При этом авиатора предупредили о риске попасть под обстрел своей же пехоты во время полета над позициями. Ткачев отнесся к этим словам небрежно и в результате угодил под плотный ружейный огонь. Вынужденная посадка, серьезная опасность для жизни и порча аэроплана справедливо возмутили офицера, однако беседовавший с ним затем генерал возражал: «...На крыле нашего аэроплана должен быть круг русских национальных цветов, а у вас ведь круги»²³.

13 августа 1914 г. штаб 3-й армии сообщал командующему XI корпусом генералу от кавалерии В.В. Сахарову: «Случаи стрельбы по своим аэропланам продолжаются, несмотря на ясные признаки, сегодня был обстрелян летчик капитан Нестеров сборной командой 42-й пехотной дивизии близ деревни Ясиновице, телеграфной командой шестого саперного батальона, частями 128-го Старооскольского полка у Злочева. Аппарат прострелян в нескольких местах. Прошу принять самые энергичные меры, чтобы прекратить эту беспорядочную стрельбу по своим аэропланам. Драгомиров»²⁴. Судьбе было угодно сохранить жизнь штабс-капитану еще чуть менее чем на 2 недели. А 128-й пехотный Старооскольский полк же вновь «отличился» уже на следующий день — его солдатами, наряду с другими частями XI армейского корпуса, в районе Скварова были обстреляны штабс-капитан Плотников и поручик Войткевич. Огонь продолжал вестись даже после приземления аэроплана. Пехота прекратила огонь, лишь услышав брань летчиков, бывших на волосок от гибели²⁵.

Безусловно, подобные явления происходили не только на Восточном фронте и не были характерны сугубо для русской армии. Германский ас М. фон Рихтхофен писал, вспоминая начало своего боевого воздушного пути: «Тогда у меня еще не было представления о наших авиаторах. Я очень разволновался, когда увидел первого летчика, даже не зная, союзник он или враг. В то время я не знал также, что немецкие самолеты помечаются крестом, а вражеские — кругами. Поэтому мы падали по каждому самолету. Наши старые пилоты до сих пор рассказывают о болезненных чувствах, возникавших при беспрестанном обстреле своими же»²⁶.

²³ Цит. по: Ткачев В.М. Крылья России. Воспоминания о прошлом русской военной авиации. СПб., 2007. С. 305.

²⁴ Цит. по: Рохмистров В.Г. Авиация великой войны. М., 2004. С. 84.

²⁵ Там же. С. 86.

²⁶ Цит. по: *Richthoven von M. Der rote Kampfflieger*. Berlin, 1933. S. 41.

Германский аэроплан «Альбатрос»

Однако в Действующей армии продолжали фиксироваться инциденты такого рода — 9 сентября 1914 г. у д. Бенгхейм солдатами 288-го пехотного полка были расстреляны 4 аэроплана Гродненского крепостного авиационного отряда. В последующем приказе № 105 войскам 1-й армии ее командующего генерала от кавалерии П.К. Ренненкампа в числе прочего говорилось: «Этим преступным огнем, свидетельствующим о панической боязни полковника Ратькова, наши летчики убиты и тяжело ранены. Штаб-офицер, так мало разбирающийся в обстановке, подверженный панической боязни перед появлением своих даже аэропланов, принимаемых им в силу паники за немецких, не может командовать частью. ...Еще раз подтверждаю строжайшее запрещение открывать огонь по аэропланам низко летающим, значит нашим, или снижающимся к войскам»²⁷.

Подобные курьезные формулировки были призваны хотя бы каким-то образом сориентировать нижних чинов пехоты и артиллерии в разнообразии кружащих над передовой летательных аппаратов. Вдобавок на низколетающих аэропланах могли быть различены опознавательные знаки. Но, как показывала практика, ими были оснащены не все самолеты. 17 сентября 1914 г. по войскам 1-й армии был издан примечательный приказ: в нем говорилось о прибытии в Действующую армию новых аэропланов, внешне схожих с немецкими и без каких-либо отличительных знаков. Дабы уберечь машины от уничтожения «своими же», командующий под страхом немедленного расстрела строжайше запретил вообще открывать огонь по воздушным целям²⁸. Спасать свои жизни и военное имущество

²⁷ ОВА РГБ. Инв. № 157/20. Л. 101.

²⁸ Там же. Л. 118.

от вражеской авиации предписывалось маскировкой. Однако она не могла уберечь войска от флешеттов — металлических стрел, которые немцы в изобилии рассеивали с аэропланов над позициями противника, либо его частями на марше. Русские авиаторы не оставались в долгу, поражая вражескую кавалерию свинцовыми «стрелами» конструкции В. Слесарева, но, как вспоминал германский летчик-ас Э. Удет, стрелы были лишь началом — за ними последовали бомбы²⁹. И, конечно же, средства маскировки того времени не могли спасти от убийственного артиллерийского огня, управляемого с воздуха немецкими корректировщиками.

Одним словом, подобные «меры» оказались как минимум бесполезными. Одновременно с этим приказ по войскам 2-й армии № 14 от 22 августа 1914 г. всецело поощрял открытие огня по неизвестным самолетам — разумеется, при опознании его офицером как неприятельского. В тексте также приводились опознавательные знаки германской авиации, а завершался он посулом: «Орудие, подбившее аэроплан противника, будет отличено выдачей особого денежного приза»³⁰.

В октябре 1914 г. в специальном приказе главнокомандующего Северо-Западным фронтом генерала от инфантерии Н.В. Рузского приводились случаи расстрела воздухоплавательных аппаратов своими же войсками. Так, еще 9 сентября в Бенгхейме были расстреляны четыре аппарата Гродненского крепостного авиационного отряда 288-м пехотным полком, когда аппараты снижались. Имелись убитые и раненые, при этом также были повреждены аэропланы. В связи с этим Рузский приказал «открывать огонь по воздухоплавательным аппаратам, если опознавательные знаки не видны, только в том случае, когда аппарат будет бросать бомбы или сигнализировать неприятелю особыми ракетами»³¹. Несмотря на это, 17 ноября 1914 г. в войсках 1-й армии вновь был отмечен случай обстрела обозными аэроплана, пролетающего над Сохачевом. Угрозы Ренненкамппа в отношении нарушителей приказов не были пустым звуком — виновных расстреляли на месте³².

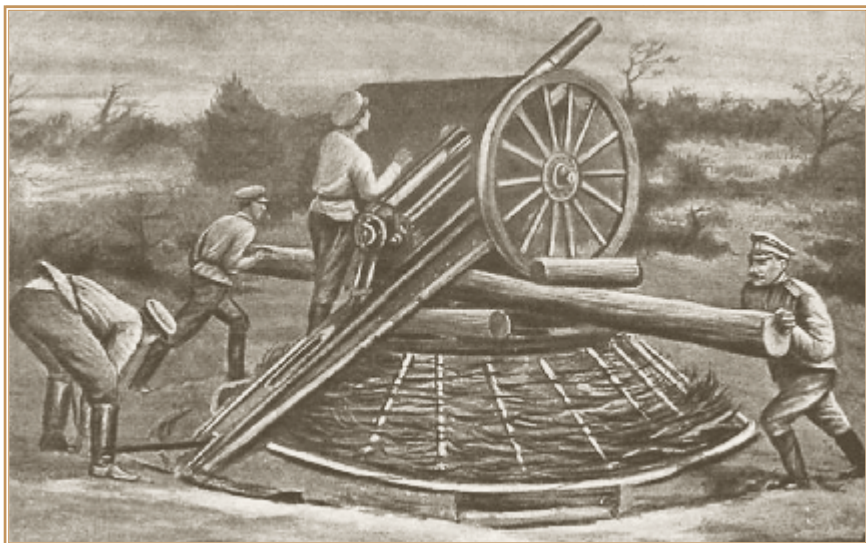
Таким образом, хотя бы отчасти справедливыми представляются суждения авиатора-ветерана Первой мировой войны А.В. Шиукова: «С первых же дней первой мировой империалистической войны злейшим врагом авиации сделалась артиллерия. Стоило только какому-нибудь — нашему ли, неприятельскому ли — самолету появиться в небе, его со всех сторон начинали об-

²⁹ Udet E. Ace of the Iron Cross. N.Y., 1970. P. 3.

³⁰ ОВА РГБ. Инв. № 157/22. Л. 46.

³¹ Цит. по: Лаишков А.Ю. Опознавательные знаки авиации России // Военно-исторический журнал. 2002. № 8. С. 47.

³² ОВА РГБ. Инв. № 157/20. Л. 266 об.

Полевое орудие на импровизированном зенитном станке из бревен

стреливать из пушек, пулеметов и винтовок»³³. Свидетельство же упомянутого ранее В.М. Ткачева: «У нашей авиации в то время имелось два серьезных врага: первый — слабость моторов ..., второй — ружейный огонь с земли и не только неприятельской пехоты, но очень часто (поначалу) и своей собственной»³⁴ — может служить ответом истории на поставленный нами вопрос.

Причиной столь удручающего положения вещей было сочетание ряда факторов. Прежде всего, войсковая среда не была должным образом информирована и психологически готова к появлению в небе над позициями невиданных прежде аппаратов, подспудно ассоциировавшихся с угрозой. Сказалась неспособность командования предложить внятное решение этой проблемы. По верному замечанию С.Г. Нелиповича, взаимодействие авиации и противовоздушной артиллерии оставалось только тактическим, без объединения в одних руках³⁵. Наряду с этим нельзя не признать, что к 1914 г. конструкторская мысль в будущих державах-участницах войны шла в известной мере сходными путями и аэропланы различных стран, как правило, выглядели с земли практически одинаково.

Инциденты открытия «дружественного огня» не стали редкостью и с началом 1915 г. Они прослеживаются по документам отдельных авиаотрядов. Однако именно так, в том числе ценой жестоких ошибок с первых дней войны выковывался щит отечественных сил ПВО.

³³ Шиуков А.В. Война в воздухе. М.-Л., 1941. С. 109.

³⁴ Цит. по: Ткачев В.М. Указ. соч. С. 295.

³⁵ Нелипович С.Г. Стражи мирного неба // Факт. 1999. 8 апреля. С. 8.

Биплан «Вуазен III» в окружении русских военных авиаторов

Подобные «болезни роста» были вполне объяснимы, но руководивший де-факто всеми ВВС в годы Первой мировой войны великий князь Александр Михайлович не желал мириться с таким положением вещей. Как следствие, только с 14 августа по 31 декабря 1914 г. «за непригодностью» из авиации были отчислены 16 и смещены в наблюдатели 8 летчиков, отстранены и назначены 14 новых начальников авиаотрядов³⁶. Ввиду сохранявшегося некомплекта личного состава и нехватки самих аэропланов в авиационных частях подобные кадровые решения лишь обостряли ситуацию. Тем не менее развитие русской авиации продолжалось и в таких условиях. С начала осени сохранившиеся в исправном состоянии аэропланы в отрядах стали сводиться в группы при армиях. Это благоприятствовало как их применению, так и снабжению и ремонту. Для более успешного ведения разведки в штат каждого авиаотряда приказом Верховного главнокомандующего от 27 сентября 1914 г. было введено по 4 офицера в качестве летчиков-наблюдателей. На исходе года, 18 декабря, с одобрения представления ГУГШ началось формирование восьми (по числу армий) армейских авиаотрядов. В каждом из них должно было служить 8 летчиков (4 офицера и 4 нижних чина), 4 летчика-наблюдателя с шестью аэропланами типа «Вуазен» в их распоряжении. Отряд делился на 2 отделения и обеспечивался собственной ремонтной мастерской³⁷.

³⁶ Елисеев С.П. Создание и совершенствование системы управления Военно-воздушными силами. По опыту боевых действий в 1914–1917 гг. // Военно-исторический журнал. 2009. № 8. С. 3.

³⁷ Елисеев С.П. Развитие авиации русской армии в Первой мировой войне. С. 22.

25-й корпусный авиаотряд 3-го авиадивизиона. Командир полковник А.С. Воронников

В первую кампанию Великой войны русские авиаторы снискали себе заслуженную славу. 12 августа 1914 г. первый из них был удостоен ордена Святого Георгия 4-й степени. Его кавалером стал В.М. Ткачев «за то, что 12 августа 1914 г. произвел смелую и решительную воздушную разведку в районе Люблин — Белжице — Ополе — Юзефов — Анополь — Боров — Госцерадов — Уржендов — Красник — Люблин, проник в тыл и фланги неприятельского расположения, и несмотря на действительный огонь противника по аппарату, сопровождавший его в течение всего полета и повредивший жизненные части аппарата, с исключительной находчивостью, доблестным присутствием духа и мужеством выполнил возложенную на него задачу по раскрытию сил и определению направления движения колонн противника, вовремя доставил добытые разведкой сведения первостепенной важности и тем способствовал принятию стратегических решений, приведших к одержанию решительного успеха над противником»³⁸. Спустя всего два дня отличился военный летчик 1-го КАО штабс-капитан И.Д. Хризосколео, в ходе разведки на поврежденном вражеским огнем аэроплане обнаруживший продвижение к полю боя сразу двух немецких корпусов³⁹.

26 августа 1914 г. капитан П.Н. Нестеров совершил первый в практике боевой авиации таран — увы, не пережив того же боя. В тот же и последующие дни военный летчик Гродненского крепостного авиаотряда поручик

³⁸ Цит. по: Нешкин М.С. Анализ действий авиации Рижского укрепленного района в 1915 г. // Доклады Академии военных наук. 2006. № 5 (23). С. 164.

³⁹ Кавалеры военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия за период с 1914 по 1918 г. М., 2008. С. 488.

А.И. Семенов «производя... с опасностью для жизни ряд боевых воздушных разведок в Восточной Пруссии, дал весьма ценные сведения о противнике и способствовал уничтожению неприятельского аэроплана»⁴⁰. Однако это лишь отдельные примеры боевых вылетов и воинских отличий. Комплексно же боевое применение русской авиации в 1914 г. представлено в таблице.

Боевые полеты русских авиачастей в июле—декабре 1914 г.⁴¹

Месяц 1914 г.	Выполнено полетов		Не выполнено полетов		Всего полетов		Процентное отношение	
	Кол-во	Часы / минуты	Кол-во	Часы / минуты	Кол-во	Часы / минуты	к общему числу полетов	к общей продолжительности полетов
Гвардейский авиаотряд								
Июль—август	30	36/30	6	3/5	36	39/35	2,77	3,04
Сентябрь	23	15/47	4	/46	27	16/33	5,50	3,52
Октябрь	26	29/18	-	-	26	29/18	4,55	4,86
Ноябрь	16	17/58	-	-	16	17/58	2,14	2,47
Декабрь	3	2/6	-	-	3	2/6	0,61	0,45
Гренадерский авиаотряд								
Июль—август	27	32/41	-	-	27	32/41	2,09	2,5
Сентябрь	21	37/57	-	-	21	37/57	4,28	7,87
Октябрь	13	18/36	-	-	13	18/36	2,45	3,19
Ноябрь	40	21/8	8	4/6	48	25/14	6,42	3,43
Декабрь	18	25/10	4	2/27	22	27/37	4,47	6,19
1-й корпусный авиаотряд								
Июль—август	198	137/2	-	-	198	137/2	15,24	1,04
Сентябрь	62	50/30	1	1/50	63	52/20	12,83	10,77
Октябрь	Полетов не производил							
Ноябрь	4	8/32	-	-	4	8/32	0,54	1,23
Декабрь	3	9/37	-	-	3	9/37	0,61	2,14
2-й корпусный авиаотряд								
Июль—август	40	47/15	-	-	40	47/15	3,09	3,57
Сентябрь	Полетов не производил							
Октябрь	21	22/38	-	-	21	22/38	3,69	3,87
Ноябрь	8	12/25	19	11/15	27	23/40	3,61	3,3
Декабрь	1	1/25	-	-	1	1/25	0,2	0,22

⁴⁰ Там же. С. 416.

⁴¹ Составлено по: РГВИА. Ф. 2008. Оп. 1. Д. 116. Л. 2—13.

Месяц 1914 г.	Выполнено полетов		Не выполнено полетов		Всего полетов		Процентное отношение	
	Кол-во	Часы / минуты	Кол-во	Часы / минуты	Кол-во	Часы / минуты	к общему числу полетов	к общей продолжительности полетов

3-й корпусный авиаотряд

Июль—август	39	63/44	-	-	39	63/44	3,02	4,85
Сентябрь	Полетов не производил							
Октябрь								
Ноябрь								
Декабрь	2	2/30	6	5/15	8	7/45	1,22	1,80

4-й корпусный авиаотряд

Июль—август	17	26/31	5	1/35	22	28/06	1,7	2,12
Сентябрь	Полетов не производил							
Октябрь								
Ноябрь								
Декабрь	3	6/15	25	9/45	28	16	3,71	3,59

5-й корпусный авиаотряд

Июль—август	71	60/59	-	-	71	60/59	5,49	4,62
Сентябрь	12	15/44	-	-	12	15/44	2,44	3,31
Октябрь	7	11	-	-	7	11	1,23	2,46
Ноябрь	28	16/36	7	2/34	35	19/10	4,7	2,61
Декабрь	6	8/25	8	3/37	14	12/2	2,98	2,64

6-й корпусный авиаотряд

Июль—август	10	12/15	1	/40	11	12/55	0,85	0,99
Сентябрь	16	15/52	3	1/55	19	17/47	3,87	3,74
Октябрь	23	25/42	1	1/35	24	27/17	4,2	4,54
Ноябрь	20	24/3	1	1/15	21	25/18	2,81	3,42
Декабрь	12	15/10	6	7/15	18	22/25	3,66	4,93

7-й корпусный авиаотряд

Июль—август	Полетов не производил							
Сентябрь								
Октябрь								
Ноябрь	43	32/59	2	1/40	45	34/39	6,02	4,8
Декабрь	27	15/56	11	4/25	38	20/21	2,43	4,48

8-й корпусный авиаотряд

Июль—август	51	33/55	6	2/30	57	36/25	4,41	2,73
Сентябрь	1	1/20	-	-	1	1/20	0,2	0,21
Октябрь	13	14/22	3	1/35	16	15/57	2,8	2,69
Ноябрь	14	12/24	6	1/30	20	13/59	2,67	1,92
Декабрь	-	-	15	16/54	15	16/54	3,05	3,81

Месяц 1914 г.	Выполнено полетов		Не выполнено полетов		Всего полетов		Процентное отношение	
	Кол-во	Часы / минуты	Кол-во	Часы / минуты	Кол-во	Часы / минуты	к общему числу полетов	к общей производительности полетов

9-й корпусный авиаотряд

Июль—август	59	63/8	4	3/6	63	66/19	4,89	5,01
Сентябрь	27	21/25	2	1/50	29	23/15	5,9	4,76
Октябрь	43	45/13	6	3/20	49	48/33	8,58	8,23
Ноябрь	31	44/34	12	7/41	43	52/15	5,75	7,12
Декабрь	29	32/37	2	1/45	31	34/12	6,3	7,62

10-й корпусный авиаотряд

Июль—август	28	64	-	-	28	64	2,17	4,85
Сентябрь	2	1/40	-	-	2	1/40	0,41	0,4
Октябрь	1	1/45	-	-	1	1/45	0,17	0,33
Ноябрь	Полетов не производил							
Декабрь	4	6/5	8	5/17	12	11/22	2,43	2,46

11-й корпусный авиаотряд

Июль—август	35	69/40	4	2-25	39	72/05	3,02	5,46
Сентябрь	7	11/5	-	-	7	11/05	1,63	2,28
Октябрь	9	20/55	-	-	9	20/55	1,57	3,53
Ноябрь	35	48/15	7	5	42	53/15	5,62	7,28
Декабрь	14	19/09	4	3-15	18	22/24	3,68	4,93

12-й корпусный авиаотряд

Июль—август	22	27/20	26	12/44	48	40/04	3,71	3,03
Сентябрь	1	/32	1	/35	2	1/07	0,4	2,07
Октябрь	16	14/28	10	6/35	26	21/03	4,55	3,53
Ноябрь	3	3/51	2	/36	5	4/27	0,67	0,55
Декабрь	1	1/10	4	3/29	5	4/39	1,01	1,12

13-й корпусный авиаотряд

Июль—август	34	28/54	6	2/39	40	31/33	3,25	2,43
Сентябрь	5	8/06	2	/40	7	8/46	1,63	1,86
Октябрь	6	5/05	9	5/34	15	10/39	1,75	1,89
Ноябрь	11	12/43	13	7/27	24	20/10	3,22	2,74
Декабрь	2	1/50	10	6/33	12	8/23	2,44	1,8

14-й корпусный авиаотряд

Июль—август	114	97/50	6	4/30	122	102/20	9,43	7,74
Сентябрь	41	26/38	1	/32	42	27/10	8,55	5,59
Октябрь	37	27/57	7	4/10	44	32/07	7,7	5,38
Ноябрь	21	12/31	-	-	21	12/31	2,81	1,78
Декабрь	5	2/15	-	-	5	2/15	1,02	0,4

Месяц 1914 г.	Выполнено полетов		Не выполнено полетов		Всего полетов		Процентное отношение	
	Кол-во	Часы / мину-ты	Кол-во	Часы / мину-ты	Кол-во	Часы / мину-ты	к об-щему числу полетов	к об-щей про-должи-тельности полетов

15-й корпусный авиаотряд

Июль—август	80	76/05	1	/45	81	76/50	6,27	5,84
Сентябрь	Пробные полеты							
Октябрь	12	5/45	1	/25	13	6/10	2,27	1,01
Ноябрь	33	43/56	4	3/45	37	47/41	4,94	6-54
Декабрь	13	23/40	8	4/07	21	27/47	4,26	6,27

16-й корпусный авиаотряд

Июль—август	17	17/21	1	/08	18	17/21	1,39	1,29
Сентябрь	16	20/13	3	2/29	19	22/42	3,89	4,76
Октябрь	21	23/24	3	2/20	24	25/44	4,2	4,37
Ноябрь	11	11/07	15	8/22	26	19/29	3,46	4,25
Декабрь	13	13/15	4	2/30	17	15/45	3,25	3,59

17-й корпусный авиаотряд

Июль—август	86	45/28	5	4/20	91	49/48	7,99	3,79
Сентябрь	32	22/33	-	-	32	22/33	6,52	4,8
Октябрь	13	11/22	4	2/30	17	13/52	2,97	1,92
Ноябрь	32	34/55	1	2/05	33	37	4,41	5,07
Декабрь	27	21/10	2	1/55	29	23/05	5,99	5,13

18-й корпусный авиаотряд

Июль—август	54	64/21	-	-	54	64/21	4,18	4,85
Сентябрь	34	31/23	-	-	34	31/23	6,96	4,62
Октябрь							4,55	3,86
Ноябрь	Полетов не производил							
Декабрь								

19-й корпусный авиаотряд

Июль—август	25	23/40	-	-	25	23/40	1,93	1,89
Сентябрь	Полетов не производил							
Октябрь	3	6/01	-	-	3	6/01	0,53	1,01
Ноябрь	9	11/19	-	-	9	11/19	1,2	1,51
Декабрь	7	9/24	8	4/35	15	13/59	3,05	3,14

20-й корпусный авиаотряд

Июль—август	23	38/44	1	1/10	24	39/54	1,86	3,03
Сентябрь	23	14/53	1	1/50	24	16/43	4,89	3,52
Октябрь	16	18/40	-	-	16	18/40	2,8	3,19
Ноябрь	13	16/52	4	7/05	17	23/57	2,27	3,28
Декабрь	10	11/35	-	-	10	11/35	2,03	2,69

Месяц 1914 г.	Выполнено полетов		Не выполнено полетов		Всего полетов		Процентное отношение	
	Кол-во	Часы / минуты	Кол-во	Часы / минуты	Кол-во	Часы / минуты	к общему числу полетов	к общей производительности полетов

21-й корпусный авиаотряд

Июль—август	46	66/55	-	-	46	66/55	3,56	5,09
Сентябрь	29	36/19	5	10/10	34	46/29	6,92	9,52
Октябрь	43	51/47	5	4/05	48	55/52	8,41	5,63
Ноябрь	8	11/55	-	-	8	11/55	1,07	1,64
Декабрь	13	6/41	-	-	13	6/41	2,63	1,57

22-й корпусный авиаотряд

Июль—август	Полетов не производил							
Сентябрь	12	18/30	8	10/50	20	29/20	4,07	6,21
Октябрь	12	19/11	5	6/15	17	25/26	3	4,2
Ноябрь	11	7/15	2	2/05	13	9/20	1,74	1,24
Декабрь	-	-	5	5	5	5	1,01	1,01

23-й корпусный авиаотряд

Июль—август	2	2/37	-	-	2	2/37	1,54	0,23
Сентябрь	Полетов не производил							
Октябрь	21	10/08	-	-	21	10/08	3,68	1,68
Ноябрь	17	16/03	-	-	17	16/03	2,41	2,19
Декабрь	3	5/48	16	8/53	19	14/41	3,86	3,25

24-й корпусный авиаотряд

Июль—август	Полетов не производил							
Сентябрь	1	1/47	1	/45	2	2/32	0,41	0,6
Октябрь	15	23/38	12	8/46	27	32/24	4,72	5,38
Ноябрь	19	24/46	13	6/50	32	31/36	4,28	4,39
Декабрь	4	5/48	8	3/18	12	9/06	2,44	2,02

25-й корпусный авиаотряд

Июль—август	Полетов не производил							
Сентябрь	2	3/19	4	4/27	6	7/46	1,22	1,65
Октябрь	-	-	16	12/18	16	12/18	2,8	2,02
Ноябрь	26	25/16	-	-	26	25/16	3,48	3,29
Декабрь	24	16/04	-	-	24	16/04	4,88	3,59

26-й корпусный авиаотряд

Июль—август	2	3/10	-	-	2	3/10	0,15	0,22
Сентябрь—октябрь	Полетов не производил							
Ноябрь	31	43/59	6	4/25	37	48/24	4,95	6,58
Декабрь	5	7/10	5	2/50	10	10	2,03	2,22

27-й корпусный авиаотряд

Июль—август	Полетов не производил							
Сентябрь	3	8/04	21	8/43	24	16/47	4,89	3,52

Месяц 1914 г.	Выполнено полетов		Не выполнено полетов		Всего полетов		Процентное отношение	
	Кол-во	Часы / мину-ты	Кол-во	Часы / мину-ты	Кол-во	Часы / мину-ты	к об-щему числу полетов	к об-щей про-должи-тельности полетов
Октябрь	-	-	3	1/26	3	1/26	0,52	0,16
Ноябрь	-	-	4	/58	4	/58	0,53	0,13
Декабрь	-	-	2	1/15	2	1/15	0,4	0,22
28-й корпусный авиаотряд								
Июль—август	51	56/17	-	-	51	56/17	3,9	4,25
Сентябрь	2	2/09	-	-	2	2/09	0,41	0,41
Октябрь	7	8/07	-	-	7	8/07	1,22	1,34
Ноябрь	32	12/47	2	/40	34	13/27	4,55	1,78
Декабрь	33	24/30	9	24/30	42	32/01	8,59	7,17
29-й корпусный авиаотряд полетов не производил								
30-й корпусный авиаотряд полетов не производил								
31-й корпусный авиаотряд полетов не производил								
32-й корпусный авиаотряд полетов не производил								
33-й корпусный авиаотряд								
Июль—октябрь	Полетов не производил							
Ноябрь	24	41/22	17	13/05	41	54/27	5,49	7,41
Декабрь	3	5/15	4	6/05	7	11/20	1,42	2,46
34-й корпусный авиаотряд								
Июль—август	Полетов не производил							
Сентябрь	12	14/05	4	3/38	16	17/53	3,26	3,72
Октябрь	16	16/10	1	/35	17	16/45	2,97	2,85
Ноябрь	9	12/31	2	/47	11	13/18	1,47	1,78
Декабрь	4	3/40	-	-	4	3/40	0,81	0,89
35-й корпусный авиаотряд полетов не производил								
1-й Армейский авиаотряд полетов не производил								
2-й Армейский авиаотряд								
Июль—август	1	2	-	-	1	2	0,77	0,15
Сентябрь	9	25/10	-	-	9	25/10	1,83	5,17
Октябрь	7	16/32	-	-	7	16/32	1,22	2,86
Ноябрь	2	1/45	-	-	2	1/45	0,27	0,27
Декабрь	Полетов не производил							
3-й Армейский авиаотряд полетов не производил								
4-й Армейский авиаотряд полетов не производил								
5-й Армейский авиаотряд полетов не производил								
6-й Армейский авиаотряд полетов не производил								
7-й Армейский авиаотряд полетов не производил								
8-й Армейский авиаотряд полетов не производил								
9-й Армейский авиаотряд полетов не производил								

Месяц 1914 г.	Выполнено полетов		Не выполнено полетов		Всего полетов		Процентное отношение	
	Кол-во	Часы / минуты	Кол-во	Часы / минуты	Кол-во	Часы / минуты	к общему числу полетов	к общей продолжительности полетов
10-й Армейский авиаотряд полетов не производил								
11-й Армейский авиаотряд полетов не производил								
12-й Армейский авиаотряд полетов не производил								
1-й Сибирский авиаотряд								
Июль—октябрь	Полетов не производил							
Ноябрь	9	11/14	-	-	9	11/14	1,9	1,51
Декабрь	3	5/58	-	-	3	5/58	0,61	1,34
2-й Сибирский авиаотряд								
Июль—ноябрь	Полетов не производил							
Декабрь	1	1/35	-	-	1	1/35	0,2	0,44
4-й Сибирский авиаотряд								
Июль—ноябрь	Полетов не производил							
Декабрь	5	2/40	-	-	5	2/40	1,02	0,63
5-й Сибирский авиаотряд полетов не производил								
3-й Полевой авиаотряд								
Июль—август	56	79/30	1	/34	57	80/04	4,41	6,07
Сентябрь	29	23/34	8	3/19	37	26/53	7,54	5,59
Октябрь	32	47/49	20	11/05	52	68/54	9,11	9,92
Ноябрь	31	33/33	2	2/20	33	35/53	7,44	4,94
Декабрь	19	13/40	1	/50	20	14/30	4,06	3,36
1-й Кавказский авиаотряд полетов не производил								

Приведенные данные отражают увеличение количества авиачастей в русской армии к концу кампании 1914 г. Система ВВС развивалась в соответствии с требованиями текущего момента на театрах военных действий. Статистика невыполненных полетов составлена на основе количества и продолжительности боевых вылетов авиаторов, не справившихся с поставленными задачами. Их причиной, прежде всего, становился срыв полетов силами противника — как с земли, так и в небе. Противовоздушная оборона в армиях держав-участниц Первой мировой войны находилась на начальном этапе освоения боевого опыта; подчас ее организация оказывалась импровизированной. Однако уже на первых порах силы ПВО представляли для летчиков серьезную угрозу. Подчас она исходила от союзных и собственных войск.

Кроме того, по этим данным можно проследить зависимость колебания их числа от времени календарного года и сопутствующих его смене

Русские военные летчики в масках, защищающих от обморожения лица

климатических условий. Немалая часть невыполненных авиаотрядами полетов приходилась на ноябрь—декабрь 1914 г. Нестабильность атмосферного давления и общее снижение температуры воздуха, сопутствующие кануну и наступлению зимы, создавали для авиаторов серьезные затруднения.

Был введен в оборот термин «рему» — восходящие и нисходящие токи воздуха, образующиеся от нагревания нижних слоев воздуха от нагретой солнцем земли, а также вследствие турбулентного строения воздушных потоков и создающие болтанку, т. е. качку самолета во время полета. Это явление осложняло ведение глубокой воздушной разведки — впрочем, для авиации по обе стороны фронта. Так же могло сказываться непростое положение дел с материально-технической базой авиаотрядов, не всегда способной обеспечить приемлемое состояние машин и обезопасить их от выхода из строя в полете.

Ситуация с авиаотрядами, не совершавшими боевых полетов на протяжении месяца или всей кампании, тоже подлежит анализу. Часть подразделений еще попросту не была введена в строй и доукомплектована к началу войны, тогда как статистика боевого применения составлялась по итогам ее первого года. Другие авиаотряды бездействовали ввиду стабилизации участков фронта или вообще отсутствия боевых действий на них. Примером этого может послужить 7-й корпусный авиаотряд, базировавшийся на территории Одесского военного округа. Его аэропланы не поднимались в воздух до нападения германо-турецкой эскадры под командованием адмирала В. Сушона на российские порты Севастополя, Одессы, Феодосии и

Новороссийска 29 октября 1914 г. и последующего объявления Россией войны Османской империи. Таким образом, активность русской военной авиации в известной мере коррелирует с динамикой боев на театрах военных действий.

Кампания 1914 г. явилась тяжким испытанием для русской авиации. Ошибки первых месяцев войны были вызваны в первую очередь отсутствием организационного опыта у командования и боевого — у личного состава авиаотрядов. На новый вид военной техники возлагались и новые функции — ведение глубокой разведки на фронте и в тылу противника, атака наземных объектов, борьба с вражеской авиацией. Однако их реализация на уровне корпусов и армий наталкивалась на неслаженность действий с пехотой, а порой и на предубеждение штабов к добываемой летчиками информации. Наглядно проявились «болезни роста» авиации: нехватка средств для своевременного ремонта аэропланов, издержки логистики — авиаторам часто приходилось совершать ряд полетов только ради отыскания подходящих для базирования и развертывания штаба мест. Появление в небе боевых машин стало для значительной части сухопутных войск без малого шоком, что породило явление «дружественного огня» по собственным аэропланам. Его минимизация в течение кампании 1914 г. не принесла заметных успехов и требовала большего количества времени и усилий.

Русская авиация накануне войны опережала противников по количеству аэропланов. Соперничество переросло в полноценную воздушную войну уже в первые месяцы кампании 1914 г. Нельзя не признать, что воздушный флот России достойно вступил в нее. Ряд авиаторов был по заслугам удостоен воинских отличий; первый в истории воздушный таран, предпринятый капитаном П.Н. Нестеровым, стал свидетельством способности еще юной отечественной военной авиации к неординарным успехам. Война нового типа предъявляла к армиям-участницам и новый уровень требований. Опыт боевого применения русской авиации в первый год мировой войны стал основой для противоборства с самолетами противника в последующие ее годы.

Ключевые слова:

Авиация, аэроплан, корпусный авиаотряд, разведка, «дружественный огонь», рему, таран.

Yuri A. Bahurin

RUSSIAN MILITARY AIRFORCES IN 1914

he article is dedicated to the mobilization process of the Russian air forces on the eve of World War I and its' tactical combat employment in 1914. A general overview of the most recent historiography that reflects the topic is presented. The author discusses the directions of the activation work of the air force units, the process of staff recruitment and the tactical planning of the air force operations executed by the Main Operations Directorate of the General Staff. The challenging combat debut of the air force units is analyzed. The author discusses the main errors which occurred during the first months of WWI, the so called "air force growth disorder": lack of supplies for the timely repair of the aircrafts, logistical costs, and the "friendly fire" of the Russian Infantry aimed at native airplanes. Information is presented covering the successful actions of Russian aviators, to whom the Order of Saint George was awarded. Based on the archival materials a table of all combat flights of the air force units during the period of July-December 1914 is presented, with detailed commentary. The number of aircrafts in Russian air forces on the eve of the WWI outnumbered the enemy's. As early as the first months of 1914 the military rivalry developed into a sound air warfare. This new type of the warfare produced a new level of demands in warfare.

 Бахурин Юрий Алексеевич

архивный исследователь издательства «Тактикал Пресс» (Москва)

В.А. Пархоменко

НАЧАЛО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ В ЕВРОПЕ

Отношение воюющих сторон к населению и военнопленным
на Восточном фронте

Первая мировая война определила весь последующий ход истории XX в. Несмотря на то, что прошло 100 лет после ее начала, интерес к ней, а также к тому героическому и трагическому, пережитому народами Европы в 1914–1918 гг., не исчезает.

Дестабилизационными процессами, миллионами жертв, разрухой, перекраиванием границ заплатило человечество за экспансионистские устремления правящих элит в начале XX в. Первая мировая не одно десятилетие напоминала о себе современникам. Не случайно молодое поколение, прошедшее окопы Великой войны, идентифицировало себя как «потерянное поколение».

События 1914–1918 гг. способствовали фундаментальным сдвигам в мировой политике, активизации социальных и национальных движений, геополитическим изменениям в международных отношениях. На месте рухнувших империй образовались новые державы. Восстановили свою государственность поляки, чехи, литовцы. Появилась она у эстонцев и латышей. Украинский народ не смог тогда отстоять государственность.

В советской историографии эта война была незаслуженно забыта. В научной литературе, в соответствии с идеологическими критериями, вос-

торжествовала ленинская оценка войны исключительно как «империалистической» и «грабительской». Внимание ученых, как советских, так и европейских, в первые послевоенные десятилетия акцентировалось на изучении боевых действий, дипломатической борьбе, революционном движении. И если после Второй мировой на Западе исследователей Великой войны начинают интересовать социогуманитарные, культурологические аспекты (персонификация событий, ментальность, общественное мнение, благотворительность, «повседневность войны»), то в СССР тематика исследований оставалась на уровне 1920–1930-х гг.

Ситуация начинает меняться в конце 1980-х, на волне «перестройки», когда в советской исторической науке намечается отход от идеологических догм, происходит своеобразное возвращение «исторической памяти», которая до этого оставалась очень выборочной. Отказ от принципов классовости и партийности позволил отечественным ученым постепенно интегрироваться в мировой историографический процесс.

С обретением Украиной суверенитета актуализация интереса к истории войны прослеживается, прежде всего, на Закарпатье, Волыни, Буковине, которые в 1914–1917 гг. стали ареной военных действий. Силами общественности восстановлены военные некрополи в Звенятиче и Черновцах, где похоронены воины, павшие с обеих сторон. В 1990 г. на горе Маковке в Карпатах установлен памятный знак в честь украинских сечевых стрельцов, воевавших в составе австрийской армии и державших там оборону в апреле 1915 г. Во Львове в 1994 г. построен мемориальный комплекс сечевым стрельцам¹. На протяжении 2000-х гг. в Западной Украине сооружены десятки памятных знаков, связанных с историей этого национального формирования. В 2013 г. в Залещиках (Тернопольская обл.) реставрировали обелиск погибшим российским воинам 132-го запасного пехотного полка.

На территории Беларуси установлены мемориальные знаки в Бресте, у Ляхович, Сморгони, Крево, Вилейки, Ошмян. И работа в этом направлении в последнее время активизировалась. В г. Вилейке (Минская обл.) планируется открытие музея Великой войны. По данным белорусского исследователя В. Богданова, по состоянию на 2008 г. на территории республики известно более 200 воинских захоронений той войны².

¹ Денисенко Г.Г. Воєнна історія України в контексті дослідження і збереження культурної спадщини. Київ, 2011. С. 184.

² Богданов В.А. Воинские захоронения Первой мировой на территории Беларуси: современное состояние // Сморгонщина: трагедия, гераизм, пам'ять. Мінск, 2009. С. 666.

В ноябре 2008 г. в 90-ю годовщину окончания Первой мировой, в музее-заповеднике «Царское Село» открыт, пожалуй, единственный в Российской Федерации памятник-obelisk героям 1914–1918 гг. Здесь же к столетию начала войны планируется открытие музея Великой войны.

За последнее десятилетие в украинской исторической науке заметно активизировалось изучение проблематики Первой мировой. Написано с разных методологических позиций несколько сотен исследований в виде монографий, диссертаций, статей, сообщений. В центре внимания исследователей ключевыми темами остаются национально-освободительное движение, боевая деятельность сечевых стрельцов, беженство, благотворительность, социально-экономическая жизнь Украины. Так, общественная жизнь Киева в 1914 г., по материалам местной периодики, была освещена А. Мингазутдиновым³.

События военных лет в Галиции, Волыни, Буковине подробно освещены в монографии С. Попика⁴ и в диссертации А. Мазур⁵. По мнению этих исследователей, политика российской администрации была направлена на борьбу с украинским национальным движением, греко-католической церковью, за полную русификацию края.

Деятельности украинской организации проавстрийской ориентации, созданной 4 августа 1914 г. во Львове и провозгласившей своей целью борьбу за независимость Украины, — «Союз освобождения Украины», посвящено исследование И.Г. Патера⁶. Пропагандистские мероприятия этого «Союза» среди военнопленных российской армии отражены в статье И. Срибняка⁷.

Нарастанію продовольственного кризиса на Украине в военные годы посвящено исследование Н. Шапошниковой⁸. На негативные последствия войны для сельского хозяйства украинских земель указал в работе Б.И. За-

³ *Мінгазутдінов О.* Громадсько-політична обстановка в Києві на початку Першої світової війни (на матеріалах періодичної преси) // *Перша світова війна і слов'янські народи*. Київ, 1998. С. 51–56.

⁴ *Попик С.* Українці в Австрії 1914–1918. Австрійська політика в українському питанні періоду Великої війни. Київ, Чернівці, 1999.

⁵ *Мазур О.Я.* Східна Галичина у роки Першої світової війни (1914–1918): дис. ... канд. іст. наук. Львів, 1997.

⁶ *Патер І.* Союз визволення України: проблеми державності і соборності. Львів, 2000.

⁷ *Срибняк І.* Культурно-просвітницька і організаційна діяльність СВУ у багатонаціональних таборах царської армії в Австро-Угорщині та Німеччині (1914–1917) // *Проблеми історії України XIX — початку XX ст.* Київ, 2001. Вип. 3. С. 198–221.

⁸ *Шапошнікова Н.О.* Продовольче становище в Україні в роки Першої світової війни. Київ, 2002.

Калиш. Мост через р. Просну. Начало XX в.

броварный⁹. О деятельности в украинских губерниях всероссийских Союза земств и Союза городов писал А. Доник¹⁰.

Монография А.П. Реента и А.В. Сердюка посвящена социально-экономическим изменениям 1914–1917 гг. в Украине, вызванным войной¹¹. Подведением итогов научных работ украинских историков в этом направлении стала статья А.П. Реента и Б. Янишина¹².

Обсуждению украинских проблем, вызванных Первой мировой войной, был посвящен Всеукраинский научный круглый стол, проходивший в Киеве и приуроченный к 90-летию ее начала¹³.

Значительное количество работ по-прежнему посвящено созданию, организационным структурам, участию в боевых действиях, в том числе и в 1914 г. — украинскому национальному формированию в составе австро-венгерской армии¹⁴. Ход военных событий на украинских землях был

⁹ Заброварний Б.Й. Українське село в роки Першої світової війни. Луцьк, 2002.

¹⁰ Донік О. Діяльність громадських організацій і товариств у справі допомоги військовим та цивільному населенню в Україні у роки Першої світової війни (1914–1918 рр.) // Проблеми історії України XIX — початку XX ст. Київ, 2002. Вип. 4. С. 155–182.

¹¹ Реєнт О.П., Сердюк О.В. Перша світова війна і Україна. Київ, 2004.

¹² Реєнт О.П., Янишин Б.М. Україна в період Першої світової війни: історіографічний аналіз // Український історичний журнал. 2004. № 4. С. 3–37.

¹³ Молчанов В. Всеукраїнський круглий стіл на тему «Велика війна 1914–1918 рр. і Україна» // Український історичний журнал. 2005. № 1. С. 217–218.

¹⁴ Лазарович М. Легіон Українських січових стрільців: формування, ідея, боротьба. Тернопіль, 2005; Монолатій І. Формування та бойовий шлях українських січових стрільців (1914–1918). Київ, 2008.

проаналізований В. Волковинським і А. Науменко¹⁵. Істориографічний аналіз суспільно-політичних процесів в Галичині в період світової війни здійснив В. Великочий¹⁶.

В монографії В.Ф. Солдатенко і В.І. Головченко аналізується, як «українська карта» використовувалась в геополітичних інтересах протидіюючими сторонами¹⁷. В 1914 г. майбутні українські землі Берлін і Відень розглядали в трьох контекстах: 1) під протекторатом Німеччини, 2) в спільному австро-німецькому управлінні, 3) в унії з Румунією, король якої Карл I належав до династії німецьких Гогенцоллернів. Париж і Лондон на початку війни серйозно не розглядали український питання, тоді ще їх цікавила єдина Російська імперія — могутній протидіюючий Німеччині на Сході.

Важливе місце в українській істориографії Першої світової відводиться темі втечі. Тут слід згадати дисертацію Т.М. Лихачової і монографію Л.М. Жванко¹⁸. Ці автори привели значущий фактологічний матеріал і дані статистики, відзначили явно недостатню фінансову допомогу втежцям з боку держави, підкреслили позитивну роль суспільних організацій. О допомозі сім'ям вояків і пораненим в перші місяці війни в г. Ніколаєві опублікований матеріал і автором даної статті¹⁹.

Узагальнюючим трудом українських істориків по історії Першої світової війни став вийшлий в 2013 г. збірник статей провідних спеціалістів²⁰. Тематично збірник складається з 7 розділів і включає 36 публікацій. Перший розділ присвячений істориографії Першої світової, який представлений великою статтею А. Реєнта і Б. Янишина. В ній відзначається, що, як і раніше, певну увагу дослідників приділяється опису бойових дій. Однак, на їхню думку, концептуально не змі-

¹⁵ Волковинський В. Бойові дії на українських землях у роки Першої світової війни // Український історичний журнал. 2004. № 4. С. 38–56; Науменко А. До історії бойових дій на Волині під час Першої світової війни // Минуле і сучасне Волині та Полісся. Сторінки воєнної історії краю. Наук. зб. Вип. 30. Луцьк, 2009. С. 160–164.

¹⁶ Великочий В.С. Українська істориографія суспільно-політичних процесів у Галичині 1914–1919 рр. Івано-Франківськ, 2009.

¹⁷ Головченко В.І., Солдатенко В.Ф. Українське питання в роки Першої світової війни. Київ, 2009.

¹⁸ Лихачова Т.М. Польські біженці в Росії (серпень 1914–листопад 1917): автореф. дис. ... канд. іст. наук. Харків, 2010; Жванко Л. Біженці Першої світової: український вимір (1914–1918 рр.). Харків, 2012.

¹⁹ Пархоменко В.А. У війни забуте лице... Малоизвестные страницы Первой мировой. Николаев, 2011 С. 120–129.

²⁰ Велика війна 1914–1918 рр. і Україна. Київ, 2013.

Улица в Калише. Начало XX в.

нилась оценка хода войны, прозвучавшая еще в советской историографии. Традиционно подчеркивается желание Германии превратить Украину в свою колонию. Вместе с тем указывается, что одной из целей войны со стороны Российской империи было уничтожение украинского национального движения в Галиции²¹. За последнее десятилетие защищено 7 кандидатских диссертаций, посвященных событиям в Галиции (1914–1917 гг.), в результате наметилась определенная диспропорция в исследованиях, соответственно усилий ученых заслуживают и другие регионы Украины. Популярным среди историков стал анализ различных политических ориентаций украинской элиты (России и Австро-Венгрии) в годы войны. Но это происходило без сравнительной характеристики подобных процессов, проходивших в центральноевропейском сообществе, среди чехов, поляков и других народов, не имевших собственной государственности. Далее отмечается, что некоторые работы украинских исследователей посвящены национальной составляющей проблемы беженцев. Так, в Австрии формирование лагерей для переселенцев проходило преимущественно по национальному признаку и при широкой поддержке национальных организаций. Правительство же России организовывало вывоз беженцев вглубь страны, ограничиваясь финансовой помощью, что приводило к отчужденности, сложности взаимоотношений беженцев с местным населением. Менее интенсивно по сравнению с советской историографией продолжается изучение социально-эко-

²¹ Ревент О.П., Янишин Б.М. Перша світова війна в українській історіографії // Велика війна 1914–1918 рр. і Україна. С. 35.

номических процессов, хотя данная проблема требует своего внимания на региональном уровне. По мнению А. Реента и Б. Янишина, перспективным направлением для украинской историографии должно стать исследование «культуры» войны (быта, образования, церковной жизни, семейных отношений и т.п.), что послужило бы со временем появлению в украинской историографии обобщающей работы по данной проблеме²².

В следующем разделе издания рассматривается статус украинских земель в контексте геополитических интересов воюющих держав. Среди публикаций этого раздела следует отметить статьи С. Виднянского²³, В. Солдатенко²⁴ и В.Б. Любченко. Последний акцентировал внимание на деятельности накануне и в начальный период войны — москвофилов (пророссийской части западноукраинского политикума)²⁵. 29 июля 1914 г. в Киеве организован «Карпато-русский освободительный комитет», который возглавил эмигрант из Галиции Ю. Яворский. Привлекая широкий круг источников, этот автор назвал и еще одного наиболее вероятного инициатора создания данной организации — подольского помещика Д. Чихачева²⁶.

В третьем разделе книги проанализированы ход военных действий на Юго-Западном фронте²⁷, боевой путь украинских сечевых стрельцов²⁸, деятельность Черноморского флота в 1914–1917 гг.²⁹

Четвертый раздел отображает видение современными историками украинского вопроса в годы войны. В частности, О. Крыжановская показала, как украинская проблема освещалась на страницах региональной печати тех лет³⁰. Политику репрессий российских властей по отношению к

²² Там же. С. 36, 39, 51, 53.

²³ *Віднянський С.В.* Перша світова війна як прояв кризи європейської цивілізації та її вплив на народи Центрально-Східної Європи // Велика війна 1914–1918 рр. і Україна. С. 62–80.

²⁴ *Солдатенко В.Ф.* «Українська тема» в політиці держав австро-німецького блоку й Антанти // Велика війна 1914–1918 рр. і Україна. С. 80–109.

²⁵ *Любченко В.Б.* Москвофільський фактор і російська влада напередодні та під час війни // Велика війна 1914–1918 рр. і Україна. С. 122–138.

²⁶ Там же. С. 128.

²⁷ *Волковинський В.М.* Бойові дії // Велика війна 1914–1918 рр. і Україна. С. 140–159.

²⁸ *Литвин М.* Легіон Українських січових стрільців: військове навчання, виховання, бойовий шлях // Велика війна 1914–1918 рр. і Україна. С. 159–179.

²⁹ *Усенко П.Г.* Кампанії Чорноморського флоту // Велика війна 1914–1918 рр. і Україна. С. 193–216.

³⁰ *Крижановська О.О.* Пошук шляхів національного державотворення: українська проблематика на сторінках регіональної преси // Велика війна 1914–1918 рр. і Україна. С. 319–326.

галицкой интеллигенции в 1914–1916 гг. осветил А. Рублёв³¹. Деятельности проавстрийского «Союза освобождения Украины» в 1914 г. посвящена статья И. Патера³².

В пятой части сборника показано нарастание кризисных явлений в социально-экономической жизни украинских губерний в годы войны, в некоторых статьях отображена региональная специфика Украины³³.

Общественным организациям и религиозным процессам посвящен шестой раздел сборника. Так, политика ограничений российской администрации по отношению к греко-католической церкви в Галиции (1914–1916 гг.) освещена в статье А. Заярнюк и В. Расевич³⁴. Благотворительная деятельность немецких колонистов в условиях нарастания в российском обществе борьбы с «немецким засильем» показана Ю. Берестень³⁵.

Последний раздел книги отобразил процесс становления национальных государственных образований на украинских землях в 1917–1918 гг.³⁶

В данной статье ставится цель осветить, каким в первые месяцы мировой войны на Восточном фронте было отношение воюющих сторон к мирному населению и военнопленным. На эту тему в современной украинской историографии почти не обращается внимания. Некоторый материал о действиях австро-немецких войск в 1914–1917 гг. в отношении мирного населения и пленных уже был опубликован мной³⁷. Источниковедческой базой послужила преимущественно периодика тех лет, а также сборник документальных материалов, который был опубликован в блокадном Ленинграде с предисловием академика Е.В. Тарле³⁸.

³¹ Рубльов О.С. Західноукраїнська інтелігенція в роки війни // Велика війна 1914–1918 рр. і Україна. С. 342–363.

³² Патер І.Г. Союз визволення України: заснування, політична платформа, інформаційно-дипломатична діяльність // Велика війна 1914–1918 рр. і Україна. С. 363–376.

³³ Турченко Г.Ф. Соціально-економічні процеси в південноукраїнському регіоні // Велика війна 1914–1918 рр. і Україна. С. 408–433; Молчанов В.Б. Добробут населення міст Правобережної України напередодні війни // Велика війна 1914–1918 рр. і Україна. С. 433–440.

³⁴ Заярнюк А.В., Расевич В.В. Греко-католицьке духовенство: політичні, культурні й соціальні виміри // Велика війна 1914–1918 рр. і Україна. С. 604–621.

³⁵ Берестень Ю.В. Гуманітарні проекти менонітських громад України // Велика війна 1914–1918 рр. і Україна. С. 621–640.

³⁶ Реєнт О.П. Українська Центральна Рада і Тимчасовий уряд, УНР. Гетьманат Павла Скоропадського 1918 р. // Велика війна 1914–1918 рр. і Україна. С. 654–690; Рубльов О.С. Західно-Українська Народна Республіка // Велика війна 1914–1918 рр. і Україна. С. 691–707.

³⁷ Пархоменко В.А. Указ. соч. С. 83–114.

³⁸ Зверства немців в войну 1914–1918 гг. Л., 1943.

В Первой мировой войне проявилась невиданная до тех пор массовая и изощренная жестокость, после относительно «благонравных» войн XVIII и XIX вв., когда, по мнению историков, еще сохраняли свою силу «традиции» воинского великодушия. Именно Первая мировая размыла принципиальные грани между воюющей армией и гражданским обществом. Как верно отмечается, «прежние войны вели профессиональные армии, сохранявшие что-то от рыцарских правил игры... Мировая война все переменяла. Она загнала в окопы слишком много мужчин — добрую половину во всех великих цивилизованных странах... Жестокость надула паруса идеологий классовой и расовой борьбы... Война развязала вкус к жестокости, и он окрасил XX век»³⁹.

Безнравственный облик войны особенно проявился в 1914–1918 гг., когда нивелировалось положение армии и гражданского населения. XX век открыл эпоху индустриальных войн — стирание грани между фронтом и тылом. Первая мировая война накалила до предела и национальные распри. Впервые в истории стало практиковаться массовое заключение в лагеря интернированных граждан враждебных стран. Власти Австро-Венгрии осенью 1914 г. в концлагерь Талергоф стали отправлять и своих подданных — галичан, обвиненных в русофильстве.

С начала военных действий Германия стала систематически нарушать законы ведения войны. Издевательства над пленными и мирными жителями, бомбардировка населенных пунктов и т.п. послужили созданию в России специальной комиссии, занимающейся сбором и обнародованием подобных фактов. 29 января 1915 г. в Государственной думе принимается решение об образовании Следственной комиссии «для выяснения тех правонарушений и убытков, которые сделаны воюющим с нашим Отечеством народами»⁴⁰. 9 апреля была учреждена Чрезвычайная следственная комиссия под председательством сенатора А.Н. Кривцова.

С первых дней войны российская печать активно формирует, в лице Германии и Австро-Венгрии, образ жестокого врага. В газетах и журналах появляются очерки, разоблачающие идеологию пангерманизма и захватнические планы кайзера. «Система Бисмарка и Вильгельма II дала свои плоды, и идеалы кулака сроднились с душой германца»⁴¹. Популярный петроградский журнал «Нива», проводя аналогию с современной войной, публиковал информацию из французских источников о зверствах прус-

³⁹ Померанц Г. Вкус к жестокости // Родина. 1993. № 8–9. С. 173.

⁴⁰ Летопись войны 1914–15 гг. № 26. С. 421.

⁴¹ Денисюк Н. Варвары // Нива. 1914. № 33. С. 652.

Австрийские авиаторы в плену у крестьянок.

Рисунок. 1914 г.

саков в 1870–1871 гг.⁴² И если первоначально карикатуры в российских изданиях изображали кайзера Вильгельма, кронпринца Фридриха, престарелого австрийского императора Франца Иосифа в сатирическом виде, то уже спустя месяц после начала войны образ Вильгельма формируется печатью в мрачных, зловещих тонах с эпитетом «кровавый». «3 августа возьму Брюссель, 11-го обедаю в Париже, 19-го — высаживаюсь близ Петербурга» — так, если верить печати 1914 г., строил свои походные планы Вильгельм⁴³. Австрийский эрцгерцог Фридрих обещал через месяц овладеть Киевом. Поэтому в первые недели войны настроение в российском обществе было тревожным, как и в 1812 г., ожидалось глубокое вторжение неприятельских армий.

Официальная пропаганда подготавливала население к возможности партизанской войны. Так, все иллюстрированные журналы обыгрывали сюжет о пленении крестьянками совершившего вынужденную посадку австрийского аэроплана. Правда, одни издания указывали, что случай имел место в Люблинской губернии, другие — в Подольской, третьи — в Волынской.

Для поддержания патриотических настроений печать сообщала о женщинах-воинах, награжденных Георгиевскими крестами, о детях-добровольцах, оказавшихся в Действующей армии. Так, только в Пскове за

⁴² Там же. С. 650–652.

⁴³ Летопись войны 1914 г. № 2. С. 29.

сентябрь 1914 г. станционные жандармы сняли с поездов более 100 детей, направлявшихся на фронт⁴⁴. Например, журнал «Огонек» поместил заметку о 103-летнем добровольце, участнике Крымской войны С.В. Двойникове, пожелавшем записаться в армию в нынешнюю войну⁴⁵. Читатель подводился к мысли — быть готовым к личному самопожертвованию, как на фронте, так и в тылу. В сознании общественности формировалось мнение, что подданные империи всех социальных слоев, вероисповеданий, возрастных категорий объединились вокруг идеи защиты отечества.

В начале военных действий символом жестокости немецких войск в нейтральной Бельгии считается разоренный захватчиками город Лувен, о котором в августе 1914 г. писала вся мировая пресса. На Восточном фронте с первых дней войны местом кровавой драмы стал расположенный в четырех верстах от границы губернский город Калиш.

Уже в день объявления войны, когда российская пограничная стража оставила город, вечером немецкие кавалерийские разъезды появились в окрестностях Калиша и спрашивали в польских деревнях: «Есть ли в городе казаки?» Ответы были одинаковые — в городе уже не было российских войск. На другой день утром в Калиш вошли разведывательный отряд велосипедистов, а затем батальон 155-го пехотного Прусского полка. Комендантом города стал немецкий майор Прейскер. Оккупация началась с разграбления магазинов и домов горожан.

Прейскер рассчитывал захватить деньги в казначействе, где действительно было несколько сотен тысяч рублей. Но губернский казначей П.И. Соколов успел их сжечь, по приказу министра финансов, в удостоверении чего показал немцам телеграмму из столицы. За это Соколова тут же расстреляли у дверей казначейства. Потом были расстреляны три чиновника, помогавшие Соколову уничтожить запасы казначейства. Жена Соколова, разыскивая труп мужа, видела, как у стены костела немцы расстреляли нескольких жителей, которые, не понимая по-немецки, не могли ответить на расспросы солдат⁴⁶.

Смелый поступок совершила и учительница одного из учебных заведений Калиша — Н.Н. Семеновская. Когда враг занял Калиш, у нее на руках были училищные деньги — 730 рублей. Она бежала из города, спрятав на груди казенные деньги. Не имея ни копейки своих денег, Семеновская за

⁴⁴ Пархоменко В.А. «Прощайте, дорогие родители, я еду оборонять Россию». Юные добровольцы на фронтах Первой мировой // Родина. 2013. № 8. С. 143.

⁴⁵ Пархоменко В.А. У войны забытое лицо... С. 78.

⁴⁶ Зверства немцев... С.12.

Расстрел немцами губернского казначея г. Калиша П.И. Соколова.
Литография. 1914 г

счет подаяний добралась до Петрограда и передала училищные деньги в Министерство народного просвещения⁴⁷.

Ночью третьего дня войны произошел случай, повлекший за собой «тевтонскую ярость» по отношению к мирным жителям Калиша. Российская официальная версия этих событий, базирующаяся на показаниях очевидцев, следующая: городской глухонемой нищий на требование немецкого часового остановиться продолжал идти, и солдат двумя выстрелами убил его. Пьяным немцам померещилось нападение «казаков». Немецкая рота, бросившаяся на окраину города в панике, была обстреляна своими же патрулями. Несколько десятков человек во время перестрелки вышло из строя. После этого началась расправа с мирным населением, которое объявили виновным в том, что ночью из домов жители якобы стреляли в немецкие войска⁴⁸. Город был обложен 50-тысячной контрибуцией. По свидетельствам очевидцев, на следующий день во дворе арестантского дома немцы расстреляли более 40 человек.

Городской голова Калиша Б. Буковинский, которому впоследствии удалось бежать от оккупантов, рассказал, что он посетил госпиталь, где лежали немецкие раненые. «Главный врач по моей просьбе дал мне 6 пуль, извлеченных из тел немецких солдат. Я отправился с ними к Прейскеру и показал ему их со словами: “Все эти пули немецкого происхождения, и не кали-

⁴⁷ Пархоменко В.А. У войны забытое лицо... С. 88.

⁴⁸ Брешко-Брешковский Н. Калиш // Нива. 1914. № 40. С. 776.

шане, а ваши собственные солдаты расстреливали своих же”⁴⁹. Прейскер в ответ потребовал немедленной выплаты контрибуции, угрожая расстрелом каждого десятого жителя. 50 тыс. рублей было собрано, и когда Буковинский «вручил их немцам, то был тотчас же сбит с ног, подвергнут побоям ногами, после чего лишился чувств. Когда же один из сторожей магистрата подложил ему под голову свое пальто, то был расстрелян тут же у стены»⁵⁰. Затем расстреляли чиновника Гофмана, только за то, что он вышел на улицу в форменном мундире.

Немцы взяли 20 заложников из местных чиновников, а также представителей православного, иудейского и католического духовенства. Среди заложников был и городской голова. Буковинский, чудом вырвавшийся из Калиша, рассказал о пережитом корреспонденту «Нивы»: «Нас держали под угрозой расстрела, по крайней мере, несколько раз повторялся омерзительный маскарад полевой казни. Нас расставляли вдоль забора, приказывали завязать глаза, а в нескольких шагах выстраивался взвод солдат с ружьями наизготове... От одних этих впечатлений можно было сойти с ума»⁵¹.

Вечером того же дня немцы выступили из Калиша к границе, а на следующий день в 10 часов утра по городу было выпущено германской артиллерией до 20 снарядов. Через несколько дней в город вошли уже отряд саксонской пехоты 7-го полка и несколько десятков улан. Эти войска в полном порядке вступили в Калиш, но вид мчавшейся по улице без седока лошади, вырвавшейся из рук немецкого улана на Броцлавской улице, произвел панику среди саксонских солдат и вызвал с их стороны беспорядочную стрельбу, продолжавшуюся около двух часов. Десятки горожан погибли. Так, по свидетельствам санитаров больницы им. Св. Троицы, у дома Пулавского на Варшавской улице лежало 18 трупов жителей, среди них две девочки. Причем похоронить погибших немцы разрешили только через несколько дней⁵². В этот же день германские войска снова оставили город, а затем всю ночь бомбардировали его, выпустив до 400 снарядов.

При приближении после проведенной мобилизации значительных сил российских войск немцы отошли на свою территорию и очистили Калиш. Перед уходом город снова был обстрелян артиллерией, десятки мирных жителей погибли. За время оккупации было сожжено 420 домов, по неполным данным убытки составили 50 млн рублей. Об убытках в 2 млн руб. за-

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Пархоменко В.А. У войны забытое лицо... С. 87.

⁵¹ Брешко-Брешковский Н. Указ. соч. С. 776.

⁵² Зверства немцев... С. 14.

Калиш. Ставишинское предместье.
1914 г.

явили и немецкоподданные граждане, проживающие в Калише, постройки которых пострадали во время обстрела германской артиллерией⁵³.

В сентябре немцы вновь заняли уже разоренный и опустошенный Калиш. Такой же участи в первые дни войны подверглись и другие польские города — Ченстохов, Новорадомск, Бендин, Вроцлавск. В Ченстохове, например, кайзеровские войска расстреляли 18 человек, богатейший Ясногорский католический монастырь был разграблен и осквернен. Комендант Ченстохова обложил город 20-тысячной контрибуцией. В посаде Клобуцк Ченстоховского уезда Петраковской губернии немцы за первые три дня оккупации расстреляли 27 «подозрительных» лиц⁵⁴. Корреспондент «Нивы», посетивший польский Радом, писал, что за пять дней своего пребывания немцы полностью разграбили город, церкви превратили в казармы⁵⁵.

Аналогично на занятых территориях действовали и австро-венгерские войска, которые в первые недели войны вторглись в пределы Люблинской и Холмской губерний. Так, в июле 1914 г., перейдя границу, австрийская кавалерия заняла д. Мельчен Грубешевского уезда Холмской губернии. 36 домов было сожжено, а 50 мужчин австрийцы увели с собой. За селом вражеские солдаты троих человек зарыли живыми в ямы, остальных пленников освободил подоспевший казачий отряд⁵⁶. На тот момент граница

⁵³ Отклики войны // Нива. 1914. № 38. С. 3.

⁵⁴ Пархоменко В.А. У войны забытое лицо... С. 88.

⁵⁵ Фёдоров А. Страничка немецкого варварства // Нива. 1914. № 42. С. 798.

⁵⁶ Зверства немцев... С. 28.

охранялась небольшими отрядами российской пограничной стражи. И пока происходила мобилизация и сосредоточивались ударные русские группировки, немцы и австрийцы быстро заняли некоторые приграничные территории.

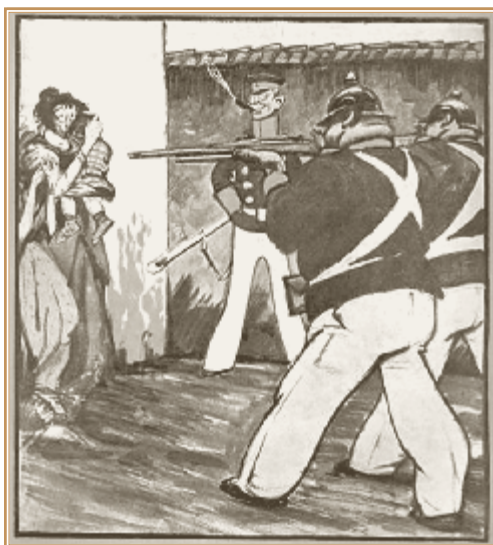
По свидетельству священника Левитского из с. Ходываны Томашевского уезда Холмской губернии, во время церковной службы австрийцы на лошадях въехали в храм и открыли стрельбу в прихожан разрывными пулями. Несколько человек погибло, жена и дочь священника получили ранения. Через день австрийский офицер приказал расстрелять все местное население, однако «смилоствовался» и казнено было 16 крестьян. Трагедия произошла и в соседней д. Юрово, где неприятель сжег все постройки. Прячась от оккупантов, в подвалах и ямах тогда погибло 39 стариков, женщин и детей. 18 крестьян из 60 уведённых австрийцами потом расстреляли. В с. Новосёлки Томашевского уезда австрийцы повесили 8 человек, среди них одну женщину. В посаде Ходель Люблинской губернии они казнили 6 жителей⁵⁷. Бесчинства там австро-германских войск развеяли легенду об «освобождении» Польши от гнета монархии Романовых.

С фронта стали поступать известия о выставлении врагом перед собой в качестве прикрытия мирных жителей. Так, подпрапорщик 172-го пехотного Лидского полка Н. Иванюк сообщил, что у переправы на р. Стырь австрийцы гнали впереди себя в качестве прикрытия местных жителей. Заметив врага, российские войска начали стрелять, а пленники стали разбегаться. Тогда австрийцы открыли по ним огонь, в результате чего среди убежавших было много убитых. По свидетельству младшего унтер-офицера М. Воробьева, во время боя у Юзефова немцы с целью заставить прекратить губительный для них огонь российской артиллерии выставили перед своими окопами под обстрел местное население. Венгерские войска, заняв имение Коберники Сандомирского уезда, вывели всех его жителей во время перестрелки под огонь русских войск⁵⁸. Когда во время октябрьских боев под Варшавой у д. Бержезневичи немцы выставили перед окопами под обстрел обнажённых польских крестьянок, русские солдаты прекратили стрельбу. К вечеру в результате обходного маневра вражеские окопы были взяты. Невдалеке от немецких позиций были обнаружены трупы шести польских женщин. Они были расстреляны немцами, а их тела потом облиты бензином и сожжены⁵⁹.

⁵⁷ Там же. С. 26, 30.

⁵⁸ Там же. С. 41, 42.

⁵⁹ Пархоменко В.А. У войны забытое лицо... С. 107.

Расстрел женщин немцами в Польше.
Рисунок. 1914 г.

На занятых территориях местное трудоспособное население вскоре стало рассматриваться противником в качестве источника для дешевой рабочей силы. В ходе военных действий 1914 г. в Австрию и Германию на принудительные работы вывозились люди с захваченных районов. Так, по свидетельству крестьянки д. Залесцы Кременецкого уезда Волынской губернии Н.И. Киричук, в день объявления Австро-Венгрией войны России ее деревню, расположенную в 10 верстах от границы, захватил австрийский отряд. Киричук и еще 5 девушек под конвоем отправили во Львов, где к ним присоединили 10 русских священников из Мехова, Петракова и других городов. Причем все священники были закованы в кандалах. Когда число невольников достигло 500, их отправили в Фрайштадт (Австрия). «Всех нас поместили в здании, похожем на казармы, мужчин отдельно от женщин. Каждому дали по снопу соломы, которая служила нам постелью. В течение четырех месяцев эта солома заменяла нам постель, так что завелось такое множество насекомых, что их выносили горстями. Утром давали нам по стакану чая, в обед суп с каким-то порошком, по вкусу напоминающим мыло; есть было невозможно... Поблизости находился сорный ящик, куда кухарки соседнего дома бросали шелуху от картошки. Наши бросались к этому ящику и часто с боем расхватывали шелуху и ели ее сырой». Женщины стирали белье для раненых австрийцев. Мужчины, в том числе и священники, использовались на тяжелой работе — впрягались в телеги и перевозили камни. «За всякую попытку протеста... запирали на два месяца в тюрьму, связав кандалами правую руку с левой ногой, перед этим били и в

тюрьме морили голодом»⁶⁰. Вести о немецких зверствах шли отовсюду, где побывали австро-германские войска.

Не удивительно, что после вступления в Восточную Пруссию некоторые немецкие населенные пункты российское командование также обложило контрибуцией в отместку за Калиш⁶¹. Причем в российской прессе не замалчивались факты репрессивных действий русских войск в Восточной Пруссии. Так, журнал «Нива» опубликовал заметку «Мы и они», рисующую, по мнению редакции, благородство российского солдата. Приводился рассказ офицера, который за то, что местные жители стреляли в русские войска, приказал поджечь деревню. «Ко мне возвращается посланный мною солдат и докладывает: “Ваше благородие, этот дом никак поджечь нельзя, там малые дети”. “Правильно”, — только и мог я ответить»⁶². Однако это были единичные случаи.

В сообщении Главного управления российского Генштаба в сентябре 1914 г. отмечалось, что публикации в германской прессе о массовых жестокостях русских войск в Пруссии не соответствуют действительности. «В отдельных случаях, когда жители занятых нашими войсками населенных пунктов... предательски обстреливали наши войска, конечно, военные начальники принимали репрессивные меры, которые, однако, никогда не имели никакого подобия с теми безрассудными распоряжениями... столь характерно проявленными старшими чинами германской армии в Калише и Ченстохове»⁶³. В октябре 1914 г. российские издания сообщили, что, объезжая прифронтовую полосу, Николай II в районе Ивангорода осмотрел разрушенные артиллерийским огнем католические храмы в Бржезницах, Опатувце, Гневашеве и распорядился выделить необходимые средства на восстановление костелов⁶⁴.

Жестокости австро-немецких войск вызывали возмущение и протест международных организаций, и кайзеру Германии Вильгельму II важно было оправдать поведение своей армии в Бельгии и России. Для этого и было начато следствие о русских «зверствах» в Пруссии. Во время разгрома в августе 1914 г. 2-й русской армии генерала А.В. Самсонова в немецком плену оказался командир 25-го корпуса генерал Н.Н. Мартос. Его хотели сделать ключевой фигурой судебного процесса, в частности инкриминировали ему обстрел из орудий мирного Нейденбурга. Мартос вспоминал:

⁶⁰ Зверства немцев... С. 44.

⁶¹ Пархоменко В.А. У войны забытое лицо... С. 89.

⁶² Отклики войны // Нива. 1914. № 40. С. 3.

⁶³ Летопись войны 1914 г. № 12. С. 18.

⁶⁴ Там же. № 13. С. 208.

Развалины Калиша.
1914 г.

«Вызвали к следователю, который мне объявил, что я обвиняюсь в обстреливании не оборонявшихся населенных пунктов, в грабеже, в насилии над мирными жителями и особенно над женщинами и детьми, и что за эти деяния мне угрожает смертная казнь... Это тем более недостойно, что еще во время войны на бешеные нападки немецких газет на русскую армию... пастор Нейденбурга в газете “Берлинер Тагеблатт” поместил статью под названием “Пребывание русских в Нейденбурге”, в которой подчеркнул порядок и дисциплину в русских войсках и заявил, что никому из жителей не было причинено никаких обид или имущественного ущерба»⁶⁵. В марте 1915 г. генерал Н. Мартос, как сказано в документе, по «недоказанности обвинения» был освобожден от суда.

Соблюдение норм поведения российской армии в своих воспоминаниях частично признал и начальник штаба германского Восточного фронта генерал Э. Людендорф. В мемуарах он писал: «В августе и сентябре многие русские части вели себя при вторжении в Восточную Пруссию образцово. Винные погреба и склады охранялись... Казаки были свирепы и дики, они жгли и грабили. Многие жители были убиты. Вся ответственность за эти злодеяния ложится на русских»⁶⁶. Таким образом, во всех бесчинствах традиционно обвинялись казачьи войска. Созданный ореол их жестокости в годы войны постоянно подчеркивался германской прессой.

⁶⁵ Пархоменко В.А. У войны забытое лицо... С. 90.

⁶⁶ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. Минск, 2005. С. 71.

Однако именно репрессивная политика австро-немецких властей вызвала стихийное сопротивление населения на оккупированных врагом территориях. Малоизвестными, забытыми страницами истории этой войны являются антиоккупационные выступления и партизанские действия. Так, в сообщениях Штаба Верховного главнокомандующего русской армией упоминаются отдельные факты партизанских действий местного населения западных польских губерний, которые в первые недели войны стали театром военных действий. Так, в августе 1914 г. в районе Нешавы (Плоцкая губерния) польский партизанский отряд из 60 человек вступил в бой с 42 немецкими уланами, которые грабили местных крестьян. Почти весь немецкий полуэскадрон был уничтожен, а 6 пленных доставлены русскому командованию во Вроцлавск. Потери партизан составили 15 убитыми и ранеными⁶⁷. В октябре 1914 г. в районе Ченстохов — Петраков польское население начало партизанские действия. Вблизи Новорадомска железная дорога была повреждена, и немецкий поезд потерпел крушение⁶⁸.

Таким же, как и к мирному населению, было отношение австро-германцев к русским раненым и военнопленным. В прессе сообщалось о случаях расправы германской стороны с ранеными, обстреле санитарных поездов, госпиталей и т.п. Так, в августе 1914 г. в Восточной Пруссии санитарный транспорт из 8 линеек, перевозивший около 100 российских раненых и имевший поднятые флаги Красного Креста, был окружен и расстрелян с расстояния не более чем в 200 шагов тремя эскадронами немецкой кавалерии.

У Эйдкунена санитарный поезд был обстрелян из засады немецкими войсками. По сведениям очевидца старшего унтер-офицера 228-го Куликовского пехотного полка Е. Пономарёва, на всех вагонах поезда имелись опознавательные знаки и флаги Красного Креста, которых германцы не могли не видеть. Из 300 раненых спастись от гибели и плена удалось не более 30.

У крепости Ивангород немцы подожгли сарай с тяжелоранеными военнопленными, в огне погибло 66—68 раненых. Осенью 1914 г. командир 26-го пехотного Сибирского полка сообщал в штаб 7-й Сибирской стрелковой дивизии, что немцы открывали огонь по санитарам, имеющим повязки Красного Креста, в результате чего множество раненых остаются на поле боя без медицинской помощи⁶⁹.

⁶⁷ Николаевская газета. 1914. 14 сентября.

⁶⁸ Пархоменко В.А. У войны забытое лицо... С. 111.

⁶⁹ Зверства немцев... С. 53, 57.

«Как они воюют».
Рисунок. 1914 г.

Уже в августе 1914 г. член Главного управления Российского общества Красного Креста А.И. Гучков обратился с протестом в организацию Международного Красного Креста в Женеве, в котором фиксировалось систематическое нарушение международных конвенций австро-немецкими войсками по отношению к раненым и военнопленным⁷⁰.

В штабе Киевского военного округа в октябре 1914 г. стали известны факты использования австрийцами в боях у Люблина и Львова разрывных пуль, причиняющих тяжелые ранения. Это являлось нарушением «Петербургской декларации 1868 г. и Брюссельской конференции 1874 г., согласно которым употребление на войне разрывных снарядов весом менее 400 граммов недопустимо»⁷¹. В ответ Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич своим приказом повелел «безусловно, расстреливать всех чинов австрийской армии, у коих окажутся такие пули, рассматривая их, как преступников»⁷².

За время войны, по данным Н.Н. Головина, в германский плен попало около 2 млн 417 тыс. российских солдат и офицеров. Уже тогда их положение, в отличие от пленных других держав, было гораздо хуже. От каторжно-

⁷⁰ Отклики войны // Нива. 1914. № 35. С. 3.

⁷¹ Летопись войны 1914 г. № 12. С. 21.

⁷² Пархоменко В.А. У войны забытое лицо... С. 91.

го труда, голода, издевательств на чужбине погибло более 200 тыс. русских военнопленных. По немецким данным, бежало 260 тыс. российских узников, из них 24 офицера и 60 295 нижних чинов ушли от преследований и вышли к своим⁷³.

Так, свидетельства двух нижних чинов М.И. Ситнова и Ф.И. Кабанова, попавших в плен в августе 1914 г. в Восточной Пруссии и оказавшихся в лагере Шнейдемюль, а затем после ампутации в лагере ног через Красный Крест вернувшихся на родину, таковы: «Когда я, — вспоминал Ситнов, — пришел в Шнейдемюль, там никакого помещения для нас не было. Пришлось ночевать в поле. На утро нам выдали железные миски и этими мисками мы рыли себе ямы, чтобы укрыться от непогоды и холода... Били плетьюми, прикладами. Однажды, предполагая существование среди нас спрятанного знамени, сделали у нас обыск, для чего заставили раздеться догола, построили в ряд, а затем стали избивать голых палками. За всякий пустяк привязывали к столбу. Во время тифа у нас ежедневно умирало человек по 20—30. В плену жилось так плохо, что, даже умирая, буду помнить». Узник Шнейдемюля Кабанов вспоминал, что их заставляли выполнять окопные работы. «Сначала мы отказались от этой работы, не желая устраивать укрепления для врагов, но тогда немцы стали по нас стрелять и убили 25 человек; после этого они отправляли нас на работы мелкими партиями, причем подгоняли ударами прикладов и резиновых палок. Вообще били нас постоянно, и не только рядовых, но и пленных офицеров. Пищу нам давали очень скудную... Для того, чтобы получить пищу, приходилось вставать ночью и образовывать очередь у кухни... Иногда наши переводчики заявляли, что есть прибавка, и когда к котлу подходила толпа человек в 200—300, то выдавали суп двум-трем, а остальные получали вместо супа удары палками».

Взятый австрийцами в плен унтер-офицер 1-й роты 13-го стрелкового полка Н. Ницц после побега из плена рассказал: «В Венгрии (Эстергом-Табор) нас, пленных, выгнали в поле, окружили проволокой и заставили пробыть под открытым небом под проливным ливнем в течение трех суток. Наиболее слабые из нас, не имеющие шинелей, ни палаток (это было в сентябре), в количестве около 2700 человек умерли как от истощения и простуды, так и, по-видимому, от холеры. Около 200 пленных, подозрительных по холере, были отведены в отдельный сарай, который затем сожгли вместе с ними... Я готов теперь скорее покончить с собой, чем опять попасть в руки противника».

⁷³ Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. М., 2001. С. 135.

Станция в Калише, разрушенная немецкими войсками. 1914 г.

Об условиях содержания в лагере для пленных в Бранденбурге вспоминал унтер-офицер И.И. Кудряшев: «В этом лагере в трех дощатых бараках было около 11 тыс. человек пленных, из них 100 французов. Многим не хватило места в бараках, и они располагались под открытым небом на соломенных тюфяках. Местность была сырая, погода холодная... Ввиду таких условий развился поваральный тиф, переболело им до 9 тыс. человек, из них умерло 1000 человек. Немецких врачей не было в лагере. Лечили больных наши же пленные врачи. Из врачей от тифа умерло 5 человек... Наши врачи сами на свои деньги покупали лекарства и инструменты. В лагере мне отняли обе ноги».

О положении военнопленных офицеров в германском плену сообщал в конце 1914 г. в рапорте штабс-капитан 4-го Гренадерского Несвижского полка Самохвалов. Будучи дважды раненным, он в октябре попал в плен. «За три дня пребывания в плену ни меня, как раненого офицера, ни нижних чинов здоровых и раненых не поили и не кормили... Немецкие врачи в общем относились к нам... пренебрежительно и по 6—8 дней не делали перевязок... Здоровых нижних чинов-пленников впрягали в телеги и лазаретные линейки и развозили на них груз и раненых...»⁷⁴

Таким образом, первые шесть месяцев Первой мировой войны показали, что войска Германии и Австро-Венгрии действуют на Восточном фронте, нарушая международные конвенции ведения боевых действий. Об этом свидетельствовали многочисленные факты. Грабеж мирного населения,

⁷⁴ Зверства немцев... С. 72, 75, 76, 77, 93.

взятие заложников, обстрел незащищенных городов, издевательства над ранеными и военнопленными — такие методы использовались противником с первых дней войны на русско-германском фронте. Приведенный материал позволяет сделать вывод о том, что начало военных действий между воюющими сторонами способствовало эскалации невиданной жестокости по отношению к тем категориям (мирное население, военнопленные, раненые), защита которых регламентировалась международными конвенциями и в свое время гарантировалась также и участниками Великой войны.

Ключевые слова:

Первая мировая, историография, мирное население, Калиш, военнопленные, раненые, жестокость.

Vladislav A. Parkhomenko

THE FIRST WORLD IN EUROPE:

The ratio of the warring parties to the population and prisoners of war on the Eastern Front

The article analyzes the humanitarian problem of the First World War — from the viewpoint of opposing sides on the Eastern Front in 1914.

The author analyzed the main research directions of the First World in the modern Ukrainian historiography. Focuses on the fact that many factors of the Great War, in particular socio-humanitarian aspects require further study.

These examples for further examination of the Eastern Front include the illuminated violation of international conventions of warfare by Austro-German troops: the repression against the civilian population and the wounded prisoners of war. Used sources (periodicals, documentaries) suggest an escalation of brutality between belligerents on the Eastern Front from the first days of the war. The humanitarian disaster in 1914 caused by the war largely predetermined the further course of history of the twentieth century.

Пархоменко Владислав Анатольевич

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории Украины

Николаевского национального университета (г. Николаев, Украина)

М.В. Оськин

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ И ФУРАЖНОЕ СНАБЖЕНИЕ РУССКОЙ АРМИИ В КАМПАНИИ 1914 Г.

одготовка страны к войне неизбежно предполагает заблаговременное сосредоточение запасов продовольствия, образование интендантских служб и структур, а также организацию служб снабжения действующих войск всеми необходимыми предметами тылового обеспечения. Это обмундирование,

обувь, продовольствие, фураж, прочее снаряжение для людей и лошадей. Организационные меры по подготовке тыла действующей армии, которым в мировой «тотальной» войне неизбежно становится вся страна, затронули всю военную машину Российской империи в 1914–1917 гг.

Историография продовольственного снабжения армии начинается уже в период самой войны. По мере затягивания военных действий и осознания факта длительного конфликта отечественные ученые публикуют работы, связанные с политикой снабжения армии продовольствием. Характерно, что часть авторов изучает опыт противника, дабы применить для России более совершенную немецкую организацию продовольственного дела¹.

¹ Громан В.Г. Дороговизна хлебных продуктов. М., 1915; Нольде Б.Э. Организация народного хозяйства воюющей Германии. Пг., 1916; Маслов С. Наше сельское хозяйство и война. М., 1916; и др.

Помимо того, государственные и военные органы периодически выпускают в свет сборники материалов, посвященные проблемам закупки, снабжения и распределения продовольствия и фуража в военное время². После Февральской революции 1917 г., заострившей прежние проблемы и породившей новые, общественные и политические деятели революционного времени публикуют свои работы, предлагая те или иные методы решения задач дороговизны и угрозы голода³. Пользуясь имеющимися документами и личным опытом работы в продовольственных организациях военного времени, их бывшие сотрудники также пополняют историографию проблемы⁴.

В годы Гражданской войны и в последующий период в исследовании методов решения задач продовольственного снабжения страны ряд авторов стремится учитывать не только отечественный, но и зарубежный опыт, прежде всего Германии⁵. Основной упор теперь делается на исследование взаимосвязи экономики страны с продовольственной политикой как гражданских, так и военных органов власти и управления. Теоретическое осмысление продовольственной политики России было заложено

² Записка о производстве массовых заготовок продуктов продовольствия и фуража для армии и населения. М., 1915; Совещание уполномоченных Главного управления землеустройства и земледелия 1–3 июля 1915 года. Пг., 1915; О влиянии войны на некоторые стороны экономической жизни России. Пг., 1916; Материалы по вопросу об установлении твердых цен на хлебные продукты урожая 1916 года. Б. м., 1916; Продовольственный вопрос в Сибири в 1915–16 гг. Пг., 1916; Потребление сахара в России. Пг., 1916; Журнал Совещания в Ставке по вопросам снабжения армии 15–16 декабря 1916 г. Б. м., 1917.

³ Материалы по организации продовольственного дела. М., 1917; Михайлов И.А. Государственные доходы и расходы России во время войны. Пг., 1917; Лискун Е.Ф. Мясной вопрос в современной хозяйственной обстановке. Пг., 1917; Полонский Г. Регулирующие мероприятия правительственной и общественной власти в хозяйственной жизни за время войны. Пг., 1917; Прокопович С.Н. Война и народное хозяйство. М., 1918; Орлов Н.А. Продовольственное дело в России во время войны и революции. М., 1919.

⁴ Бреславец В.Н. Снабжение армии и населения мясом. 1914–1918 гг. М., 1918; Протопопов Б.В. Сеноснабжение и война. М.-Л., 1929.

⁵ Биништок Г. Вопросы продовольственного снабжения в военном хозяйстве Германии. М., 1919; Гриневич В. Народное хозяйство Германии. Берлин, 1924; Дикс А. Война и народное хозяйство по опыту Германии в мировую войну 1914–1919 гг. М., 1926; Хмельницкая Е. Военная экономика Германии (1914–1918 гг.). М.-Л., 1929; Букипан Я.М. Военно-хозяйственная политика. М.-Л., 1929; Сулейман Н.А. Тыл и снабжение действующей армии. М.-Л., 1927; Дейч Н. Устройство тыла и организация снабжения. М.-Л., 1929; Житков Н. Продфуражное снабжение русских армий в мировую войну // Военно-исторический журнал. 1940. № 12; Попов В.И. Довольствие мясом русской армии в Первую мировую войну 1914–1918 гг. (по архивным материалам). М., 1942; История тыла и снабжения русской армии. Калинин, 1955; и др.

в трудах Н.Д. Кондратьева⁶, которые и сейчас не потеряли своей научной значимости.

В советской историографии проблема снабжения армии и страны продовольствием в годы Первой мировой войны неизменно рассматривалась в комплексе с состоянием отечественного сельского хозяйства в 1914–1918 гг., ситуацией в деревне, изучением крестьянства как социального слоя⁷. Продовольственная политика исследуется как во время войны, так и революции, проводятся причинно-следственные связи между этими социальными явлениями. Основа изучения проблемы продовольственного вопроса в России в 1914–1918 гг. была заложена, прежде всего, работами А.А. Сидорова, П.В. Волобуева, Т.М. Китаниной, И.П. Лейберова и др.⁸ Эти труды являются определяющими и по сей день. Публикации документов, отразивших в себе мероприятия продовольственной политики государства в военное время, также внесли существенный вклад в изучение темы снабжения⁹.

В современный период российской историографии изучение продовольственного вопроса в годы Первой мировой войны и революции 1917 г. продолжает оставаться одним из объектов исследования, что отражено в ряде статей и коллективных трудов¹⁰. Тем не менее внимание исследователей сосредоточивается преимущественно на проблеме продовольственного вопроса в России в целом, нежели на проблеме снабжения фронта.

⁶ Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991; Он же. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М., 2002.

⁷ Анфимов А.Н. Российская деревня в годы Первой мировой войны. М., 1962; Першин П.Н. Аграрная революция в России. М., 1966; Дубровский С.М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975; Тюкавкин В.Г., Шагин Э.М. Крестьянство России в период трех революций. М., 1987; и др.

⁸ Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962; Сидоров А.А. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973; Китанина Т.М. Война, хлеб и революция. Продовольственный вопрос в России. 1914 — октябрь 1917 г. Л., 1985; Лейберов И.П., Рудаченко С.Д. Революция и хлеб. М., 1990.

⁹ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Л., 1967; Журналы Особого совещания по обороне государства. М., 1978.

¹⁰ Лубков А.В. Война. Революция. Кооперация. М., 1997; Борисов В.И., Чернобаев А.А. Хлеб, война, революция. М.-Луганск, 1997; Китанина Т.М. Россия в Первой мировой войне. 1914–1917 гг. Экономика и экономическая политика. Ч. 1. СПб., 2003; Вециков П.И., Огуречников А.А., Шанин А.В. Продовольственная служба Вооруженных сил России: Краткая история. М., 1999; Вециков П.И. Военное хозяйство — тыл Вооруженных сил России (XVIII–XX вв.). М., 2003; Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII–XX веках. Оренбург, 2006; Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XX веках: проблемы источников и историографии. Оренбург, 2007.

Таким образом, проблема снабжения русской армии продовольствием и фуражом в 1914 г. далеко не в полной мере раскрыта в современной историографии. Задача данной статьи состоит в том, чтобы показать уровень и качество подготовки русского Военного министерства к войне в продовольственном отношении, а также показать достижения и недочеты снабжения фронта в 1914 г.

Большая европейская война с Германией и ее союзниками предполагалась как скоротечная; о сосредоточении таких запасов, что обеспечили бы войска на длительный период ведения военных действий, не думали. Непосредственно оснащение войск тыловыми предметами и их запасы, необходимые для первого и, как полагалось, решающего, периода войны — вот и все, что было сосредоточено в складах Военного министерства к июлю 1914 г. В дальнейшем снабжение войск намеревались производить с помощью подвоза железнодорожным транспортом. В итоге, согласно официальной точке зрения, «размер государственных запасов продовольствия признавался достаточным, если он составлял комплект подвижных запасов на всю полевую, то есть действующую армию, и продовольственные запасы на первый месяц войны»¹¹. Первые месяцы кампании 1914 г. показали ошибочность такого мнения.

Основным документом, регулировавшим деятельность русской военной машины во время войны, являлось «Положение о полевом управлении войск в военное время» 1914 г., согласно которому театр военных действий — это территория, предназначавшаяся для развертывания действующей армии и ее тыла. Главный начальник снабжения фронта подчинялся непосредственно главнокомандующему армиями фронта, взаимодействуя с начальником штаба фронта по согласию, в то время как в армиях начальник снабжения (начальник этапно-хозяйственного отдела штаба армии) подчинялся начальнику штаба армии напрямую. Обязанности главного начальника снабжений фронта заключались в следующем: «1. устройство во всех отношениях общего тыла фронта; 2. организация транспорта в отношении подвоза и эвакуации всех видов; 3. общее руководство по производству всех заготовлений; 4. истребование изнутри страны всех средств, которые не могли быть заготовлены на месте; 5. общие указания по гражданскому управлению во всем районе фронта». Главному начальнику снабжений каждого из фронтов подчинялись губернаторы и командующие военными округами, входившими в полосу ответственности фронта. Таким образом, именно этот

¹¹ Миронов А.А. и др. История государственных материальных резервов России. М., 1998. С. 24.

институт совмещал в себе функции координации усилий гражданских и военных властей в отношении снабжения действующей армии предметами войскового довольствия, в том числе и продфуражом. Что же касается высшего звена вооруженных сил, то главный полевой интендант (Главполинт) при Ставке Верховного главнокомандования на театре военных действий, созданной уже в ходе войны, находился в подчинении начальника штаба Верховного главнокомандующего¹².

До войны войска самостоятельно заготавливали для себя продовольствие и фураж; когда же действующая армия стала насчитывать миллионы людей, тяжесть снабжения, рано или поздно, должна была всецело лечь на плечи интендантства. Предвоенная система снабжения основывалась на базе воинских магазинов (складов), расположенных вблизи района будущего сосредоточения армий — вдоль линии государственной границы. «Положение о продовольственных магазинах в военное время» 1912 г. не предусматривало образования фронтовой инстанции, ориентируясь на отдельные армии. Поэтому с началом войны, когда развертывание действующей армии происходило согласно «Положению о полевом управлении войск» 1914 г., базисные склады армий перешли в ведение штабов фронтов. Промежуточные продовольственные склады стали промежуточными фронтовыми складами. В то же время расходные склады оставались в ведении корпусов. Таким образом, в начале войны армии не имели своих продовольственных складов, а фронт не мог справиться со снабжением своих многочисленных корпусов. Соответственно, в августе 1914 г. были открыты новые организационные единицы, не предусматривавшиеся до войны — армейские продовольственные склады. Положение о продовольственных магазинах военного времени подразделяло их на базисные, промежуточные, расходные, крепостные, запасные.

Всего по стране интендантство имело 270 продовольственных магазинов различного характера и вместимости, 6 сухарных предприятий, 5 военных хлебопекарен, 18 мукомолен, 2 продовольственных пункта, 1 сенопрессовальню. В том числе 63 основных продовольственных магазина из 91 находились в районах предстоящего сосредоточения русских армий на западной границе¹³. Также в начале войны существовало 12 базисных складов для действующей армии с общей вместимостью 15 млн пудов хлебных продуктов и 10 млн пудов фуража. Этого количества оказалось мало. Поэтому осенью 1914 г. Военное министерство открыло еще 7 базисных

¹² Тыл Вооруженных сил. 300 лет. Военно-исторический альбом. М., 2000. С. 15–16.

¹³ Ушаков К. Подготовка военных сообщений России к мировой войне. М.-Л., 1928. С. 96.

складов на 5,2 млн пудов, и к июлю 1915 г. было построено еще 5 складов на 15,83 млн пудов.

С началом войны государственная власть приступила не только к масштабным закупкам продовольствия и фуража для обеспечения вооруженных сил: воюющая страна нуждалась в централизации снабжения. Поэтому, невзирая на расчеты на скоротечную войну, были приняты отдельные меры, направленные на установление контроля над производством и продажей сельскохозяйственной продукции. Здесь сразу же стала сказываться такая порочная черта военного законодательства, как разделение государства на «фронт» и «тыл». Дело в том, что «Положение о полевом управлении войск в военное время» предполагало передачу всей власти в прифронтовой полосе Верховному главнокомандованию — Ставке, в то время как прочая территория государства подчинялась бы по-прежнему Совету министров, то есть правительству мирного времени. В этой системе были свои преимущества. Раз война все равно предполагалась как сравнительно недолгая — не более года, то не имело смысла переводить всю страну на военные рельсы. Россия являлась страной, проводящей широко-масштабную капиталистическую модернизацию, основой которой была Столыпинская аграрная реформа. Модернизация затрагивала не только экономический базис, но и политическую надстройку, тем самым являясь уязвимой и незащищенной в чрезвычайных условиях. Внутренняя обстановка подталкивала русскую военную верхушку к быстрой войне, чтобы не позволить собственному государству разрушиться от перегрузки военного напряжения. Поэтому снабжение фронта было определено не просто приоритетной, но исключительной задачей: «Обеспечение театра военных действий провозглашалось правительством основной и ближайшей целью регулирующей деятельности. Вся система заготовительного аппарата, функции центральных и местных органов, планы железнодорожных перевозок, т.е. весь огромный государственный механизм закупок и распределения, работавший на оборону, подчинен был прежде всего этой задаче. О тыле просто забыли. Логическое сцепление фронта и тыла было нарушено»¹⁴. Фронт получил исключительное внимание государственной власти, а тыл пока фактически жил как в мирное время. Поэтому в ходе продовольственной кампании 1914/15 г. возможность удовлетворения действующей армии продовольствием существовала благодаря фронтовым запасам, когда военных не ограничивали в правах делать заготовки в прифронтовых губерниях.

¹⁴ Китанина Т.М. Россия в Первой мировой войне. 1914–1917 гг. ... С. 59.

В связи с тем, что основным источником снабжения войск являлось текущее производство, власти всех уровней были вынуждены озаботиться созданием системы продовольственного снабжения, началом чего стало введение 30 июля 1914 г. прямых государственных закупок хлеба. Спустя две недели заготовка хлеба для армии решением Совета министров возлагается на Главное управление землеустройства и земледелия (с 1915 г. — Министерство земледелия). Ему же предоставлялось право проведения заготовок продфуража вне театра военных действий, где распоряжались Ставка и интендантство, а с 17 сентября — и право заготовки во фронтовых тыловых районах. Тогда же был составлен план 1-й продовольственной кампании (операционный год), рассчитываемый до августа 1915 г.

В организационном отношении интендантство сохранило за собой право определять необходимое количество продфуража для снабжения армии. Затем наряды передавались Министерству земледелия, которое исполняло эти наряды через своих уполномоченных на местах, возглавляемых главноуполномоченным Г.В. Глинкой — товарищем министра земледелия А.В. Кривошеина. При этом до января 1915 г. интендантство, Министерство земледелия и другие органы, занятые снабжением армии, закупали хлеб в основном у производителей. Затем до 60% всего закупаемого хлеба стали поставлять уже торговые посредники¹⁵. Дело заготовки мясопродуктов было возложено на главноуполномоченного Совета министров С.Н. Ленина и вице-директора рыбного отдела И.К. Окулича, занимавшихся этим еще во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. На местах, как и в деле хлебозаготовок, работали уполномоченные Министерства земледелия. Закупка мяса в 1914 г. в основном производилась через посредничество крупных скотопромышленников (процент прямых поставок скота от населения был невелик), ибо, напомним, война предполагалась мероприятием недолгим, а скотопромышленники сдавали продукт в массовом порядке, что было удобно и практично.

До войны продовольствование гражданского населения находилось в ведении Министерства внутренних дел. С началом же войны дело снабжения армии было поручено Министерству земледелия, которому пришлось создавать управленческий аппарат «с чистого листа». Распространение запретительного права на командование военных округов еще больше запутало ситуацию, обострив борьбу в верхах. Министр внутренних дел Н.А. Макаков, личный друг Николая II, попытался в марте 1915 г. сосредоточить все продовольственное дело в своих руках. При всем том объеме полномо-

¹⁵ Записка о производстве массовых заготовок... С. 6.

Министр земледелия
А.В. Кривошеин

чий и обязанностей, что лежали на МВД, передача ему еще и столь важной задачи могла стать непосильной ношей. В противостоянии с Маклаковым министр земледелия А.В. Кривошеин, понимавший, что в этом деле необходимо сотрудничать с земствами, не мог допустить, чтобы продовольствование оказалось в руках человека, принципиально настроенного против сотрудничества с общественностью. Поэтому Кривошеин повлиял на царя, чтобы во главе Продовольственного комитета, образованного при Совете министров 16 марта 1915 г., встал министр торговли и промышленности князь В. Шаховской. Все эти кадровые пертурбации в тылу неизбежно должны были отражаться на фронте, почему Ставка и Военное министерство озаботились получением весьма широких полномочий в деле снабжения, которые в 1914 г. фактически делали военное интендантство автономным от правительства.

Во исполнение максим военного законодательства, предполагавшего образование особого территориального пространства, подчиненного военным властям, 29 августа 1914 г. увидели свет «Правила о местностях, состоящих на военном положении». Согласно этому документу, командующие армиями получили такие полномочия, как запрет и ограничение вывоза продовольствия и фуража из прифронтовой полосы. Также высшие военачальники имели право регулирования закупочных цен на продовольственные продукты, предназначенные для снабжения армейских магазинов. Рассчитывая на короткую войну, верховная власть издавала законодательные и подзаконные акты, которые, стесняя жизнедеятельность населения определенных областей, в то же время наиболее эффективно, насколько это позволяла

российская бюрократическая машина, работали на действующую армию. С затягиванием военных действий эти акты стали, напротив, существенной препойой на пути к образованию эффективной системы снабжения и продовольствования армии и населения в военное время. Но всего этого в июле 1914 г. и до него предвидеть было невозможно.

Затягивание военных действий и, главное, неясная перспектива исхода конфликта после первых операций побудили верховную власть распространить военные мероприятия вглубь страны. По указу от 8 декабря 1914 г. аналогичные полномочия по запрету и ограничению вывоза продовольствия и фуража получили командующие военными округами: вновь образуемая система закупок смещалась вглубь империи. Подобные меры имели следствием распространение стихийной тенденции запрета в масштабах всего государства. Новая система запретов стесняла проведение регулирующих мероприятий по мобилизации экономики Российской империи на войну, но зато неплохо снабжались армия, внутренние гарнизоны, флот. При этом Военное министерство стремилось исключить вмешательство в сферу своих интересов гражданских властей, требуя в то же время содействия в исполнении своих замыслов от прочих государственных органов. Запреты вывоза продовольствия из губерний привели к нарушению торговых связей и дезорганизации хлебного рынка. Если губернаторы с марта 1915 г. должны были содействовать военным в проведении продовольственных поставок, то военные интенданты и военачальники имели тенденцию к самовольным запретительным актам¹⁶.

В целом, задачи продфуражного обеспечения армии в начале Первой мировой войны базировались на абсолютной уверенности в неисчерпаемом запасе хлеба и иных продуктов в Российской империи. Вооруженные силы перед войной (1,4 млн человек) потребляли около 50 млн пудов хлеба — 1,2% общего сбора хлебов. В Военном ведомстве полагали, что даже пятикратное увеличение числа солдат до 5–6 млн человек (в 1914 г. было призвано еще 5,1 млн человек¹⁷) не исчерпает потенциала довоенного хлебного экспорта. Валовые сборы хлебов в 1909–1913 гг. в среднем составили 4044,5 млн пудов, причем избыток хлебов в России насчитывал перед войной 656 млн пудов хлеба и 20 млн пудов картофеля. Этот избыток вывозился за границу в качестве хлебного экспорта. Рекордный объем экспорта 1913/1914 гг. составил 764 млн пудов хлебных продуктов, а с началом

¹⁶ См.: Китанина Т.М. Война, хлеб и революция... С. 68–69.

¹⁷ Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX века: очерки военно-экономического потенциала. М., 1986. С. 15.

войны в 1914/1915 гг. (первый операционный год) — всего 60 млн пудов¹⁸. Соответственно, исходя из, казалось бы, громадных цифр «избыточного» продовольствия, солдатский паек первого года войны превышал паек мирного времени¹⁹. Прежде всего, произошло сильное увеличение в составе пайка мяса (в 1,5 раза), сахара (в 2 раза) и жиров (в 5 раз). В какой-то мере увеличение калорийной составляющей мяса должно было компенсировать отсутствие в пайковой выдаче спиртных напитков, отмененных в 1908 г. («винная» дача три раза в неделю) и не вернувшихся в армию в связи с «сухим законом» 1914 г. Продажа спирта, водки и водочных изделий для местного потребления была запрещена 22 августа; также воспрещались торговля вином крепостью свыше 16% и производство пива крепостью более 3,7%²⁰. Таким образом, мясной паек в действующей армии являлся главным поставщиком калорий для бойца.

Продовольственное разнообразие начала войны поражает своими наименованиями, при том что Россия, бесспорно, не могла производить в массовом порядке деликатесов, привычных для европейских стран. Например, приказ главного начальника снабжений Юго-Западного фронта от 16 ноября 1914 г. устанавливал перечень тех продуктов, что можно было продавать частным порядком «с лотков и корзин» для солдат на железнодорожных станциях и паромных пристанях: «1. Хлеб всякого рода (черный, белый, баранки, калачи и пр.), 2. мясо и птицу — вареную и жареную, 3. ветчину и колбасу — вареную, 4. сало свиное, 5. яйца сырые и вареные, 6. рыбу вареную и жареную, 7. молоко кипяченое, 8. творог, 9. огурцы соленые, 10. яблоки моченые, 11. апельсины и лимоны, 12. пироги с начинкой, 13. чай в упаковке, 14. сахар колотый или пиленый, 15. соль, 16. дешевые сорта табака и папирос». В то же время были продукты, продажа которых солдатам запрещалась по санитарно-гигиеническим соображениям. Ни в коем случае нельзя было продавать: «1. фрукты сырые, кроме лимонов и апельсинов, 2. овощи сырые, 3. квасы всякого рода»²¹. Понимая, что патриотический порыв первых дней войны может быть поколеблен и развеян после неудач (а война не может быть сплошным победным парадом), командование распорядилось повысить солдатский паек как количественно, так и качественно. То есть «фактически в первые месяцы войны была установлена норма

¹⁸ Погребинский А.П. Сельское хозяйство и продовольственный вопрос в России в годы Первой мировой войны // Исторические записки. М., 1950. Т. 31. С. 45.

¹⁹ См.: Вещиков П.И., Огуречников А.А., Шанин А.В. Указ. соч. С. 126.

²⁰ Паиков Е.В. Антиалкогольная кампания в России в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 2010. № 10. С. 87.

²¹ Военно-санитарный сборник Юго-Западного фронта. № 1. Бердичев, 1915. С. 31–32.

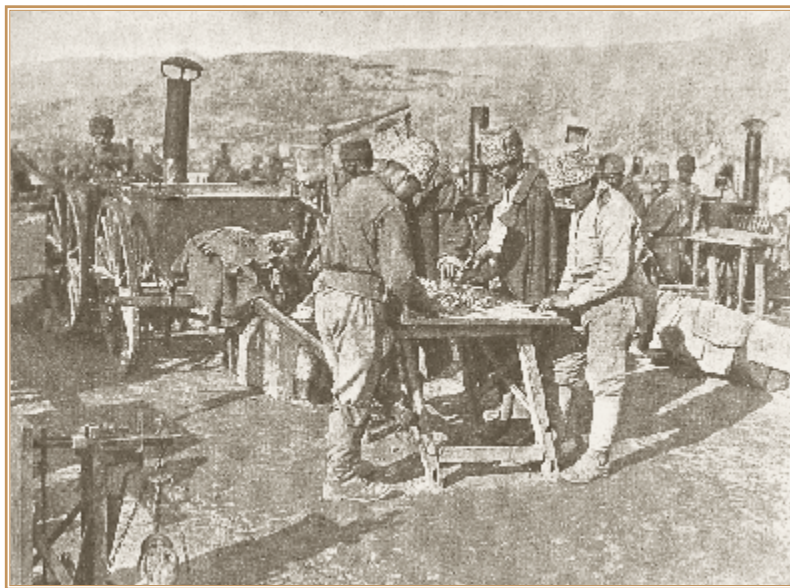
дачи мяса в 1,5 фунта, хлеба — 2,5 фунта, усиленно выдавались чай, сахар, овощи. Прodelано это было высшим начальством исключительно в видах стимулирования боевого духа вопреки мнению интендантства. Вскоре в армии образовался даже избыток продовольствия, часть которого пришлось возвращать в тыл»²². Сытый солдат — более надежный солдат, нежели голодный боец: эту истину военные помнили крепко.

Начало мирового конфликта русские армии, объединенные в Северо-Западный и Юго-Западный фронты, провели в наступательных операциях. Поэтому в первый период войны продфураж в основном передавался войскам из продовольственных магазинов либо заготавливался самими воинскими частями из местных средств: «В районе фронта, в будущих его базах, в мирное время должны содержаться по особому плану запасы продовольствия и фуража. Нормы запасов сообразуют с данными местных средств и запасами, которые в районе фронта могут существовать в наименее благоприятные периоды года, сверх потребности населения района фронта. Нормы согласовывают также с возможностью подвоза продовольствия и фуража из внутренних районов страны в период с момента объявления мобилизации и до конца сосредоточения армии. Эти запасы должны обеспечить действующую армию к началу первых боевых операций и на известный период самой войны»²³. Для производства заготовок выделялись специальные команды из тыловых служб армейских корпусов. И лишь при невозможности проведения таких заготовок продукты отпускались интендантством. Участники войны свидетельствовали, что в ходе первых сражений интендантство фактически поставляло в войска лишь крупу и печеный хлеб.

Громадную роль в том обстоятельстве, что русские войска уже в августе 1914 г. стали широко пользоваться местными средствами при продфуражных заготовках, является тот факт, что русские вели боевые действия на территории противника. Те армии, что наступали вперед (1-я, 3-я, 8-я), пользовались трофеями занимаемой территории. Те армии, что оборонялись (2-я, 4-я, 5-я), были вынуждены получать подвоз. В августе проходившие через Польшу войска получали столь высокий паек, что часть его просто не съедалась. Соответственно, люди старались заменять ежедневную пищу более калорийными и вкусными продуктами: хлеб — на мясо, черный ржаной хлеб — на пшеничный белый. Например, в начале августа через польскую столицу на фронт перебрасывался 5-й Каргопольский дра-

²² Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 728.

²³ Дейч Н. Указ. соч. С. 17.

Приготовление пищи на полевых кухнях

гунский полк. В одном из приказов по частям полковник А.А. Шмидт отметил: «Замечено мною было в Варшаве и здесь, что нижние чины продают за бесценок черный хлеб или же просто бросают его в расчете, что им на привале будет куплен новый хлеб. Объявить всем, что всякий нижний чин не только обязан хранить бережливо выдаваемое ему продовольствие, но и обязан съедать его, дабы иметь силы в предстоящей ему боевой работе»²⁴.

Интенсивные армейские и фронтовые операции начала войны, ведшиеся к тому же чаще на чужой территории, наряду с медленным развертыванием тыловых служб, стали причиной отставания интендантского снабжения от нужд и запросов войск. Разница в железнодорожной колее, вынуждавшая к перегрузке грузов любого назначения на пограничных станциях, усугубляла задачи снабжения действующей армии. В августе 1914 г. русские фронты вели военные действия почти исключительно на чужой территории. Это означает, что железнодорожники в своих усилиях по снабжению должны были пользоваться чужой дорожной сетью. Однако русская железнодорожная сеть и европейская имеют различную ширину: русская колея — 1524 мм, европейская — 1435 мм. Таким образом, русский транспорт не мог двигаться по австро-германским железным дорогам впредь до их перешивки. Кроме того, в Германии, как и почти во всей Европе, шпалы делали из металла, что очень затрудняло перешивку европейской колеи под русский транспорт.

²⁴ Цит. по: Кардашов В.И. Рокоссовский. М., 1980. С. 16.

Темпы русской мобилизации и сосредоточения в начале войны всецело зависели от союзных договоренностей с французами. Поэтому, дабы выполнить свои обязательства по срыву германского «Плана Шлиффена», русские армии бросились вперед, не закончив развертывание своих тылов. Между тем, по верному замечанию, «царский солдат в XX в. мог воевать только с хорошо наполненным желудком. Но заботы о солдате приводили к росту обоза... Походные кухни представляют огромное удобство для войск; без походных кухонь войска едва ли могли бы дать те многодневные усилия, которых требуют современные операции»²⁵. Иными словами, полевые кухни, разумеется, шли вместе с войсками, в обозах 1-го разряда. Но вот подвозить все необходимое продовольствие для людей и фураж для лошадей интендантство не успевало.

Приоритетными грузами считались предметы вооружения и боеприпасы, а также собственно войска, перебрасываемые к линии фронта. Нельзя забывать, что в августе к государственной границе шли эшелоны с войсками, составившими 9-ю и 10-ю армии, а также второочередные дивизии. В итоге продфуражное снабжение, в данный момент остававшееся на втором плане внимания железнодорожников, не могло удовлетворить требований армий. Отсюда расчеты на продовольственные магазины с заблаговременно сосредоточенными припасами и местные средства. Поэтому первые два месяца войны на Восточном фронте в отношении снабжения войск продовольствием и фуражом представляются противоречивыми. Каких-то продуктов не хватало или они отсутствовали напрочь, какие-то находились в удивительном изобилии. Как правило, эти продукты являлись трофеями или изымались у местного населения неприятельских стран. В связи с тем, что угнать на запад скотину австро-германцы не успевали (хватало забот и по маневрированию войсками и переброске резервов), изобилующим продуктом, как правило, было мясо. Пример начала осени 1914 г. в австрийской Галиции: «...нет ни хлеба, ни соли, ни овощей. Одно лишь мясо с картофелем. Мяса вдоволь, но оно всем опротивело, приелось, и солдаты макают его в кровь, чтобы сделать менее пресным»²⁶. Это что касается территории Австро-Венгрии — Западной Украины. То же самое повторилось и в Восточной Пруссии, являвшейся житницей Германской империи. Количество запасенного продовольствия, скота, фуража, домашней птицы и прочей снеди, пригодной для солдатских желудков, было столь велико, что русские войска не испытывали ни малейшей нужды и во время

²⁵ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. М., 2002. С. 774–775.

²⁶ Войтоловский Л. По следам войны. Походные записки 1914–1917. Л., 1925. С. 54.

второго русского вторжения в Восточную Пруссию осенью 1914 г. Воюющие стороны уже по разу опустошали провинцию, и, по воспоминаниям генерала В.И. Гурко, тогда командовавшего 1-й кавалерийской дивизией, «несмотря на это, мы были поражены обилием найденного фуража. Количество рогатого скота было таково, что позволяло нашим войскам не только в изобилии питаться свежим мясом, но даже при отступлении угонять вместе с каждой из воинских частей огромные стада скотины»²⁷.

Даже если имевшиеся в распоряжении интендантства ресурсы на бумаге и завывшались, то все равно, ввиду разности в железнодорожной колее, в первом периоде войны, который предполагался решающим, русские армии вторжения должны были бы опираться по преимуществу на местные средства. Сокращение временных сроков между объявлением мобилизации и началом наступления все равно не позволило бы вовремя отмобилизовать войсковые тылы. Именно поэтому в приграничной полосе заранее концентрировались запасы продфуража — чтобы питать войска не только в период сосредоточения, но и в первой фазе наступления. То есть в той фазе, когда должно было состояться генеральное сражение (в виде ряда последовательных широкомасштабных и кровопролитных операций), долженствовало решить судьбу войны.

Сам характер военных действий — непрерывный маневр — предполагал использование местных средств в той мере, в какой это будет необходимо, чтобы компенсировать затруднения железнодорожного транспорта по питанию войск. В маневренной войне часть продфуражных запасов можно и нужно питать за счет местных средств: «...в условиях маневренной войны даже сравнительно бедный район обычно позволяет во время движения и незатяжных боев обеспечивать этим путем потребность в сенной (солома, подножный корм) части фуражной дачи, овощах и мясе. И это имеет тем большее значение, что как раз сено, овощи и мясо являются наиболее грузными и малоемкими элементами фуражной и продовольственной дачи»²⁸. Поэтому-то войскам доставлялись, прежде всего, печеный хлеб и крупа, взять которые на занятой территории было бы практически невозможно (войсковые хлебопекарни существовали лишь в корпусах).

Что же касается «низов», то здесь точка зрения всецело зависела от тех условий, в которых действовало то или иное воинское подразделение. Например, солдаты 1-й армии Северо-Западного фронта в ходе Восточно-

²⁷ Гурко В.И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917. М., 2007. С. 108.

²⁸ Учебник тактики. Париж, 1932. Ч. 2. С. 394.

Прусской наступательной операции августа 1914 г. в интендантском отношении, попросту говоря, «жировали». Трофеев оказалось столько, что люди отказывались от кухонного довольствия и готовили себе пищу отдельно. В Восточной Пруссии, а затем и в боях на левом берегу Вислы русские войска получали от интендантства полное пищевое и фуражное довольствие, хотя все это в огромных количествах находилось и на занимаемой территории, так как Восточная Пруссия являлась житницей Германии. Протопресвитер армии и флота о. Г. Шавельский вспоминал, что, по рассказам офицеров, в 1914 г. «наши солдаты в Восточной Пруссии буквально объедались свининой и домашней птицей»²⁹. В то же время солдаты 2-й армии того же самого фронта, наступавшие в каких-нибудь 120 верстах юго-западнее 1-й армии, недоедали. Причина — 1-я армия действовала в богатой провиантом местности, а 2-я армия — в «заброшенном» пространстве приграничья, то есть не все армии могли пользоваться изобилием местных ресурсов. Вдобавок разбросанную на расстоянии в 150 верст 2-ю армию в железнодорожном отношении питала лишь слабая ветка на левом фланге армии. Полтора корпуса получали довольствие, а еще 3,5 корпуса, наступавших через лесные массивы с редкими шоссейными дорогами, — нет.

Поэтому и мнения о снабжении были самые разные. Так, в одном солдатском письме указывалось: «После генеральной чистки интендантов интендантская часть поставлена так хорошо, что нет ничего похожего на японскую или турецкую грабильку». В других же письмах говорилось, что в Русско-японскую войну было больше порядка и лучше снабжение войск³⁰. А если транспорт не имел вообще никакой возможности обеспечить войска продфуражом? Например, выше отмечалось, что уже в сентябре 1914 г. в армиях Юго-Западного фронта не хватало хлеба и соли. Отставание тылов не позволяло людям в шинелях не только полноценно (согласно продовольственным ведомостям пайка) питаться, но порой вынуждало голодать. Причем когда с момента объявления войны и начала мобилизации прошел уже целый месяц; в двадцатых числах августа 1914 г., в Галиции, реплика пехотного капитана 5-й армии: «Солдаты по шесть дней ничего не ели. Офицерство сырой капустой питалось. А транспорты черт знает где шатаются...»³¹ Действительно, в период Люблин-Холмской оборонительной операции 4-й и 5-й армий середины августа 1914 г. железные дороги не

²⁹ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. Т. 1. С. 143.

³⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 826. Оп. 1. Д. 343. Л. 24, 29, 30.

³¹ Войтоловский А. Указ. соч. С. 19.

Прием пищи солдатами на привале

успевали подвозить необходимые предметы довольствия. Во время Томашевского сражения 5-й армии «люди не получали хлеба, не всегда удавалось дать горячей пищи. В покинутых деревнях забирались свиньи, птица и тут же под аккомпанемент ружейно-пулеметного и артиллерийского огня — готовилась пища»³². Причина тому заключалась в интенсивном характере первых маневренных операций на Восточном фронте. В августе в Галицию перебрасывались соединения 9-й армии, и железнодорожникам было не до продфуража.

Теперь только сухари могли выручить наступавшие вглубь неприятельской территории русские армии. Но и затем в качестве материала для продовольствования войск первыми подоспели трофеи, а не продукты русского интендантства. Так, спустя три недели боев, 31 августа части 17-го армейского корпуса (генерал П.П. Яковлев), преследующие отступающих австрийцев, заняли г. Немиров. Артиллерист корпуса вспоминал: «Бесконечные запасы продовольствия: печенье белого, сдобного и черного, специальных галет, ящиков с сахаром, кофе, огромные короба с плиточным шоколадом, и в довершение всего массивные, двух четвертей и ведерные, оплетенные сетками, бутылки с австрийским ромом. На батарее оживление. Уже целую неделю в роте ничего, кроме черствых, заплесневелых сухарей. Все время форсированное движение — интендантство отстало... Многодневная усталость и напряжение сняты как рукой. Впереди, по меньшей

³² Кузнецов Б.И. Томашевская операция. М., 1933. С. 47.

мере, на неделю батарея обеспечена необходимым продовольствием, и солдаты поэтому радостны, веселы и оживлены»³³. Конечно, трофейного изобилия на всех не хватало.

Победа Юго-Западного фронта в Галицийской битве не дала ожидаемого отдыха. Русские армии бросились в преследование, которое прервалось германским контрударом на крепость Ивангород. Весь сентябрь в районе водораздела Сана и Средней Вислы шли ожесточенные бои. Интендантство все еще не успевало подавать продфураж, обозы перемешались, а потому в наиболее громоздких грузах ощущалась наибольшая нужда. Тем паче это касалось хлеба, который еще следовало выпекать, а между тем корпуса не выходили из боя, маневрируя на большом пространстве. Приведем свидетельства участников войны, воевавших в Галиции в сентябре 1914 г.: «Наши обозы находились глубоко позади, в Люблинской губернии и в виду этого полк был лишен многого необходимого. Самое тяжелое было отсутствие хлеба и табаку. Приходилось довольствоваться сухарями и, несмотря на строгое запрещение, многие солдаты курили сухие листья»³⁴. Первая половина сентября 1914 г., Галиция, марш Гвардейского корпуса в 9-ю армию: «Наиболее тяжелым для нас в этом Галицийском походе были полное отсутствие у нас соли и большой недостаток в хлебе, из-за отставания наших обозов и транспортов. Хлеб еще кое-как удавалось выпекать на месте, отчасти выручали и сухари, но отсутствие соли было истинным бедствием. Несмотря на изобилие мяса, жиров и овощей, варка была совершенно несъедобной»³⁵. В целом, порядок внутри военно-хозяйственной организации установился только к концу 1914 г.

Как только в сентябре—октябре основные сражения были перенесены на левый берег Вислы (Варшавско-Ивангородская наступательная операция), русским войскам вновь пришлось поголодать. Ведь тылы по-прежнему еще мобилизовались, а рассчитывать на трофеи было невозможно, да и реквизировать было нечего. Участник войны так пишет о сентябре 1914 г. в Польше: «В эти дни мы буквально голодали, ибо наши обозы не поспевали за нами по песчаным дорогам этого края. Достать что-либо у местного населения не представлялось возможным. Само население жило впроголодь, а тут еще побывали перед нами немцы и забрали остатки. Бывало, попросишь хлеба, а старики и старухи плачут, сами ничего не ели... В это время

³³ См.: Суворов А.Н. Тактика в примерах. М., 1926. С. 367–368.

³⁴ Торнау С.А. С родным полком. Берлин, 1923. С. 39.

³⁵ Зайцев А.А. Семеновцы в 1914 году: Люблин — Ивангород — Краков. Гельсингфорс, 1936. С. 40.

Прием пищи солдатами на привале во время Лодзинской операции

главным пищевым продуктом нам служила брюква, которую мы собирали по полям и сырой поедали. К счастью, за всю войну такой голодовки мы больше не испытывали...»³⁶

Роль картофеля в период осенних сражений в Польше 1914 г. трудно переоценить. Хлеб и крупу забитые грузами железные дороги с трудом, но доставляли до войск, мясо на месте было. Поэтому мясо и картофель — это обычная еда солдат осенью 1914 г. в Польше. В это время и в интендантских складах уже не было каких-либо разносолов. Здесь находились обычные для пайка и перечисленные в нем продукты. Так, к началу Лодзинской операции в Лодзи для 23-го, 4-го, 1-го армейских и 2-го Сибирского корпусов из продуктов сосредоточили 11 тыс. пудов печеного хлеба, 30 тыс. пудов сухарей и 8 тыс. пудов муки, 3 тыс. пудов крупы, 22 тыс. банок мясных консервов, 21 пуд чаю, 3 тыс. пудов сахара, 4 тыс. пудов овса³⁷. На деле часто выходило, что органы снабжения далеко не всегда могли надлежащим образом распорядиться наличными запасами, уже доставленными в войсковой район. Все это являлось следствием недостатка опыта работы в данной области. Так, главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта генерал Н.В. Рузский указывал, что существует масса примеров того, что войска голодают, в то время как ближайшие тылы забиты вагонами с продовольствием и фуражом.

³⁶ Попов К. Воспоминания кавказского гренadera. 1914–1920. М., 2007. С. 15.

³⁷ Корольков Г.К. Лодзинская операция 2.11–19.12.1914 г. М., 1934. С. 15.

Русский солдат имел при себе продуктов питания (сухари) лишь на 3 дня, остальное перевозилось в обозах корпусов и дивизий. Большого влияния на войска, впрочем, носимый запас продовольствия на первом этапе войны не сыграл. Еще в период сосредоточения в июле 1914 г. солдаты выбрасывали находившийся у них в вещевых походных мешках трехдневный запас сухарей или сгрызали его в эшелонах³⁸. Армейский корпус возил за собой 9 продовольственных дач на каждого бойца — 2 дачи в обозе 2-го разряда, 4 дачи в дивизионном обозе и 3 дачи в корпусном обозе³⁹. Как только эти продукты заканчивались, оставалось надеяться на интендантство либо на местные средства. Обозы 1-го разряда следовали непосредственно за войсками, 2-го разряда — в полупереходе от войск (10–12 верст), 3-го разряда (дивизионный обоз) — не ближе одного перехода от обозов 2-го разряда. Обоз 1-го разряда — это те средства, которые при всех обстоятельствах могут потребоваться немедленно, а потому должны находиться при войсках безотлучно. Здесь находятся обозы команды связи, пулеметной команды, часть обозов с огнестрельными припасами, часть санитарного обоза, походные кухни. Обоз 2-го разряда — это те средства тылового обеспечения, наличие которых в войсках не требует немедленного и сиюминутного наличия (располагается в полупереходе от полка). В кавалерии обоз 1-го разряда более громоздок, так как кавалерия более отрывается от своего тыла.

В ходе осенних сражений 1914 г., характеризующихся высокоманевренными действиями и передвижениями на большие расстояния, обозы двигались «перекатами», т.е. грузы перевозились в несколько приемов. При наступлении это тормозило войска, а при отходе грузы просто бросались, что уменьшало возимые войсковые запасы и вынуждало вновь обращаться к интендантству за продфуражом. Мало этого: ввиду неконтролируемого расходования носимого запаса продовольствия солдатами в январе 1915 г. носимый запас был передан в полковой обоз 1-го разряда, и еда стала выдаваться людям непосредственно перед боем или маршем. Это также перегрузило запасы полкового обоза, которые в начале войны рассчитывались по штатам 1910 г. из расчета на 4140 человек, в то время как в 1914 г. состав пехотного полка был увеличен до 4763 человек⁴⁰.

Злоупотребления с поставками продовольствия и фуража для Военного министерства начались с первых же дней войны. Так, осенью 1914 г. заведующий продовольственным пунктом в Калужской губернии доносил

³⁸ Суворов А.Н. Указ. соч. С. 478.

³⁹ Шварц Н. Основные вопросы армейского тыла // Война и революция. 1927. № 6. С. 37.

⁴⁰ Федосеев С.А. «Пушечное мясо» Первой мировой. Пехота в бою. М., 2009. С. 304–305.

Раздача нижним чинам красного вина на Рождество 1915 года

в Министерство внутренних дел: «Я прежде всего натолкнулся на хищничество и алчность некоторых поставщиков, научившихся грабежу российской казны еще в минувшую японскую кампанию 1904 г. и составивших на здоровье русского солдата свое благосостояние» и стремящихся «сбыть всякую гниль и мертвечину под видом мяса и других продуктов» после борьбы, «выиграв в качестве пищевых продуктов, я проиграл в стоимости солдатского пайка»⁴¹. Это вещь неудивительная и следует отдать должное русскому интендантству, что уже спустя несколько месяцев, когда была преодолена суматоха мобилизационных предприятий и отмобилизования тылов, злоупотреблений в централизованных поставках уже практически не наблюдалось.

В ходе первых месяцев войны командование было вынуждено заменять одни продукты другими. Нормы такой замены шли из высших штабов, дабы низшие командиры могли сразу провести такую замену, исходя из тех продуктов, что имелись у них в наличии. Разрешенная взаимозаменяемость продуктов в пайке в начале войны: 1 фунт (410 г) гречневой или пшенной крупы приравнивался к 3 фунтам картофеля; 51 золотник (217 г) макарон или вермишели приравнивался к фунту риса или 80 золотникам (340 г) гороха; фунт сухарей приравнивался к 2/5 фунта мяса; фунт хлеба приравнивался к 7/10 фунта сухарей или 1/4 фунта мяса или 3/4 фунта макарон или вермишели или 4 фунтам картофеля.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 102. 4-е делопроизводство. Оп. 1914. Д. 141. Ч. 26. Л. 1–2 об.

В целом, в кампанию 1914 г. интендантству удавалось соблюдать довоенные расчеты продфуражного снабжения Действующей армии. Войска получили почти 82 млн пудов зерна, в том числе 52,6 млн составил фураж (овес и ячмень); 13,5 млн пудов мяса и 1,6 млн пудов жиров⁴², что не составило напряжения для народного хозяйства страны. Тем не менее тогда же проявилось и слабое место: проблемы со снабжением войск продфуражом из-за транспортных трудностей. В кампании 1914 г. железные дороги перевозили по преимуществу людские пополнения и предметы вооружения, понуждая армии опираться на местные средства и трофеи. Следствием медленного развертывания тылов и отсутствием тщательно разработанной номенклатуры грузов в системе снабжения стала периодически, но на непродолжительное время возникавшая нехватка продфуража на тех или иных участках театра военных действий осенью 1914 г.

Таким образом, невзирая на непредвиденные довоенными расчетами трудности в снабжении русской армии продовольствием и фуражом, в целом русские интендантские службы Военного министерства и Действующей армии справились с поставленными перед ними задачами в первые месяцы Первой мировой войны. При этом выявились основные проблемы обеспечения войск: скорость и своевременность развертывания тылов и тыловых структур, работа железнодорожного транспорта, создание запасов продфуража на театре военных действий, централизованные закупки продуктов в тылу и последующая их переброска на фронт.

⁴² Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925. С. 6, 42, 60.

Ключевые слова:

продовольствие, фураж, интендантство, снабжение фронта, солдатский паек, полевая кухня, Министерство земледелия

Maxim V. Oskin

FORAGE CAP SUPPLY AND SUBSISTENCE OF RUSSIAN ARMY DURING THE 1914 CAMPAIGN

reparation of the country for war relative to their food supply is a reflection of the general readiness for armed conflict. The supply of the Russian army for necessary food and fodder in the campaign of 1914 showed the degree of such readiness of Russia. The centralized organization of supply relied on cooperation of both the military management of supply and the agricultural ministry.

Hoping for a short war, the Ministry of Defense increased the rations for the military personnel, proceeding from the status of Russia as agricultural country. At the beginning of war calculations of management of supply were adequate. However in the fall of 1914 the Russian armies began to experience the first interruptions in supply. The author determines that, as a whole in the first half a year of war the Russian management of supply coped with the problems of deliveries of the food and fodder on the front.

 Оськин Максим Викторович

кандидат исторических наук, доцент
кафедры общих гуманитарных и социально-правовых дисциплин
Института законоведения и управления
Всероссийской полицейской ассоциации (г. Тула)

С.М. Исхаков

«ЗАРУБЕЖНЫЕ ИСТОРИКИ ПРОЯВЛЯЮТ БОЛЬШИЙ ИНТЕРЕС К НАШИМ ИСТОЧНИКАМ, ЧЕМ МЫ САМИ»

В 1957 г. в целях координации работы в Академии наук СССР были созданы различные научные советы, в том числе по ряду проблем всемирной и отечественной истории. Одним из них был Научный совет по истории Великой Октябрьской социалистической революции, которым до 1988 г. руководил академик И.И. Минц. В условиях перестройки при новом председателе Совета академике П.В. Волобуеве (1988–1997) работа его была существенным образом преобразована. С 1999 г., когда Совет вошел в состав Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций во главе с академиком Г.Н. Севостьяновым, руководившим им до марта 2013 г., диапазон и спектр научных интересов Совета еще более расширился и усложнился. Совет продвигался от истории 1917 г. к изучению России/Советского Союза и мировым проблемам, к истории XX в. в целом, расширяя свою «территорию» и «пространство». Все сделанное за почти 60 лет этим академическим Советом не столь широко известно даже научной общественности, хотя деятельность этого академического Совета была и многогранна и всегда эффективна. Главная же задача Совета всегда состояла в том, чтобы стимулировать в своей сфере исследование на фоне потока серых, опи-

сательных книг и статей, «правильных» во всех отношениях, кроме научной. И в настоящее время Совет продолжает свою внешне не броскую работу, в том числе по изучению Первой мировой войны и Великой Российской революции 1917 г.

Публикуемый ниже документ из архива Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций свидетельствует о том, какой важный вклад сделал этот Совет в сосредоточение внимания отечественных историков к проблемам истории Первой мировой войны и ее влияния на Россию. С тех пор в отечественной исторической литературе произошли положительные сдвиги в научном анализе этой войны, хотя и не все, что намечалось в данной записке, было осуществлено. Сегодня, продолжая лучшие традиции данного академического Совета, его члены стремятся непредвзято и честно отвечать на самые острые вопросы, связанные с причинами этой войны, ее ходом, последствиями, занимаются исследовательским поиском, расширяют документальную основу изучения этой европейской войны, переросшей в мировую. Данный номер «Исторического вестника» подготовлен при непосредственном участии Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций.

**Докладная записка председателя Научного совета РАН
«История революций в России» академика П.В. Волобуева¹
академику-секретарю Отделения истории
Российской академии наук академику И.Д. Ковальченко²**

Не ранее 28 сентября 1993 г.³

Как известно, в течение многих десятилетий в силу объективных и субъективных причин история Первой мировой войны как крупная комплексная проблема практически не исследовалась. По справедливому определению ученых-историков, это «забытая война».

¹ Павел Васильевич Волобуев (1923–1997) — советский историк, академик, в 1988–1997 гг. председатель Научного совета АН СССР «История Великой Октябрьской социалистической революции», в 1991 г. получившего название «История революций в России».

² Копии записки были направлены директору Института российской истории РАН А.Н. Сахарову, директору Института всеобщей истории РАН А.А. Чубарьяну, директору Института славяноведения и балканистики РАН В.К. Волкову, декану исторического факультета МГУ Ю.С. Кукушкину, председателю Ассоциации по изучению Первой мировой войны В.А. Малькову.

³ Датируется по содержанию.

Изучались лишь отдельные проблемы истории Первой мировой войны, связанные главным образом с тематикой революционного движения.

Начатое переосмысление истории, а также приближающееся 80-летие с начала Первой мировой войны поставили в порядок дня и вопрос об изменении отношения к исследованию ее истории как важнейшего рубежного события в мировой и отечественной истории XX в. В последнее время среди историков оживился интерес к ее проблематике. По инициативе покойного академика Ю.А. Писарева в 1992 г. была учреждена Ассоциация по изучению Первой мировой войны, одной из главных задач которой являются активизация и координация исследования в этой области, привлечение научных сил России к исследовательской работе по тем или иным аспектам истории 1914–1918 гг. Ассоциация провела «круглый стол» «Первая мировая война и XX век»⁴ с целью выявления проблем, требующих первоочередного исследования, выработки новых концептуальных подходов, определения наших возможностей по разработке истории этой войны. Материалы его будут опубликованы отдельной книгой.

Следует признать, что советская и российская историография заметно отстала, во всяком случае по объему исследовательской работы и публикаций, от зарубежной. Этим, в частности, объясняется наша заинтересованность в международном сотрудничестве по проблемам Первой мировой войны.

Институты Отделения истории за последнее время проделали известную работу, а также определили свои планы на 1993–1994 гг., о чем считаю необходимым Вас информировать.

В связи с подготовкой к юбилею предполагается организовать две научные конференции.

Осенью 1993 г. планируется провести научную конференцию «История белого движения в период мировой войны». К участию в рабо-

⁴ «Круглый стол» состоялся 28 сентября 1993 г. в Москве. Во вступительном слове П.В. Волобуев отметил, в частности, что надо признать, что «правлящие круги и буржуазная общественность не понимали, что России эта война сулила мало хорошего... Но осознано это да и то не до конца ими было слишком поздно». Что касается европейских стран, то, по его мнению, «надо признать, что правящими кругами при поддержке широкой, в т.ч. демократической, общественности были выдвинуты официальные лозунги, оказавшиеся привлекательными для масс, особенно на Западе. Это: защита демократии, освобождение угнетенных народов, разгром германского милитаризма или варварской России, справедливое послевоенное устройство и т.п. Не в последнюю очередь такие лозунги создали временную популярность войне в Европе...».

те конференции будут привлечены ученые всех институтов Отделения истории.

В мае 1994 г. состоится международная конференция историков, посвященная 80-летию Первой мировой войны⁵. Координируют работу по ее организации Ассоциация и Научный совет по истории революций.

В Институте российской истории изучаются отдельные аспекты этой проблемы — внешняя политика России (д.и.н. А.В. Игнатьев, д.и.н. В.С. Васюков, д.и.и. В.А. Емец), революционный процесс в данный период (д.и.н. С.В. Тютюкин), экономика (д.и.н. Ю.И. Кирьянов, к.и.н. А.И. Степанов), армия и флот (д.и.н. К.Ф. Шаццлло). Подготовлен сборник статей «Армия и общество» (отв. редактор д.и.н. В.П. Дмитренко), в котором есть статьи по мировой войне⁶.

К 80-летию начала Первой мировой войны предполагается издать книгу «Россия в Первой мировой войне». Это второй том коллективного труда «Первая мировая война и ее воздействие на историю XX в.», к созданию которого историки института приступили в рамках Ассоциации. В юбилейном сборнике «300 лет российского морского флота» исследуются события войны в Болгарии, Сербии, Албании и Австро-Венгрии (отв. редактор д.и.н. А.В. Басов), тема «Военно-морской флот накануне и в годы Первой мировой войны».

Сотрудники Института всеобщей истории активно работают в Ассоциации по изучению Первой мировой войны. В марте 1993 г. был проведен «круглый стол» «К вопросу о германском золоте». Готов план-проспект первого тома — «Первая мировая война и Запад» — двухтомника, о котором говорилось выше.

К юбилею войны совместно с кинофотоархивом⁷ создается иллюстрированный альбом. В планах издание сборника документов «Первая мировая война. Документы и комментарии» (30 авт. л.), отражающего новейшие находки и открытия в российских и зарубежных архивах.

Исследованием истории Первой мировой войны в различных странах Европы активно занимаются сотрудники Института славяноведения и балканистики. Здесь к изучению этой проблемы привлечены в основном молодые ученые, исследующие события войны в Болгарии, Сербии,

⁵ Конференция «Первая мировая война и XX век» состоялась 24–26 мая 1994 г. в Москве. В ней приняла участие большая группа историков из Англии, Бельгии, Италии, Польши, США, Франции, ФРГ, Швеции, Югославии.

⁶ См.: Армия и общество: Сборник статей. М., 1990.

⁷ Имеется в виду Российский государственный архив кинофотодокументов.

Албании и Австро-Венгрии. Сотрудники института к юбилею готовят две работы: коллективная монография «За балканскими фронтами Первой мировой...»⁸ (Международные отношения в годы Первой мировой войны; «Наука», 30 п.л., ответственный редактор д.и.н. В.Н. Виноградов) и сборник статей «Версальская система договоров», ответственный составитель к.и.н. В.И. Беляева.

В Институте военной истории к 1994 г. запланировано закончить авторскую работу над большой монографией «Россия в Первой мировой войне» (руководитель авторского коллектива А.В. Шишов, 80 п.л.). Немногочисленные сотрудники группы по изучению Первой мировой войны института разрабатывают только отдельные темы (управление войсками в Первую мировую войну, международные отношения, подвиги русских воинов). К сожалению, и в Институте военной истории не было серьезного и целенаправленного изучения данной проблемы.

Группа по изучению Первой мировой войны располагает большим корпусом выявленных документов по темам «Ставка Верховного главнокомандующего. 1914–1918 гг.» и «Фронтовые и армейские операции», но нет издательской базы.

Если научно-исследовательская работа начинает оживляться, появляются молодые ученые, занимающиеся данной проблемой, то публикации источников фактически отсутствуют. За последние 50 лет не издано ни одного сборника документов, а журнальные публикации, подготовленные сотрудниками архивов, случайны и страдают мелкотемьем. В основном они посвящены биографиям отдельных деятелей Первой мировой войны и жизни российских военнопленных.

В архивах хранятся интереснейшие воспоминания участников и современников Первой мировой войны. Так, в Центральном государственном военно-историческом архиве лежат подготовленные полное издание воспоминаний Брусилова; «А.И. Деникин. Путь русского офицера» (автобиография, документы, комментарии) (ответственный составитель В.М. Шибанов); «История моей жизни. Воспоминания А.Ф. Редигера» (составитель Л.Я. Саэт). Сборник документов «Ставка Главковерха и Октябрьская революция» (30 п.л.), ответственный редактор д.и.н. В.Д. Поликарпов, утвержден к изданию два года назад Ученым советом Института российской истории РАН и все это время лежал в издательстве «Наука».

Сотрудники ЦГВИА подготовили выставку документов по истории мировой войны, но демонстрироваться она будет в Италии. Там же опублико-

⁸ См.: За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002.

ваны документальные публикации о русских военнопленных на Итальянском фронте. Зарубежные историки проявляют больший интерес к нашим источникам, чем мы сами.

*Председатель Научного совета по истории
русских революций академик П.В. Волобуев*

Ключевые слова:

80-летие Первой мировой войны, И.И. Минц, П.В. Волобуев, Г.Н. Севостьянов,
Научный совет по истории социальных реформ, движений и революций

 Исхаков Салават Мидхатович

доктор исторических наук, заместитель председателя Научного совета
РАН по истории социальных реформ, движений и революций

В.Ж. Цветков

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА. 1914 Г.

Л.В. Саянский. Три месяца в бою. Дневник казачьего офицера

В.В. Муйжель. С железом в руках, с крестом в сердце
(на Восточно-Прусском фронте)

С. Н. Базанов, А. В. Олейников. Первый год войны*

Н е стоит, очевидно, напоминать о том, что публикация новых источников всегда очень важна для историографии и источниковедения Первой мировой войны. Количество публикаций растет и это следует только приветствовать, поскольку довольно долгое время участию России в Первой мировой войне уделялось меньше внимания в сравнении с близкими по времени проблемами революции и Гражданской войны. Между тем объем еще неопубликованных исторических источников, отражающих события 1914–1918 гг., остается достаточно большим.

К числу новых публикаций следует отнести книгу, составленную кандидатом исторических наук Р.Г. Гагкуевым, которому принадлежит замысел этого издания, совместно с докторами исторических наук С.Н. Базановым и А.В. Олейниковым на основе авторских изданий участников войны В.В. Муйжеля и Л.В. Саянского. Книга вышла в серии «Голоса истории» издательства «Посев». В данной серии ранее уже публиковались воспоминания офицера В.В. Корсака (Завадского), посвященные событиям Первой мировой и Гражданской войн. Новое издание хронологически и тематически посвящено участию русской армии в операциях 1914 г.

* М.: Посев, 2014.

Книга состоит из трех частей. В первой — собраны статьи известного в предреволюционной России военного писателя В.В. Муйжеля. Они были впервые опубликованы на страницах авторского сборника «С железом в руках, с крестом в сердце (на Восточно-Прусском фронте)», увидевшего свет в Петрограде в 1915 г. Уже сам факт издания книги не «по окончании», а «во время» войны примечателен с точки зрения степени объективности автора. Хронологически и тематически авторские очерки отражают, главным образом, события двух тяжелых, но победоносно завершенных русской армией операций — Варшавско-Ивангородской и Лодзинской.

В очерках нет подробностей описания стратегических операций, особенностей штабной жизни. Здесь нет генералов, командиров или «тыловых героев». Персонажи Муйжеля обычные люди — солдаты, офицеры, казаки, пленные немцы и австрийцы, жители городов и сел прифронтового края. Очерки интересны тем, как в них отражается психология войны, те духовные аспекты, на которые традиционно обращалось недостаточно внимания, а ныне позволяющие увидеть войну не как череду боевых операций, разрабатываемых в штабах, а как цепочку переживаний, страданий, эмоциональных подъемов, столь характерных для фронтовиков — участников описываемых боев и походов.

Авторский стиль повествования спокойный, ровный. Но сквозь внешнее спокойствие подчас «проступает» ощущение стабильного нервного напряжения. Выдержат ли русские полки удар «немецкого кулака»? Выстоит ли русский солдат в тяжелых, кровопролитных боях? Сможет ли подняться для контрудара? И это состояние автора передается читателю, дает возможность почувствовать своеобразный «воздух войны» (с. 127).

Характерно и то, что в отличие от официальных и официозных изданий очерки Муйжеля нацелены отнюдь не на формирование «ура-патриотического», «шапкозакидательского» настроения. Напротив. Автор искренне стремится понять, разобраться в том, какая война предстоит Российской империи. Он не отрицает боевых качеств немецкой армии и подчеркивает, что «немецкая армия, спаянная жестокостью железной дисциплины, — враг серьезный...» (с. 128). Но потому и важна, потому и необходима победа. «По существу противник силен, очень силен, он готовился к войне долго и упорно, и в том-то и слава, великая, незабываемая слава вашей армии — всей армии, начиная от командующих и кончая последним обозным солдатом — вечная слава тем, кто упорно противопоставил выносливость силе — свою мощь, знания, умение» (с. 128).

Муйжель не сомневается в конечной победе. Не сомневается он и в справедливости, в правоте начавшейся войны. Вполне в соответствии с настроениями того времени автор уверен, что окончание войны изменит жизнь в обществе. Российская империя останется великой державой, укрепит свой международный авторитет, но внутри страны неизбежно продолжатся перемены, начавшиеся еще во время думской монархии. Армия, ставшая народной, в полном смысле слова, армия, в которой стерлись различия, определенные военными уставами и сословными перегородками, где нет разницы перед лицом смерти, станет примером и новых общественных отношений.

Примечательны и те страницы очерков, на которых описываются сюжеты, связанные с Польшей. Муйжель не отмечает какой-либо неприязни к полякам, к католицизму. Напротив, всячески подчеркивает необходимость защиты Польши ради идеи «славянского единства» (с. 148). Сибирские стрелки героически защищают Варшаву. Как отличается эта, присутствующая солдатам 1914 г. уверенность в необходимости защиты далеких от Сибири рубежей России от широко распространенного позднее солдатского стереотипа, выраженного примитивно-циничной фразой: «Мы сибирские — до нас немец не дойдет». И хотя хорошо известно, что уже через два с небольшим года на смену чувствам верности воинскому долгу придут разочарование в войне, ненависть ко всем командирам и начальникам, все же стоит отметить, что подобные настроения не были характерны для кадровых воинских частей, вступивших в войну летом 1914 г.

Вторая часть книги также включает материалы, опубликованные в «военное время». Это «Дневник казачьего офицера», принадлежавший перу не профессионального военного журналиста, а профессионального военного, иркутского казака подьесаула Л.В. Саянского. Оригинальный текст дневника был опубликован автором отдельным изданием в Москве, в 1915 г. Сам по себе дневниковый жанр в условиях фронта — не такое редкое явление, как, возможно, покажется на первый взгляд. На войне просто не хватает времени для того, чтобы «занести на бумагу» рассуждения, суждения, умозаключения. Нет и стремления выразить какое-то определенное отношение к событиям, выразить какую-то политическую позицию «на злобу дня», столь типичную для военной публицистики. Но отразить хронику событий, сделать их «моментальный снимок», сопроводив его собственными впечатлениями, немедленно отметить свои чувства и переживания могут многие. В этом и состоит неоспоримое преимущество дневников, тем более дневников фронтовых. Это делает их уникальными источниками.

Саянский описывал войну от Забайкалья до Привислинского края. Примечательны первые записи дневника, отразившие заметный патриотический подъем в селах и станицах. «Великая вещь — война, которая созрела в душе народа» (с. 8) — данная авторская ремарка многое объясняет. И только с отъездом на фронт настроения начинают меняться: «Еду на войну. Это не шутка. Еду в неизвестность, и Бог знает, суждено ли мне увидеть снова эти бегущие мимо окон пожелтевшие березы и вечно юную зелень родных сосен и елей... Глаза напряженно ловят эти летучие пейзажи и стараются без фотографического аппарата зафиксировать их в памяти. Чтобы потом, в далеких чужих краях, на границе Смерти, иметь хоть минуту хороших воспоминаний о любимой Родине, о близких людях, нераздельно с ней связанных» (с. 15).

Прибытие на фронт и участие, хотя и довольно кратковременное (всего три месяца), в боях заставляет по-другому взглянуть на многие, казавшиеся очевидными в далеком тылу, вещи и события. Вместо красивых боев и выразительных атак — постоянное напряжение борьбы, противостояния. Интересна оценка Саянским состояния своего и своих сослуживцев. Больше всего опасения вызывает у них не опасность смерти, а... усталость. «Мирные, спокойные, прозябавшие всю жизнь свою люди не поймут, почему это так. Им, далеким от наших непередаваемых переживаний, от этих простых, но полных ужаса сцен боевой жизни, будут интересны наши психические потрясения; будут захватывать сцены ярких, потрясающих, но мало правдивых ужасов... они не поймут того жуткого, холодного уныния, которое охватывает в бою, когда усталое тело отказывается двигаться и работать, а помутневшее соображение — ясно и точно воспринимать ощущения, оценивать изменение обстановки и думать о чем-либо...» (с. 74). Характерна и оценка особого характера боев. «Нынешняя война, — писал офицер, — не знает коротких боев. Сошлись, сцепились и... дней пять, а то и всю неделю идет сплошное напряжение многотысячной массы людских тел. И вот, к концу восьмого дня боя вы, наверное, потеряете и последние крохи силы... И будете уже не человеком, а скверными, еле идущими часами. Потикают в голове кой-какие мысли и опять — “А! Все равно... Пусть убьют, пусть ранят, пусть что угодно будет со мной, только дайте мне вытянуть ноющее тело на мокрой земле и полежать, не шевелясь и ни о чем не думая...”» (с. 75).

И перспективы, которые ожидают российское общество после окончания войны, для Саянского выглядят вполне конкретно: «Надо надеяться, что, когда кончится тяжелая война, народное здоровье и охранение его получат надлежащее, крупное значение. А если когда-нибудь нашей Родине

вновь придется послать на жадные поля битв миллионы своих детей, то в этих миллионах идущих на тяжелую смертоносную работу здоровых людей будет много действительно здоровых, с крепким сердцем, со здоровыми нервами, стальными мышцами и бодрых духом спортсменов. И, наверное, тогда тонкий, но сильный яд усталости не будет страшен нашим железным полкам и батальонам... многому нас еще научит эта война. Не нас, русских, именно, а все народы Европы. И такие войны, являясь гибелью для миллионов жизней и тормозом для прогресса культуры, в то же самое время служат культуре же. И когда окончится эта страшная война, как горячо поднимется все человечество на создание разрушенных храмов Веры, науки, культуры и искусства! А пока... будем драться, пока есть руки. Уцелеем — тогда станем творить...» (с. 77).

Третья часть книги включает военно-исторический очерк «Первый год войны», написанный С.Н. Базановым и А.В. Олейниковым. Он посвящен характеристике основных операций 1914 г. Примечательно, что авторы не ограничиваются простым описанием хода военных действий, но дают обобщенную аналитическую характеристику основным операциям — Галицийской битве, Восточно-Прусской, Варшавско-Ивангородской, Лодзинской операциям, а также Сарыкамышской операции на Кавказском фронте. Авторы оценивают особенности военных операций, их значение для стратегического и военно-политического положения Восточного фронта в начальный период Первой мировой войны. Данный очерк имеет вполне завершенное оформление и служит не только дополнением к материалам Саянского и Муйжеля, но имеет также самостоятельное научное значение.

И все же нельзя не сделать критических замечаний, присущих, скорее, не содержанию книги как таковой, а ее структуре и техническому оформлению. Прежде всего, нужно было более точно обозначить состав авторов, отделив составителей от тех, кто написал свои тексты почти сто лет тому назад, и указать в заголовке только Саянского и Муйжеля. В сборнике явно не хватает развернутых примечаний. Таковые имеются только применительно к, собственно, литературной части — дневнику Саянского и очеркам Муйжеля. В то же время в материалах, подготовленных Базановым и Олейниковым, примечания и комментарии отсутствуют. Очерк в третьей части книги выглядит несколько схематичным, обобщенным. Некоторые эпизоды боевых операций, очевидно, могли быть описаны более развернуто, в частности, вопросы, связанные с соотношением потерь русских войск и войск противника. Книге также не хватает специально написанного предисловия, в котором авторы объяснили бы свой замысел. Также необходимо

отметить, что в насыщенном событиями и именами издании весьма актуален именно указатель.

Но, в целом, сборник является интересным изданием, которое дает возможность большому кругу читателей ознакомиться с тем, о чем думали непосредственные участники первого года мировой войны.

 Цветков Василий Жанович

доктор исторических наук, профессор
кафедры новейшей отечественной истории
Московского педагогического государственного университета

Ю.А. Бахурин

В.В. БОНДАРЕНКО. ГЕРОИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ*

2013 г. серия «Жизнь замечательных людей» пополнилась книгой известного белорусского историка и писателя В.В. Бондаренко «Герои Первой мировой». Став событием для сегмента отечественной научно-популярной литературы об истории Первой мировой войны, она заслуживает

внимания историков и подробного анализа.

Книга представляет собой сборник очерков, причем интересен отбор персоналий для них. Автор не ограничился привычными биографиями высших военных деятелей — генералов от инфантерии М.В. Алексеева, А.Г. Корнилова, Н.Н. Юденича, а показал ряд героев войны, раскрытых в образах людей, совершивших подвиг на суше (казак Козьма Крючков, гусары братья Панаевы), на море (капитан 2-го ранга П.Н. Черкасов) и в воздухе (первый русский ас А.А. Казаков, экипаж аэроплана «Илья Муромец-XVI»). Не забыт самоотверженный труд армейского духовенства (отец Антоний (Смирнов)) и сестер милосердия (Р.М. Иванова). На страницах книги перед читателем предстает плеяда героев, охватывающая не только небосклон с восходившими и закатами

* М.: Молодая гвардия, 2013. 511 с.

вающимися звездами генералов. Это выгодно выделяет рецензируемую книгу из ряда попыток дать коллективный портрет участников Великой войны¹.

Данный труд основан на солидном массиве опубликованных материалов и первоисточников, автором были задействованы документы в общей сложности восьми центральных и региональных архивов. В тексте издания представлена обширная библиография (с. 502–510), хотя она выиграла бы от разделения наименований на научную литературу и источники, помимо архивных. Наряду с этим в тексте содержатся подробные приложения, раскрывающие вопросы организации и структуры частей Русской императорской армии (в том числе национальных), потерь России в ходе этой войны, чинов, знаков различия и отличия. Они могут послужить ценным подспорьем для всех интересующихся ее историей.

Каждый очерк в книге представляет собой достаточно цельное произведение. Текст отличает внимание автора к деталям, подробное описание

¹ Залесский К.А. Кто был кто в Первой мировой войне. М., 2003; Португальский Р.М., Алексеев П.Д., Рунов В.А. Первая мировая в жизнеописаниях русских военачальников. М., 1994; Порхунов Г.А. Генералитет русской армии в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Омск, 1997 и др.

как биографий героев, так и военных действий. Вместе с тем не во всем и не всегда суждения Бондаренко выглядят оправданными. Например, сложно согласиться с формулировкой автора о том, что «...крупным промахом Алексеева-стратега... стала сдача крепости Новогеоргиевск. Вместо того чтобы эвакуировать эту крепость, Алексеев настоял на ее обороне» (с. 26). Доступные документальные источники свидетельствуют об обратном. На совещании Ставки, состоявшемся 5 июля 1915 г. в Седлеце, командующему фронтом «...разрешено было Иван-город не считать крепостью, но в просьбе Алексеева принять такое же решение относительно Новогеоргиевска, чтобы не запира́ть там гарнизона, Ставкой было отказано»². Получив указание об обороне Новогеоргиевска, Алексеев был бессилён что-либо изменить, однако не сомневался в своей правоте и даже приступил было к подготовительной стадии эвакуации — сбору сведений о состоянии железнодорожных коммуникаций в крепостном районе. Генерал от инфантерии Ф.Ф. Палицын свидетельствовал, что 24 июня (ст. ст.), то есть через два дня после того, как Ставка наложила вето на оставление Новогеоргиевска, Алексеев посылал его к коменданту генералу от кавалерии Н.П. Бобырю, «чтобы разобраться, можно ли оттуда вывезти все ценное»³. Комментируя эти сведения, Н.Н. Головин писал: «Воспоминания генерала Палицына... обрисовывают переживания нашего Главного Командования летом 1915 г. более глубоко, нежели ген. Борисов»⁴, и у нас нет оснований подвергать эту авторитетную точку зрения сомнению.

Немалая часть текста очерка об Алексееве посвящена его участию в «заговоре генералов». Этот вопрос остается дискуссионным не только в научной литературе на протяжении десятилетий, однако автор высказался по нему с известной категоричностью. Между тем точных сведений о встрече генерала с А.И. Гучковым в Севастополе (с. 56) нет. По воспоминаниям А.И. Деникина, на вопрос о своем участии в «перевороте» Алексеев ответил категорическим отказом. Сам Гучков едва ли питал доверие к Алексееву, полтора десятилетия спустя признаваясь о своих письмах начальнику штаба Ставки: «Не ожидаю ответов и не получаю их»⁵.

Более того, после появления первых сведений о «беспорядках» в Петрограде 24–25 февраля 1917 г. Алексеев без промедления отреагировал на за-

² См.: Алексеева-Борель В.М. Аргентинский архив генерала М.В. Алексеева // Военно-исторический журнал. 1993. № 8. С. 52.

³ Палицын Ф.Ф. В штабе Северо-Западного фронта // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. Кн. 5. Белград, 1924. С. 312.

⁴ Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Т. II. Париж, 1939. С. 140.

⁵ Кручинин А.С. Генерал-от-инфантерии М.В. Алексеев // Белое движение. Исторические портреты: А.Г. Корнилов, А.И. Деникин, П.Н. Врангель... М., 2006. С. 57.

просы командующего Петроградским военным округом генерал-лейтенанта С.С. Хабалова и военного министра, генерала от инфантерии М.А. Беляева о поддержке существовавшей власти. Он наметил всего порядка трех дивизий с разных фронтов и из внутренних военных округов для отправки в столицу, чтобы подавить там волнения. Факт невозможности выведения регулярных частей в тыл и их организации для переброски под Петроград в течение считанных дней ставить Алексею в вину, а тем более в злой умысел попросту неоправданно⁶. Версия об участии Алексея в «заговоре генералов» и руководстве им представляется недостаточно основательной в силу ряда деталей. Среди них — отсутствие договоренности между Алексеевым и Рузским, просившим начальника штаба Северного фронта Ю.Н. Данилова запросить подтверждение сведений из телеграммы Ставки № 1833⁷. Следует помнить и о том, что Алексей был довольно конфликтным военным администратором и непростым во взаимоотношениях. Это влияло и на кадровые решения в верхушке армии — например, трения между ним и Ю.Н. Даниловым не позволили последнему остаться во главе Главного управления Генерального штаба⁸. В переписке с сыном Алексей высказывался о коллегах вполне однозначно: «Плохо работал Радко, еще хуже Добровольский, оказавшийся негодным начальником штаба. Иванов обратился за это время совсем в мокрую курицу, Драгом[иров] изнервничался и заменен другим»⁹. Другое дело, что Алексей в силу ли нехватки воли, следуя ли неким личным мотивам, не помешал политическому давлению на Николая II, приведшему к его отречению от престола.

Очерки, посвященные А.А. Брусилову (с. 115–180) и А.Г. Корнилову (с. 181–218), определенно удались Бондаренко. В них, подробно описывая как ход Брусиловского прорыва, так и, например, перипетии побега Корнилова из плена, автор не столь акцентирует внимание на роли обоих генералов накануне и в дни событий марта–февраля 1917 г. Заметно его стремление к объективному обзору — нетривиальная задача ввиду обилия мнений по обоим персоналиям в отечественной историографии и публицистике: «Многое намешано в человеке, и очень просто замазать его какой-то одной краской: черной,

⁶ Цветков В.Ж. Михаил Васильевич Алексей // Вопросы истории. 2012. № 10. С. 32, 33.

⁷ Порошин А.А. Падение русской монархии и генерал М.В. Алексей // Падение империи, революция и Гражданская война. М., 2010. С. 65.

⁸ Кожевникова Г.В. Главное Управление Генерального штаба и Ставка Верховного главнокомандующего: проблема преемственности оперативного управления Вооруженными силами (1914–1917 гг.) // Государственный аппарат в России в годы революции и Гражданской войны. Материалы Всероссийской конференции 22 декабря 1997 г. М., 1998. С. 126.

⁹ Цит. по: «Во имя честности, во имя любви к нашей дорогой России». Письма генерала М.В. Алексея к сыну Николаю // Источник. 1997. № 3. С. 24.

белой или красной» (с. 162). Хотя вовсе избежать политических акцентуаций и ошибок не удалось. Не вполне ясна формулировка автора: «19 апреля 1906 г. генерал-майор Брусилов был назначен командующим 2-й Гвардейской кавалерийской дивизией, а с производством в генерал-лейтенанты 6 декабря того же года стал ее начальником» (с. 119). Так или иначе, назначение Брусилова начальником приходится именно на первую дату¹⁰. На неделю предвосхищена датированная 23 (с. 176), а не 30 мая публикация в газете «Правда» воззвания Брусилова «Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились». В очерке о Корнилове подчеркивается, что он был единственным русским генералом, бежавшим из вражеского плена (с. 191), хотя в апреле—мае 1917 г. это удалось и генерал-майору А.В. Асташеву¹¹; общий список пленных русских генералов в 1914—1917 гг. исчисляется не 73 (с. 190), а 66 фамилиями¹².

Крайне спорным выглядит изображение автором генерала от инфантерии, командующего 1-м Кавказским армейским корпусом Г.Э. Берхмана самонадеянным и бездейственным командующим, едва не погубившим Сарыкамышскую операцию в декабре 1914 г. (с. 230—231). Созданная распоряжением Николая II комиссия во главе с генералом Ф.Ф. Палицыным установила: «Нельзя приписывать одному генералу Берхману неотправку бригады 20 пехотной дивизии к Сарыкамышу...» Он «управлял и руководил всем ходом того дела, которое кончилось большим успехом нашего оружия»¹³. Берхман был удостоен императором предоставления ему под командование армейского корпуса и пожалования заслуженного в декабре 1914 г. ордена Святого Георгия 4-й степени.

О героях войны, гусарах Ахтырского полка братьях Панаевых (с. 336—365) немало писалось в дореволюционной печати, однако вряд ли говорило что-то широкому кругу читателей до последнего времени. Возвращение памяти о них из омута десятилетий — несомненная заслуга Бондаренко. Имена А.А. Казакова (с. 366—390) и Риммы Ивановой (с. 406—424) так же были известны преимущественно специалистам, в отличие, например, от штабс-капитана П.Н. Нестерова и Марии Бочкаревой. Изложение яркой судьбы самого результативного русского авиатора Первой мировой войны следует уточнить

¹⁰ Криворучко А.П. Служба А.А. Брусилова в Офицерской кавалерийской школе и 2-й гвардейской кавалерийской дивизии // Генерал А.А. Брусилов (очерки о выдающемся русском полководце). Тула, 2010. С. 73.

¹¹ Нагорная О.С. Русские генералы в германском плену в годы Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2008. № 6. С. 95.

¹² Гуцин Ф.А., Жебровский С.С. Пленные генералы Российской императорской армии 1914—1917. М., 2010. С. 368—373.

¹³ См. подробнее: Мартыросян Д.Г. Генерал Г.Э. Берхман «управлял всем ходом того дела, которое кончилось большим успехом...» // Военно-исторический журнал. С. 29, 30.

разве что в части тарана, который, по мнению автора, «больше... не повторил ни один пилот ни одной из воюющих сторон» (с. 373). 23 сентября 1916 г. лейтенант Королевских воздушных сил Великобритании Лесли Форбс нанес крылом своего истребителя удар по «Альбатросу» немецкого летчика лейтенанта Ханса Раймана. Тот погиб, Форбс едва сумел посадить поврежденный аэроплан и сам был тяжело ранен¹⁴.

Однако эта и иные немногочисленные ошибки и неточности в тексте не носят принципиального характера. Вызывает удивление разве что неоднократное упоминание Временного правительства, «которое изначально было послушной марионеткой в руках Запада», «организаторов Февральского переворота, “хозяев” и “союзников” по Антанте» (с. 59, 200). Автор категорично утверждает, что глава этого правительства «А.Ф. Керенский “играл” в одной команде с большевиками, которым он должен был передать власть» (с. 207), хотя и оговаривается, что видеть в событиях Февраля 1917 г. исключительно «руку Запада» было бы упрощением. По всей видимости, данная очень популярная и ныне точка зрения (на причины падения самодержавия вообще и роль в нем генералитета — в частности) была почерпнута Бондаренко из конспирологических сочинений российского писателя Н.В. Старикова, не имеющих отношения к исторической науке.

Последнее, скорее стилистическое наблюдение: львиная доля абзацев в тексте книги завершается многоточиями. Вероятно, они служат для обозначения незаконченности высказывания. Сколь подробны ни были бы очерки, что-то всегда останется за рамками самого добросовестного труда и Бондаренко готов это признать. И даже если в данном случае имеет место оттенок пафоса недосказанности, с точки зрения рецензента он уместен.

Столетие событий Первой мировой войны вызывает огромное общественное внимание, что отрадно. Память о ней возвращается и становится востребованной у ширящегося круга неравнодушных к прошлому. И опыт очерков В.В. Бондаренко следует признать в целом удачным и своевременным.

¹⁴ Сеидов И. Оружие смелых // История авиации. 2002. № 1. С.28.

С. В. Девятков

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ ВОЙНЫ

I том шеститомника «Первая мировая война 1914—1918 гг.».

Научный руководитель — генерал-майор запаса, доктор исторических и юридических наук, профессор В.А. Золотарев

Первый том рукописи шеститомника «Первая мировая война 1914—1918 гг.», который готовится под эгидой Министерства обороны РФ, представляет несомненный научный интерес. К работе привлечен широкий круг историков из Российской академии наук, представители военно-учебных научных центров, а также представители Московского и Санкт-Петербургского университетов, Поволжской государственной социально-гуманитарной академии и ряда «силовых ведомств».

В этом первом томе авторы обращаются к вопросам, связанным с подбором и анализом разнообразных исторических источников о Первой мировой войне. Приводится обширная историографическая литература, созданная за столетие. Это тем более важно, что многие десятилетия советская историография обращала минимальное внимание на изучение истории этой войны. Традиционно внимание отечественных историков было приковано к деятельности «левых» партий, выступавших против военных действий, требовавших вести работу по «перерастанию войны империалистической в войну гражданскую» (В.И. Ленин). Относительно неплохо были исследованы военно-исторические аспекты войны, в том числе на российско-германском и российско-австрийском

фронтах. При этом боевая деятельность российских войск за пределами Российской империи, в первую очередь во Франции, фактически оказалась вне поля зрения отечественных специалистов. Представленная рукопись посвящена изучению исторических причин возникновения мировой войны, анализу социально-психологических аспектов в европейских странах, принявших на себя основную ношу военного конфликта. Также в томе подробно анализируется ход военных действий, причем в 4-й главе эта информация дана в хронологическом порядке, что вполне научно оправдано, учитывая цикличность военных действий той войны и принципы планирования операций, существовавших в те годы в Главном штабе.

Авторам впервые, на мой взгляд, удалось так подробно проанализировать участие русских войск в боевых действиях на Западноевропейском и Балканском театрах военных действий, тщательно осветить все грани этой темы, начиная с формирования и отправки русских войск в Европу, участия русских частей в боевых операциях на Западноевропейском театре военных действий и заканчивая подробным описанием революционных волнений в этих частях русской армии, изучением судьбы этих соединений после начала русской революции 1917 года. Отдельно рассматривается история репатриации военнослужащих русских экспедиционных частей, что является новым аспектом изучения этой войны. Впервые в историографии дается столь подробный анализ формирования политического фронта противостоящих государств Европы: в предвоенный период исследуется процесс постепенного складывания двух европейских военно-политических коалиций, анализируются направления внешней политики в канун и во время войны, изучаются военно-экономический и промышленный потенциал противоборствующих государств, мобилизационные возможности, общественно — политическое и социально-экономическое состояние государств-участников войны в период ее подготовки и во время проведения боевых действий. Подобный комплексный анализ является, несомненно, ценной стороной данного тома.

Авторам удалось исследовать сложные и разноплановые элементы истории данной войны на уровне новейших достижений современной исторической науки. Как справедливо ими отмечается, «Первая мировая война — ключевое, поворотное событие в мировой истории и национально-государственной истории России». Используя большой круг источников, авторы смогли показать те кардинальные и одновременно катастрофические цивилизационные изменения, которые реализовались во время и после Первой мировой войны.

Несомненной заслугой авторов стало и то, что они используют значительный объем архивных документов, причем не только из российских, но и зарубежных архивов. Представленные источники дают достаточно полное представление не только о военных мероприятиях 1914–1917 гг., но и позволяют составить целостную картину мировой политики той эпохи, политического, экономического, финансового, социального состояния государств, участвовавших в войне.

Обращает на себя внимание высокое качество научного анализа тех глубинных причин, которые в итоге и привели к началу мировой «бойни». Авторы подошли к решению этой проблемы комплексно, исследовали при этом сформировавшиеся еще в XIX в. противоречия между государствами, взаимные территориальные претензии, планы перекраивания колониальных империй, финансово-хозяйственные и торговые противоречия и многое другое.

Особый интерес представляет изучение теоретических военных и политических доктрин кайзеровской Германии, которые фактически легли в основу немецкой военной политики при подготовке к войне и во время ведения военных действий.

Первый том, несомненно, станет событием в отечественной историографии. Эта книга не просто история военных действий, происходивших в 1914–1918 гг., с описанием всех перипетий военных сражений, ужасающих потерь, стратегических и тактических решений. Это — комплексный научный труд, который всесторонне рассматривает один из переломных этапов мировой истории, показывает глубокую взаимосвязь ключевых тенденций в финансовой, хозяйственной, экономической, политической, социальной жизни, которые в конечном счете привели к страшной войне, а в более широком плане заложили те предпосылки, которые определяли историческое развитие человечества в 20–30 гг. прошлого века и в конечном счете привели к еще более разрушительной Второй мировой войне.

Нельзя не отметить ряд недостатков представленной рукописи. Требуется серьезная редакционная работа над рукописью, где в ряде случаев отсутствуют заявленные в тексте материалы и документы.

В целом, содержание первого тома этого шеститомного издания соответствует современному уровню научных знаний о Первой мировой войне. Научные выводы корректны и обоснованны. В научный оборот вводится значительный объем архивных материалов.

Этот научный труд является самостоятельным законченным научным произведением, вносящим несомненный вклад в развитие научно-исто-

рических знаний о военных событиях первых десятилетий XX в. Считаю целесообразным рекомендовать издание данной работы после проведения необходимой редакторской правки.

 Девятов Сергей Викторович

доктор исторических наук, профессор, советник директора ФСО России,
заведующий кафедры истории России XX–XXI вв. исторического
факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБОРОННЫЙ ЗАКАЗ В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

По документам из архивной коллекции проф. И.Х. Озерова

одготовленность России к войне — традиционный предмет размышлений военных и научных деятелей, писателей и журналистов. Итоги Русско-японской войны вызвали исследования о духовных, политических, экономических причинах поражения России. Именно тогда в печати стали писать, что конечный исход войны зависит не только от результатов сражений, но и от способности государства содержать достаточно мощную армию в течение продолжительной борьбы¹. Необходимость готовить экономику страны, особенно промышленность, к войне осознали и в правящих сферах. Так, в журнале Комиссии, образованной для рассмотрения вопроса о зависимости государственной обороны от русской промышленности, записано о развитии производства материалов и приборов военного назначения: «Принимая во внимание, что в случае войны с Германией и Австро-Венгрией наши западные губернии могут быть заняты неприятелем, при развитии русской

¹ Дорохов Н.И. Взгляды отечественных мыслителей на войну как общественное явление накануне Первой мировой войны // Последняя война Российской империи. Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов. Материалы Международной научной конференции. Москва, 7–8 сентября 2004 года. М., 2006. С. 354–364.

промышленности в целях государственной обороны следовало бы иметь в виду лишь те промышленные заведения, которые находятся (или будут устроены) в районах, наименее доступных неприятельскому вторжению, т.е. внутри империи, а также в южных, восточных и юго-восточных ее областях»². В интересах отечественной промышленности приняли закон об ограничении правительственных заказов за границей и в Финляндии (1907 г.)³.

Тем не менее накануне Первой мировой войны российское правительство размещало часть заказов для военной промышленности в Европе, в частности в Германии. Причины этого хорошо известны: сравнительно поздняя, по сравнению с передовыми странами Запада, индустриализация, ошибки в проведении экономических реформ 1890-х гг., особенно в преобразовании финансовой системы, вызвавшие нехватку капиталов в экономике, необходимость для государства выделять огромные средства на проведение аграрно-крестьянской реформы.

Технологическая зависимость России особенно заметно проявилась в судостроении, несмотря на то что расходы казны в 1907–1914 гг. на строительство флота увеличились на 173,9%⁴. О слабости военно-морских сил писали почти все специалисты того времени. Как сказал один из них, «технически отсталая страна не может свободно давать такие роскошные цветы, как современный корабль из лучших материалов, в котором собраны результаты работ лучших инженеров»⁵.

Громадные потери военно-морского флота в войне с Японией, необходимость в сжатые сроки восстановить Балтийский флот, причем на таком техническом уровне, чтобы предотвратить высадку германского десанта в Прибалтике и захват столицы империи, вынуждали правительство заказывать часть кораблей или комплектующих на иностранных верфях. Согласно сообщению и.д. начальника Главного управления кораблестроения контр-адмирала П.П. Муравьева в Главный морской штаб от 20 декабря 1912 г., на верфях Петербурга, Николаева и Ревеля строили восемь крейсеров, девять миноносцев и 12 подводных лодок. Кроме того, в Германии, на заводе Ф. Шихау, были заказаны малые крейсера: «Муравьев-Амурский»

² Военная промышленность России в начале XX века. М., 2004. Т. 1. С. 231.

³ П.А. Столыпин: программа реформ. Документы и материалы. М., 2003. Т. 2. С. 371–372.

⁴ Мировые войны XX века. Исторический очерк. 2-е изд. М., 2005. Т. 1. С. 191.

⁵ Лукин В.К. Заметки о боевой деятельности Черноморского флота в период 1914–1918 гг. СПб., 2008. С. 59; См. также: Белли В.А. В российском императорском флоте. Воспоминания. СПб., 2005. С. 122–125; Монастырев Н.А., капитан 2-го ранга. Наши подводные лодки во время войны. М., 2003. С. 95–109; Меркушев В.А. Записки подводника, 1905–1915. М., 2004. С. 143–180; и др.

и «Невельский». В записке Морского министерства в Совет министров от 15 сентября 1912 г. говорилось: «...Главное управление кораблестроения остановилось на предложении фирмы “Шихау” построить два малых крейсера по готовым чертежам германского крейсера “Kolberg” в 4 тыс. т водоизмещения, со скоростью 27,5 узла и в сроки для первого — 22 месяца, для второго — 25 месяцев, по цене 3 518 000 руб. за каждый, без артиллерии и минного вооружения, при непременно условии заказа обоих крейсеров. На постройку этих двух малых крейсеров высочайше утвержденным законом 23 июня с.г. определено не свыше 4 млн 80 тыс. руб., без артиллерии и минного вооружения». И далее: «Цена по 875 руб. за тонну представляется в высшей степени дешевой, и благодаря этой цене получается экономия в 1 млн 122 тыс. руб., могущая пойти на покрытие перерасхода по постройке броненосных крейсеров, каковой получается вследствие изменения чертежей броненосных крейсеров — вместо 3-башенных на 4-башенные»⁶.

История показала, что заказ у потенциального противника был серьезным политическим просчетом. Вследствие войны заказ не выполнили. Задаatok, выданный фирме, возвращен не был. Это событие снова заставило задуматься мыслящую часть российского общества о срочном строительстве заводов и подготовке национальных кадров, а с другой — разработать правовую базу о возвращении потраченных денег по окончании войны и компенсациях для тех российских предприятий, которые не получили комплектующие из Германии⁷.

Одним из тех, кто глубоко и профессионально подошел к этой проблеме, был И.Х. Озеров (1869–1942) — ученый-экономист и предприниматель, профессор Московского и Петербургского университетов, член Государственного совета, зам. председателя правления Ленского золотопромышленного общества, член правлений Беломорско-Балтийского общества «И. и П. Данишевские», Горно-промышленного общества «Пеппель и Охмидов» и др.⁸

Убежденный сторонник индустриализации страны, развития кооперации и улучшения жизни рабочих, Озеров задолго до начала войны основное внимание уделял вопросам формирования государственного бюджета, в первую очередь расходам казны⁹. В 1915 г. вышли в свет две его моногра-

⁶ Военная промышленность России в начале XX века. Т. 1. С. 418, 420.

⁷ Об истории заказов в Германии российских подводных лодок см.: Меркушев В.А. Указ. соч. С. 153.

⁸ Подробнее см.: Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): Энциклопедия. М., 2009. Т. 2. С. 144–145.

⁹ Озеров И.Х. Очерки экономической и финансовой жизни. М., 1904; Он же. Русский бюджет. М., 1907; Он же. Как расходятся в России народные деньги? М., 1907; и др.

И.Х. Озеров

фии, где сформулированы не только важнейшие условия победы, но и цель национально-государственного развития России и способы в сжатые сроки ее достичь. По мнению автора, «война в настоящее время тем и страшна, что страны связаны друг с другом и не могут жить вне того общения: у одной страны нет хлеба, и она зависит в этом вопросе от других стран, у другой — нет машин, нет техники и т.д. Россия потому и велика, что по своим естественным условиям она может сделаться самодовлеющей страной, и тогда для нее никакая война не будет страшна; в то время как под гром пушек могут рушиться хозяйства других стран, или опирающихся на внешние рынки, или без того или другого продукта не могущих существовать, мы, при всей нашей огромной территории, громадном населении, наших богатствах, огромном потенциальном внутреннем рынке, можем быть самодовлеющими». И далее: «...мы должны помнить, что поднятие производительных сил нашей страны является одним из лучших средств в борьбе с внешним врагом»¹⁰.

Озеров, доказывая вред казенных заказов иностранным фирмам, ссылался на последствия вышеупомянутого договора о покупке крейсеров, а также комплектующих для российских судостроительных заводов¹¹.

Такие заключения автор делал на основании документов делопроизводства министерств и ведомств, в первую очередь Министерства финансов и Государственного совета, а также материалов периодической печати. В настоящее время эти документы и материалы образуют архивную

¹⁰ Озеров И.Х. За что мы боремся? М., 1915. С. 37–38.

¹¹ Там же. С. 120.

П.Н. Кутлер

коллекцию, хранящейся в Государственном архиве Российской Федерации (ф. 1838). Ознакомление с ними позволяет представить, с одной стороны, насколько широк был кругозор их обладателя, а с другой — малоизвестные стороны экономической политики в начале XX в., в том числе в годы Первой мировой войны.

Публикуемые документы из этой коллекции представляют собой служебную переписку сотрудников Министерства финансов — П.Н. Кутлера и Н.И. Лазаревского, посвященную юридическим и экономическим аспектам договоров с германской фирмой.

Эти документы относятся к декабрю 1914 г., когда стало очевидно, что, во-первых, война приобрела затяжной характер, а во-вторых, вследствие поражения российских войск в Пруссии возросла опасность захвата столицы и балтийского побережья уже весной 1915 г., что потребовало срочного изготовления дубликатов заказанных в Германии судов и механизмов. Кроме того, возник правовой вопрос: каким образом после войны вернуть деньги за невыполненную работу? Он также поднят в публикуемых письмах. Эти документы позволяют прояснить деятельность одного из важнейших ведомств России в самый критический период войны.

Текст документов сверен с оригиналом и публикуется согласно правилам современного правописания, стилистические особенности сохранены. Сокращения раскрываются в квадратных скобках. Исправления и подчеркивания, сделанные авторами документа, оговариваются в подстрочных примечаниях.

№ 1

**Письмо директора Департамента государственного казначейства Министерства финансов Российской империи П.Н. Кутлера¹²
юрисконсульту Министерства финансов Российской империи
Н.И. Лазаревскому¹³**

№ 29 417

15 декабря 1914 г.

**Милостивый государь,
Николай Иванович!**

Морское министерство, заключая с некоторыми русскими судостроительными заводами договоры на постройку судов, между прочим, включало в эти договоры указание на то, что некоторую часть механизмов, точно определенную в договоре, разрешается заказать за границею.

Заказав означенные механизмы в Германии, заводы не в состоянии получить их в настоящее время, вследствие чего возникает вопрос об изготовлении в России дубликатов механизмов¹⁴, заказанных за границею.

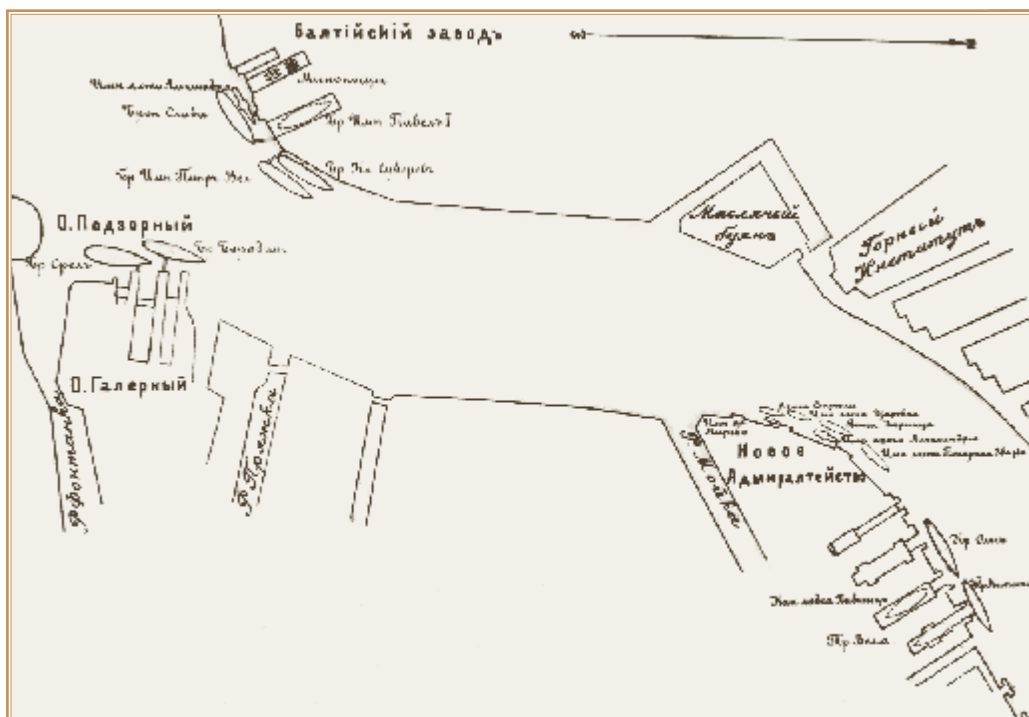
Препровождая при сем письмо по этому вопросу заведующего¹⁵ делами Совецания по судостроению вместе с ходатайствами Общества Путилов-

¹² Павел Николаевич Кутлер (1865–1942) — экономист, управляющий Московской казенной палатой (1909), директор Департамента государственного казначейства Министерства финансов Российской империи (1914–1917), консультант Института экономических исследований при Народном комиссариате финансов СССР (1926–1929).

¹³ Николай Иванович Лазаревский (1868–1921) — юрист, с 1905 г. приват-доцент Санкт-Петербургского университета, затем профессор государственного права на Высших женских курсах в Петрограде, проректор Петроградского университета, кадет. После Февральской революции 1917 г. возглавлял Особую комиссию по составлению основных законов при Временном правительстве. 24 августа 1921 г. приговорен к расстрелу за соучастие в так называемом деле Петроградской боевой организации В.Н. Таганцева.

¹⁴ Слова «об изготовлении в России дубликатов механизмов» подчеркнуты карандашом.

¹⁵ Речь идет, по-видимому, о председателе Морского технического комитета контр-адмирале А.А. Вирениусе, по инициативе которого было созвано в 1908 г. совещание из начальников Балтийского, Адмиралтейского, Ижорского и Обуховского заводов для обсуждения программы судостроения.

Карта-схема «Расположение строящихся судов на Балтийском заводе, Галерном острове и в Новом Адмиралтействе». Из коллекции рукописей Царскосельского дворца.
(ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 77. Л. 79)

ского завода¹⁶ и Русского Балтийского судостроительного и механического¹⁷ по вышеизложенному вопросу, а также три копии заключенных Морским министерством с ними договоров, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство не отказать сообщить, с возвращением приложений¹⁸, Ваше заключение с юридической точки зрения по следующим возникающим по этому делу принципиальным вопросам:

¹⁶ Общество Путиловских заводов — акционерное общество, владевшее Путиловским заводом, железной дорогой, которая соединяла завод с Петербургским портом и предприятиями в Великом княжестве Финляндском. Учреждено в 1873 г. российскими предпринимателями во главе с Н.И. Путиловым совместно с Немецко-Русским торгово-промышленным банком. В конце 1880-х — начале 1890-х гг. осуществило перепрофилирование завода на выпуск преимущественно военной продукции: бронебойных снарядов, артиллерийских орудий, миноносцев. Предприятие стало одним из ведущих конструкторских центров России.

¹⁷ Балтийский судостроительный и механический завод — крупнейшее российское судостроительное предприятие, основанное в 1856 г. Специализировался на изготовлении кораблей с большим водоизмещением: крейсеров, броненосцев, с 1901 г. началось производство подводных лодок. На предприятии изготавливали также механические и электрические двигатели, дирижабли и другую продукцию.

¹⁸ Документы приложения в деле отсутствуют.

1) Потеряли ли свою силу с объявлением войны Германии договоры по исполнению отдельных заказов, заключенные русскими заводами с германскими заводами, или же по заключении мира с Германией означенные договоры вновь приобретут обязательное значение для обеих договорившихся сторон?

2) Если означенные договоры не потеряли своего значения, а только действие их приостановлено на время войны, то могут ли русские заводы после войны отказаться от принятия заказанных на германских заводах предметов, если таковые почему-либо окажутся ненужными, хотя запоздание их последовало вследствие войны?

3) В утвердительном случае, каким способом взыскать с германских заводов суммы, выплаченные им русскими заводами по этим заказам?

4) Имеет ли Морское министерство право требовать от русских заводов, которым заказана постройка судов, сдачи заказанных судов в обусловленные договорами сроки, основываясь на том, что заказ некоторых предметов за границу хотя и был разрешен Морским министерством, но не составлял обязательного условия договора, и

5) Имеют ли право русские заводы, в случае изготовления или заказа дубликатов механизмов, взамен заказанных в Германии, требовать от Морского министерства возмещения убытков, вызванных изготовлением дубликатов, как от потери задатков, выданных германским заводам, так и от большей стоимости дубликатов?

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем к Вам почтении и искренней преданности.

ГАРФ. Ф. 1838. Оп. 1. Д. 749. Л. 22—23.

Подлинник. Машинопись.

№ 2

Письмо Н.И. Лазаревского П.Н. Кутлеру

№ 375

30 декабря 1914 г.

Мил[остивый] гос[ударь] Павел Николаевич!

Письмом от 15 сего декабря за № 29 417 Ваше Прев[осходительство] просили заключения по делу о затруднениях, возникших по поводу неполучения в срок механизмов, заказанных за границей русскими фирмами, заключившими с казною договоры о постройке военных судов.

Вследствие сего¹⁹, останавливаясь особо на каждом из частных вопросов, поставленных в Вашем письме, имею честь сообщить нижеследующее.

По вопросу «потеряли ли свою силу с объявлением войны Германиею договоры по исполнению отдельных заказов, заключенные русскими заводами с германскими заводами, или же по заключении мира с Германиею означенные договоры вновь приобретут обязательную силу для обеих договорившихся сторон», — я нахожу, что прежде всего надлежит иметь в виду, что объявление войны само себе не имеет²⁰ никакого значения для действительности договоров или для приостановки их действия. Война может иметь значение только в качестве обстоятельства, фактически препятствующего исполнению договора.

Так как в действительности это воспрепятствование наступило, то вопрос должен быть поставлен так: в силу непоставки в договоренный срок германскими заводами заказанных у них частей, потеряли ли силу заключенные с ними договоры.

На этот вопрос вполне определенный ответ мог бы быть дан только на основании текста договоров, заключенных русскими завода[ми] с германскими. Эти договоры мне неизвестны, и потому ответ может быть дан только предположительный²¹. Эти договоры, вообще говоря, могут быть составлены одним из следующих двух способов: или, во-первых, они могут быть отредактированы, как сделки «на срок непременно» (иначе называемые «фикс-гешефт»), или же никакой оговорки, придающей такой характер, в них быть не может²².

¹⁹ Слово «сего» вписано чернилами над строкой.

²⁰ Слова «не имеет» вписаны чернилами над строкой.

²¹ Далее зачеркнуто: «В этих договорах».

²² Слова «характер, в них» подчеркнуты карандашом, и слева на полях поставлен вопросительный знак.

В первом случае, т.е. если договоры имеют характер «сделки на срок непременно» (что по самому существу настоящих договоров вообще правдоподобно), то самый факт неисполнения договора к назначенному сроку устраняет обязанность принять исполнение по этому договору и дает права требовать обратно все уплаченные вперед деньги.

Во втором случае, если такой оговорки о том, что вся сделка связана с исполнением ее непременно к определенному сроку, в договорах нет,²³ положение казны (и русских заводов) все-таки твердое, так как они имеют право доказывать, что за просрочкою германским заводом²⁴ принятие заказа для русского завода утратило всякий интерес. Если механизмы²⁵ будут заказаны какому-либо русскому заводу, то утрата интереса в получении германских механизмов²⁶ будет несомненною. Таким образом, различие этих двух случаев (оговорено ли непременно исполнение к сроку или не оговорено) сводится к тому, что если данная сделка есть сделка «фикс», то самый факт просрочки дает право отказаться от последующего принятия исполнения, а если такой оговорки нет, то для того, чтобы добиться права отказаться от принятия исполнения, надо будет доказывать на суде, что опоздавшее исполнение договора утратило для заказчика всякое значение. Это начало прямо установлено в статье 286 Герм[анского] Гражд[анского] Уложения (часть 2), а также признается и практикою Гражданского Кассационного Д[епартамен]та Пр[авительства] Сената (реш[ение] 1884 г. № 140, 1886 г. № 35, 1895 г. № 14 и 62 и др.).

На второй вопрос, а именно: «Если означенные договоры не потеряли своего значения, а только действие их приостановлено на время войны, то могут ли русские заводы после войны отказаться от принятия заказанных на германских заводах предметов, если таковые окажутся ненужными, хотя опоздание их последовало вследствие войны», — ответ уже заключается в соображениях, высказанных мною по первому вопросу.

По третьему вопросу: «В утвердительном случае, каким образом взыскать с германских заводов суммы²⁷, выплаченные им русскими заводами по этим заказам», — имею честь сообщить, что эти суммы могут быть взысканы только судебным порядком. Иск может быть предъявлен как в русском суде (по месту исполнения заказа), так и в германском (по месту

²³ Далее зачеркнуто: «то».

²⁴ Слова «германским заводом» написаны вместо зачеркнутого: «германского завода».

²⁵ Слово «механизмы» вписано карандашом над зачеркнутым: «турбины».

²⁶ Прилагательное «германских» изменено. Ранее было: «германской». Слово «механизмы» вписано карандашом над зачеркнутым: «турбины».

²⁷ Слово «суммы» напечатано над строкой.

жительства ответчика). Во всяком случае, даже если дело будет проведено в русских судах, полученный исполнительный лист надо будет представить в германский суд, который, убедившись в том, что это решение не противоречит публичному порядку Германии, может выдать свой исполнительный лист для взыскания с завода.

По четвертому вопросу, а именно: «Имеет ли Морское министерство право требовать от русских заводов, которым заказана постройка судов, сдачи судов в обусловленные договорами сроки, основываясь на том, что заказ некоторых предметов за границу хотя и был разрешен Морским министерством, но не составлял обязательного условия договора», — я нахожу, что так как переказ за границу не был самовольным действием завода, но был предусмотрен в самом договоре в качестве права подрядчика, то русский завод мог воспользоваться этим правом, но, конечно, на свой страх и риск, отвечая перед казною и за качество доставленного материала и за сроки доставки, совершенно так же, как он отвечал бы за свои собственные действия. Поэтому сама по себе просрочка германского завода не слагает ответственности с русского завода за несвоевременное исполнение подряда. Но и к неисправности также²⁸ и германского завода, ибо ее надо рассматривать как неисправность самого русского завода, должны применяться²⁹ постановления статьи 7-й договора, и если эта неисправность обуславливается причинами, указанными в ст. 216—218 Пол[ожения] Каз[енных] Подр[ядов], то и русский завод не может отвечать за просрочку. Поэтому, поскольку просрочка русского завода обусловлена законною просрочкою германского завода и невозможностью для русского завода, после выяснения неисправности германского завода, своевременно изготовить недополученные части каким-либо иным способом, русский завод за просрочку отвечать не должен³⁰.

По пятому вопросу, а именно: «Имеют ли право русские заводы, в случае изготовления или заказа дубликатов механизмов, требовать от Морского министерства возмещения убытков, вызванных изготовлением дубликатов, как от потери задатков, выданных германским заводам, так и от большей стоимости дубликатов», — я нахожу, что так как заказ механизмов за границу был правом русского завода, которым тот мог и не воспользоваться, то никакие отношения русского завода к германскому и никакие их взаим-

²⁸ Слово «также» вписано карандашом над строкой.

²⁹ Слова «ибо ее надо рассматривать как неисправность самого русского завода, должны применяться» напечатаны слева на полях.

³⁰ Слова «русский завод за просрочку отвечать не должен» напечатаны слева на полях.

ные расчеты казны касаться не могут, и потому вопрос, как именно сложились эти отношения, получил ли русский завод на этом перезаказе какую-либо прибыль или же понес убыток, для казны безразличен: этой прибыли казна не может требовать себе, равно как завод не может требовать с казны своего убытка.

При этом надо иметь в виду, что убыток может состоять только в большей стоимости изготовления механизмов в России, так как, по моему мнению, суммы, выданные германскому заводу в виде авансов или задатков, могут быть с него взысканы обратно, если, как я уже указывал выше, вследствие просрочки германского завода, заключенные с ним договоры могут быть признаны утратившими свое значение.

Письмо заведующего делами Совещения по судостроению, ходатайства Общества Путиловского и Русско-Балтийского завода, а также три копии заключенных с ними договоров при сем возвращаются.

Прошу Вас, мил[остивый] гос[ударь], принять уверение в моем совершенном почтении и искренней преданности.

Н. Лазаревский
ГАРФ. Ф. 1838. Оп. 1. Д. 749. Л. 25—30. Отпуск.
На бланке директора Департамента
государственного казначейства.

Ключевые слова:

Первая мировая война, судостроение, военный флот, экономическая политика,
военный заказ, И.Х. Озеров

Introduction article, text preparation and comments by
Vladimir D. Lebedev

GOVERNMENT'S DEFENSE ORDER AT THE BEGINNING OF THE FIRST WORLD WAR:

Based on the documents from prof. I.H. Ozerov personal archive

At the beginning of the First World War the Russian government was compelled to solve an important problem — to organize operatively the production of warships and machines, which had been previously been ordered in Germany. The presented Letters written by the employee of Ministry of Finance are dedicated to the juridical aspects of this question. The letters were found in the collection of Prof. I.Ch. Ozerov (f. 1838).

Вступительная статья, подготовка текста и комментарии:

 Лебедев Владимир Дмитриевич

кандидат исторических наук, ведущий специалист
Отдела изучения и публикации документов
Государственного архива Российской Федерации

СТРАТЕГИЯ ВАРШАВСКО-ИВАНГОРОДСКОЙ ОПЕРАЦИИ

убликуемые документы отражают стратегические особенности Варшавско-Ивангородской операции, проведенной в сентябре—октябре 1914 г. силами 4, 5 и 9-й армий Юго-Западного фронта и 2-й армии Северо-Западного фронта.

Оперативная разработка этих документов выполнялась командованием Юго-Западного фронта (командующий фронтом генерал от инфантерии Н.И. Иванов и начальник штаба фронта генерал от инфантерии М.В. Алексеев), весьма успешно завершившим к этому времени Галицийское сражение. В приведенных документах отражены особенности полководческого таланта генерала Алексеева, в частности, его постоянное внимание к различным переменам фронтовой обстановки, подчас неожиданным, возникшим в ходе данной операции.

Первый документ отражает анализ Алексеевым потенциально опасных направлений нанесения ударов австро-немецким командованием. В сентябре 1914 г. планы противника основывались на продолжении наступательных действий на Западном фронте и, одновременно с этим, на нанесении сильных ударов по русским войскам, с целью предотвращения возможного вторжения их в Силезию и развития операций в Галиции. Созданная на основе мобилизованных резервов и части кадров 8-й армии, 9-я германская армия (ко-

мандующий армией генерал П. фон Гинденбург и начальник штаба генерал Э. фон Людендорф) готовилась нанести сильный удар на Ивангород и охватить правый фланг Юго-Западного фронта при содействии 1-й австро-венгерской армии, сковывавшей центр русских армий. Между действовавшими разнонаправленно силами Северо-Западного (на Восточную Пруссию) и Юго-Западного (на Галицию) российских фронтов создавался опасный разрыв и противник мог этим воспользоваться. Этого опасался Алексеев, возможно, не вполне обоснованно преувеличивавший потенциальные возможности врага. В этой связи большое значение имела тактическая разведка.

Работавший в генерал-квартирмейстерской части фронта полковник С.А. Марков активно использовал польскую агентуру. Документ свидетельствует, что, изучив сведения о переброске немецких войск из Восточной Пруссии в Силезию, Алексеев достаточно точно предопределил направления ударов немцев и угрозу правому флангу, даже раньше, чем это сделала Ставка.

Второй документ посвящен переговорам с начальником штаба Ставки генералом от инфантерии Н.Н. Янушкевичем, при которых генерал Алексеев отнюдь не отрицал важность предлагаемых главным командованием перемен в направлениях боевых операций. Напротив, соглашаясь с необходимостью перевода части сил от Галиции к Ивангороду и Варшаве, Алексеев сообщал о возможности нанесения встречных упреждающих ударов. Его предложения о временной переброске главных сил фронта с юго-западного на северное и северо-западное направления вполне согласовывались с позицией Ставки Главнокомандующего. Было решено передвинуть три армии (4, 5 и 9-ю) вправо на Вислу, а в районе Варшавы сосредоточить 2-ю армию с Северо-Западного фронта, только что завершившую свое, не вполне удачное, участие в Восточно-Прусской операции. Все четыре армии должны были теперь нанести удар наступающим немцам с фронта и во фланг. Начальный период Варшавско-Ивангородской операции весьма показателен как пример удачной, своевременной перегруппировки сил, широкого маневра, характерного для начального периода Первой мировой войны на Восточном фронте. Показательно и то, что Алексеев при этом не отказывается от перспектив возвращения к боевым операциям на юго-западном направлении (для плотной блокады крепости Перемышль предполагается создание специальной осадной армии), но только после того, как будет устранена опасность удара австро-германских войск на центральном направлении. Здесь можно отметить и отсутствие «оперативного эгоизма», проявившегося подчас в операциях на Восточном фронте, и широту стратегического планирования генерала, уверенного в том, что без разрешения задач по противодействию врагу на других участках фронта невозможно думать об общей победе.

В ходе развернувшихся боевых действий Алексееву удалось «расшифровать» планы противника и предотвратить опасную для Восточного фронта перспективу прорыва австро-германских войск к стратегически важным центрам Привислинского края и, отразив наступление, подготовиться к нанесению сильного фронтального контрудара. О драматическом противоборстве русских армий с врагом в октябре 1914 г. повествуют приведенные ниже документы.

Первоначальные результаты начавшегося контрнаступления давали Алексееву уверенность в том, что в ближайшем будущем станет возможным дальнейшее развитие операций уже на территории Германии и Австро-Венгрии. Алексеев не случайно предполагает продвижение Северо-Западного и Юго-Западного фронтов к Берлину и Вене.

Таким образом, предвоенные стратегические расчеты русского командования о необходимости и возможности нанесения одновременных ударов против Германии и Австро-Венгрии полностью подтвердились результатами завершившейся Варшавско-Ивангородской операции. Русские армии подошли вплотную к границам Германии, реальной стала перспектива вторжения в Силезию, на Познань. Во время преследования была разбита 1-я австро-венгерская армия, фактически брошенная германским командованием на произвол судьбы. По мнению Алексеева, следовало сохранить синхронность в действиях всех армий, проводивших контрудар. Однако к незамедлительному переходу на территорию противника русские войска оказались неподготовленными. Сказывались не только большие людские потери во время оборонительных боев на Висле и Сана, но и все более и более ощущавшаяся нехватка боеприпасов, на что Алексеев обращал особое внимание.

Следует отметить, что ход и результаты Варшавско-Ивангородской операции свидетельствуют о правомерности разработанной еще в конце XIX в. «милютинско-обручевской» общей стратегии боевых операций на «передовом театре». Как показали события первых месяцев войны, для победы над противником совершенно не обязательно было отступать «вглубь» России, оставляя Привислинский край австро-немецким войскам. Опора на крепостные районы, хотя и недостаточно подготовленные к отражению сильных атак врага, использование естественных преград Вислы и Сана, захват плацдармов и дальнейшее развитие наступления на левобережье Вислы — все эти принципиальные установки предвоенных планов вполне подтвердились. Варшавско-Ивангородская операция по праву может считаться образцом русского военного искусства периода Первой мировой войны.

Документ 1

Телеграфное сообщение начальника штаба Юго-Западного фронта генерала от инфантерии М.В. Алексеева генерал-квартирмейстеру Ставки Верховного Главнокомандующего генерал-лейтенанту Ю.Н. Данилову¹ о подготовке австро-немецких войск к наступлению на Варшавско-Ивангородском направлении

№ 1440

11 (24) сентября 1914 г.

Холм

11 сентября разослана армиям следующая ориентировка: сопоставление полученных до 11 сентября сведений приводит к заключению, что на линии Ясло, Тарнов, Мехов, Новорадомс, Серадзь разворачиваются германо-австрийские войска. В частности, сведения указывают на нахождение 8 сентября в Серадзь 6000, в Велюнь 10000, в Ченстохов 4 000, в Варта — скопление будто бы крупных кавалерийских масс, в Ставишин, Малянов, Рыхваль — небольших отрядов; на перевозку 5 сентября 11-й дивизии 6-го корпуса из Острово в Крейцбург, на закончившийся подвоз саксонских 12-го и 19-го корпусов² в Бреславль, Краков, даже Тарнов; 8 сентября шли на восток большие германские силы через Заверце, Янов, Ченстохов, Щекоцины; отмечается наступление от Бендина на Славков, Олькуш, Мехов. Можно предполагать, что намечается наступление, которое по форме разворачивания может быть направлено: первое — на Серадзь, Петроков, устье Пилицы, второе — на Велюнь, Новорадомск, Конск, Радом, Ивангород, третье — на Ченстохов, Кельцы, Юзефов, Аннополь, четвертое — на Люблинец, Щекоцины, Андреев, Опатов, Сандомир, пятое — на Бендин, Славков, Мехов, Стопница, Ратае, Щучин, Мелец. На левом фланге — кавалерия от Варта. Наступление обеспечивает пехота, находящаяся около Слупцы, Влоцлавск. Можно допустить, что начальные пункты этих направлений пройдены германцами между 6 и 8 сентября, подход к линии Вислы между 16 и 18 сентября, к линии Вислока, Мелец, Ясло — ранее. От Тарнов, Ясло, Санок может последовать более ранний демонстративный удар австрийцев, отвлекающий сюда наше внимание. Трудно пока определить силы германцев, кроме 3—4 полевых корпусов, уже наметившихся, во

¹ Юрий Никифорович Данилов (1866–1937) — генерал от инфантерии, в 1914 г. генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего, в 1915 г. после перевода великого князя Николая Александровича на должность наместника Кавказа командир 25-го армейского корпуса, в 1916–1917 гг. начальник штаба Северного фронта.

² Неверные сведения.

Схема 1. Варшавско-Ивангородская операция. Сентябрь—октябрь 1914 г.

всяком случае, нужно принимать во внимание не менее четырех резервных корпусов. С другой стороны, имеются данные, говорящие, что все сведения о сосредоточении и наступлении германских сил преувеличены, что дело сводится к мерам предосторожности против нас. Отсюда следует вывод: 1) вышеизложенное служит только основанием для лучшего выяснения обстановки, 2) главнейшая задача нашей конницы — проверить возможно скорее положение дел на всем фронте вообще, главное — на левом берегу Вислы.

Алексеев

Варшавско-Ивангородская операция.

Сборник документов Мировой империалистической войны на русском фронте (1914–1917 гг.). М., 1938. С. 108–109.

Документ 2

**Переговоры начальника штаба
Ставки Верховного Главнокомандующего генерала от инфантерии
Н.Н. Янушкевича³ с М.В. Алексеевым о перегруппировке
войск Юго-Западного фронта для отражения
австро-германского наступления**

16 (29) сентября 1914 г.

Барановичи — Холм

Янушкевич: Михаил Васильевич, я у аппарата, здравствуйте. Простите, что потревожил, дело неотложное. Вы лучше меня знаете обстановку на левом берегу Вислы, она подтверждается сегодня сведениями Северного фронта, по-видимому, против Николая Владимировича⁴ ландверные, резервные части, а все полевые, вероятно, на фронте Познань, Ченстохов, Краков. Таким образом, фронт Вислы приобретает сейчас сугубо важное значение, нужна поэтому соответствующая власть, вернее, соответствующее важности операции управление, поэтому, чтобы возможно улучшить средства для этой операции, теперь же начинается переброска 2-го сибирского и 1-го армейского корпусов в район, примерно, Варшава, Гарволин, а затем, когда с Божией помощью генерал Рузский выправит и сузит свой фронт, то туда же к Варшаве будут переброшены еще 2—3 корпуса. Следовательно, Вы сами видите, какое значение приобретает фронт Ново-георгиевск, Варшава, Сандомир, Перемышль. Только Николай Иудович⁵

³ Николай Николаевич Янушкевич (1868—1918) — генерал от инфантерии, в 1914 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего, в 1915 г. после перевода великого князя Николая Николаевича на должность наместника Кавказа его помощником по военным вопросам. После Февраля 1917 г. уволен со службы, в начале 1918 г. арестован в Могилеве и погиб в результате самосуда.

⁴ Николай Владимирович Рузский (1854—1918) — генерал от инфантерии, в 1914 г. командующий 3-й армией Юго-Западного фронта, в сентябре 1914 г. командующий Северо-Западным фронтом, в 1915 г. командующий Северным фронтом. Активно настаивал на отречении Николая II от престола. В апреле 1917 г. вышел в отставку и уехал лечиться в Кисловодск.

⁵ Николай Иудович Иванов (1851—1919) — генерал от артиллерии, в 1914 г. командующий Юго-Западным фронтом. Руководил войсками во время Галицийской, Варшавско-Ивангородской, Карпатской операций. В 1916 г. заменен генералом А.А. Брусиловым. 27 февраля 1917 г. командующий войсками Петроградского военного округа и наделен чрезвычайными полномочиями. После прихода к власти Временного правительства арестован. В конце 1917 г. уехал в Новочеркасск.

и Вы, Михаил Васильевич, можете правильно и удачно разрешить эту, по всей вероятности важнейшую в близком будущем задачу. Верховный Главнокомандующий (великий князь Николай Николаевич Романов)⁶ решил поставить во главе всего этого фронта Николая Иудовича и Вас, подчинив Вам все армии от Новогеоргиевска и до Карпат включительно. Буде признаете нужным, Вам будет предоставлена возможность объединить действия 3-й и 8-й армий, оставляя их в своем подчинении. Несомненно, придется, вероятно, усилить Вислянский фронт, не только, как я говорил, за счет Северного фронта, но и за счет Галицийской группы, но это, конечно, дело будущего, а равно и Вашего усмотрения. Больно и обидно, что приходится останавливать победное Ваше шествие, больно сознавать, что для полной паники австрийцев нужен был бы день или два работы Лечицкого⁷ и Эверта⁸, но серьезность опасности для Вас и для общего дела от Калиша до Познани слишком очевидна. Вот суть того, что хотелось Вам передать с уверенностью, что Вы и Главнокомандующий пойдете навстречу пожеланиям Верховного и, как всегда, поставите долг выше всего, простите за это указание, оно невольно вырвалось, вспоминая наше последнее свидание и некоторую огорченность Николая Иудовича. Я кончил.

Алексеев: Здравствуйте, Николай Николаевич, думаю, что генерал Иванов посмотрит на дело именно с этой точки зрения и должен будет принять на себя то тяжелое ответственное дело, которое ему предполагает вручить Верховный Главнокомандующий. Скажу откровенно, за последние дни генерал Иванов чувствует себя физически утомленным и нездоровым, но полагаю, что верный долгу он не будет противиться воле

⁶ *Николай Николаевич Романов (младший)* (1856–1929) — великий князь, сын великого князя Николая Николаевича (старшего), третьего сына Николая I, генерал-адъютант Свиты Его Императорского Величества, генерал от кавалерии. С августа 1914 г. по август 1915 г. Верховный главнокомандующий всеми Вооруженными силами России, с 23 августа 1915 г. наместник на Кавказе и командующий Кавказской армией. После отречения Николая II от престола Верховный главнокомандующий 2–9 марта 1917 г., затем выехал в Крым.

⁷ *Платон Алексеевич Лечицкий* (1856–1921) — генерал от инфантерии, в 1914 г. командующий 9-й армией в Галицийской битве, Варшавско-Ивангородской операции. В мае 1917 г. вышел в отставку.

⁸ *Алексей Ермолаевич Эверт* (1857–1926) — генерал от инфантерии, в 1914 г. командующий 4-й армией, участник Галицийской и Варшавско-Ивангородской операций, в 1915 г. командующий Западным фронтом. В феврале 1917 г. высказался за отречение Николая II от престола, в марте 1917 г. снят с должности командующего и уволен от службы.

Верховного. Говорю это исключительно для Вашего сведения, видя только каждый день сильное утомление генерала Иванова. Группу у Перемышля, конечно, нужно будет объединить в одних руках. Как только наши войска станут, согласно последним указаниям, которые Вам известны, тотчас же намечено дать дополнительно [указание, а именно]: от генерала Брусилова⁹ передать корпус генералу Дмитриеву¹⁰. Этой сильной армии поручить реку Сан, а армия генерала Плеве¹¹ составит резерв, примерно за серединой нашего фронта, отсюда она может в непродолжительном времени быть на Висле. Готовим мосты для массового перехода, когда будет возможно, всех трех армий. Сейчас буду докладывать Главнокомандующему о желательности выдвижения по железной дороге к Радому одного корпуса, чтобы обеспечить развертывание генерала Эверта на левом берегу. Конечно, этот корпус не будет подставлен для отдельного поражения. Генералу Лечицкому будет дан совет выдвинуть к Опатову стрелковую бригаду, обеспечив мостами у Завихост и Аннополь. Скорейшее прибытие без замедлений к Варшаве двух корпусов уже само по себе составит такое важное и серьезное усиление нашего положения на Висле, что немцам придется немного замедлить развитие своей операции и несколько сузить широкий фронт своего смелого наступления. Выигрыш нескольких дней для нас очень важен, дороги грязны, передвижения совершаются медленно. Нужно 4–5 дней, считая от 16 сентября, чтобы передать Перемышль резервным дивизиям и освободить полевые войска Дмитриева для операций. Еще дней пять нужно, чтобы поставить Плеве в резерв. Если к Варшаве войска начнут прибывать 17–18 числа, и притом, конечно, кучно, то необходимое время, мне кажется, мы получим. А затем нужно просить

⁹ *Алексей Алексеевич Брусилов* (1853–1926) — генерал от кавалерии, во время Первой мировой войны командовал 8-й армией, участвовал в Галицийской, Карпатской операциях, в 1916 г. командующий Юго-Западным фронтом, в июне 1916 г. провел успешное наступление Юго-Западного фронта, в феврале 1917 г. поддержал отречение Николая II от престола, в мае 1917 г. Верховный главнокомандующий, после неудачного наступления в июне 1917 г. отправлен в отставку.

¹⁰ *Радко Дмитриев (Радко Русков Дмитриев)* (1859–1918) — после начала Первой мировой войны и выступления Болгарии на стороне Германии принял российское подданство и принят на русскую службу в чине генерал-лейтенанта, командовал 8-м армейским корпусом 8-й армии. В 1916 г. командующий 12-й армией Северного фронта. В июле 1917 г. снят с должности и зачислен в резерв.

¹¹ *Павел Адамович Плеве* (1850–1916) — генерал от кавалерии, в 1914 г. командующий 5-й армией, участвовал в Галицийской битве, Варшавско-Ивангородской и Лодзинской операциях, в январе 1915 г. командующий 12-й армией, затем 5-й армией, в декабре 1915 г. командующий Северным фронтом, в феврале 1916 г. освобожден от командования по состоянию здоровья.

помощи у Господа сил и Его Воле предоставить участь следующей операции. Во всяком случае, союзники наши не имеют оснований претендовать на нас, поражение австрийцев изменило существенно положение дел и отвлекло и [к нашей] западной границе и силы и внимание Вильгельма¹², конечно, грустно, что не удалось довершить разложение австрийцев, но обстановка выше наших желаний. Я кончил.

Янушкевич: Еще одно слово, генерал Селиванов¹³ (назначен командующим Блокадной (потом 11-й) армией, осаждавшей Перемышль) едет в Холм без штаба, Будберг¹⁴ (генерал-квартирмейстер 10-й армии, бывший начальник штаба Владивостокской крепости, предназначался начальником штаба Блокадной армии) остался в 10-й армии, очень прошу иметь это в виду; вместе с тем, простите за совет, обставьте возможно мягче подчиненное положение Селиванова, он старше по службе, но человек долга и безусловно твердый. Я кончил, всего лучшего.

Алексеев: До свидания, будьте здоровы.

**Варшавско-Ивангородская операция.
Сборник документов Мировой империалистической войны
на русском фронте (1914–1917 гг.). М., 1938. С. 37–38**

¹² Имеется в виду император Германской империи Вильгельм II.

¹³ *Андрей Николаевич Селиванов* (1847–1917) — генерал от инфантерии, в 1914 г. командующий Блокадной армией (будущая 11-я армия), осаждавшей крепость Перемышль. В апреле 1915 г. по состоянию здоровья вышел в отставку.

¹⁴ *Алексей Павлович Будберг* (1869–1945) — генерал-лейтенант, в 1914 г. генерал-квартирмейстер штаба 10-й армии, затем начальник штаба 10-й армии, в 1915 г. начальник 40-й пехотной дивизии, начальник 70-й пехотной дивизии, в апреле 1917 г. командир 14-го армейского корпуса, в ноябре 1917 г. отправлен в командировку в Японию, где жил до апреля 1918 г.

Документ 3

**Переговоры Н.Н. Янушкевича и М.В. Алексеева
об общем положении на фронте и о подготовке контрудара
из района Варшавы¹⁵**

Ночь с 28 на 29 сентября (11–12 октября) 1914 г.
Барановичи — Холм

Янушкевич: Михаил Васильевич, я здесь, у аппарата, и Верховный Главнокомандующий здесь; генерал Иванов просит Верховного Главнокомандующего приехать в Холм; из обеих телеграмм не вполне ясно, зачем желателен наш приезд; из той обстановки, которую Вы нам сообщили, казалось бы, что положение генерала Шейдемана¹⁶ в Варшаве, с его тремя с лишним корпусами, не столь серьезно, и что положение 23-го и 2-го корпусов на левом берегу было бы выгоднее, чем их отход на правый для движения в Варшаву; скорее можно считать, что очищение Вислы у Гарволин даст возможность противнику, выставив заслоны против Шейдемана, прорвать здесь Вислу и тем самым заставить очистить Варшаву, быть может, даже без боя.

¹⁵ 15 сентября 1914 г. 9-я немецкая армия, при поддержке 1-й австро-венгерской армии, начала наступление на Ивангород, однако, достигнув Вислы по линии Сандомир — Ивангород, встретила упорную оборону русских армий, уже подготовленных к отражению наступления. Тогда немецкое командование решило «обходным маневром» выйти за пределы, как ему представлялось, «сплошной» линии русской обороны и нанести удар на Варшаву. С этой целью была сформирована группа под командованием генерала А. фон Макензена, будущего «гения прорыва», как его называли. Макензен развил энергичное наступление к Варшаве, пытаясь захватить город «с ходу», однако на подступах к нему встретил упорное сопротивление войск 2-й русской армии. От его прочности зависела судьба Варшавы. Алексеев серьезно беспокоился за стойкость этой армии, находившейся под командованием генерала от кавалерии С.М. Шейдемана, и был уверен, что только активные, решительные действия против Макензена принесут успех. Примечательно, что Алексеев, в соответствии с собственными взглядами на крепостную оборону «передового театра», не исключал возможность использования линии пригородных фортов Варшавы, хотя их состояние было уже не столь надежным, ввиду сокращения предвоенных расходов и уничтожения ряда укреплений.

¹⁶ *Сергей Михайлович Шейдеман* (1857–1922) — генерал от кавалерии, в 1914 г. участвовал в Восточно-Прусской операции и после самоубийства командующего армией генерала Самсонова принял командование 2-й армией. Отстранен от командования армией в декабре 1914 г., переведен на должность командира 1-го Туркестанского армейского корпуса. Участвовал в прорыве Юго-Западного фронта в мае — июне 1916 г. В июне 1917 г. зачислен в резерв чинов при штабе Киевского военного округа. В ноябре 1917 г. командовал 10-й армией, а в 1918 г. военный руководитель Рязанского отряда завесы Московского района.

Алексеев: Положение общее, конечно, не таково, чтобы оно внушало опасение; нужно время, чтобы подтянуть все войска и дать им такую группировку, которая дала бы им возможность при сложившейся обстановке атаковать немцев, так что по этому вопросу Главнокомандующий не стал бы беспокоить Верховного Главнокомандующего. В частности, положение 23-го и 2-го корпусов, имеющих в тылу одну переправу, нельзя считать на левом берегу благополучным при том условии, что генерал Шейдеман отойдет на линию Варшавских фортов. Послав за ним один корпус, остальные силы немцы могут направить против генерала Данилова, и так будет продолжаться то же, что 2-я армия делала в течение двух дней, то есть подставляла под удары противника несобранные части. Оставление на левом берегу генерала Данилова было бы соответственно в том случае, если бы он мог развить наступательные действия во фланг и тыл немцам; но для этого нужно, чтобы генерал Шейдеман остался на тех позициях, которые он занимал сегодня, и чтобы генерал Данилов разбил того противника, который действовал сегодня против него с полудня. На первое рассчитывать нельзя, второе возможно, но до той минуты, пока немцы не увидят, что главная масса войск отошла за форттовую линию, и на левом берегу осталась изолированная группа из двух корпусов.

Руководствуясь этими соображениями, генерал Иванов приказал отвести назад войска генерала Данилова — именно, чтобы не дать случая наносить нам удары по частям. Конечно, можно задержать эти два корпуса на правом берегу Вислы для парирования попыток перехода немцами Вислы, но нам нужно иметь в Варшаве собранные войска для нанесения противнику удара. Главнокомандующий, по-видимому, хочет доложить вопрос о порядке управления войсками 2-й армии: по-видимому, у него нет веры в то, что в ближайшем будущем этот порядок изменится и обеспечит успех даже при сборе вполне достаточных сил; это более всего заботит генерала Иванова; я говорю, правда, по догадке, не зная истинных намерений и желаний Главнокомандующего, а попутно и об общем положении дел на фронте. Я кончил.

Янушкевич: Против нахождения 23-го и 2-го корпусов на правом берегу Вислы и не возражали, а сомневались лишь о пользе переброски их в самую Варшаву, в этом и было сомнение. Что же касается вопроса управления, то генералу Иванову с первых дней августа была предоставлена полная свобода всяких перемещений; ему виднее, на кого он может положиться; новых лиц в распоряжении Верховного Главнокомандующего

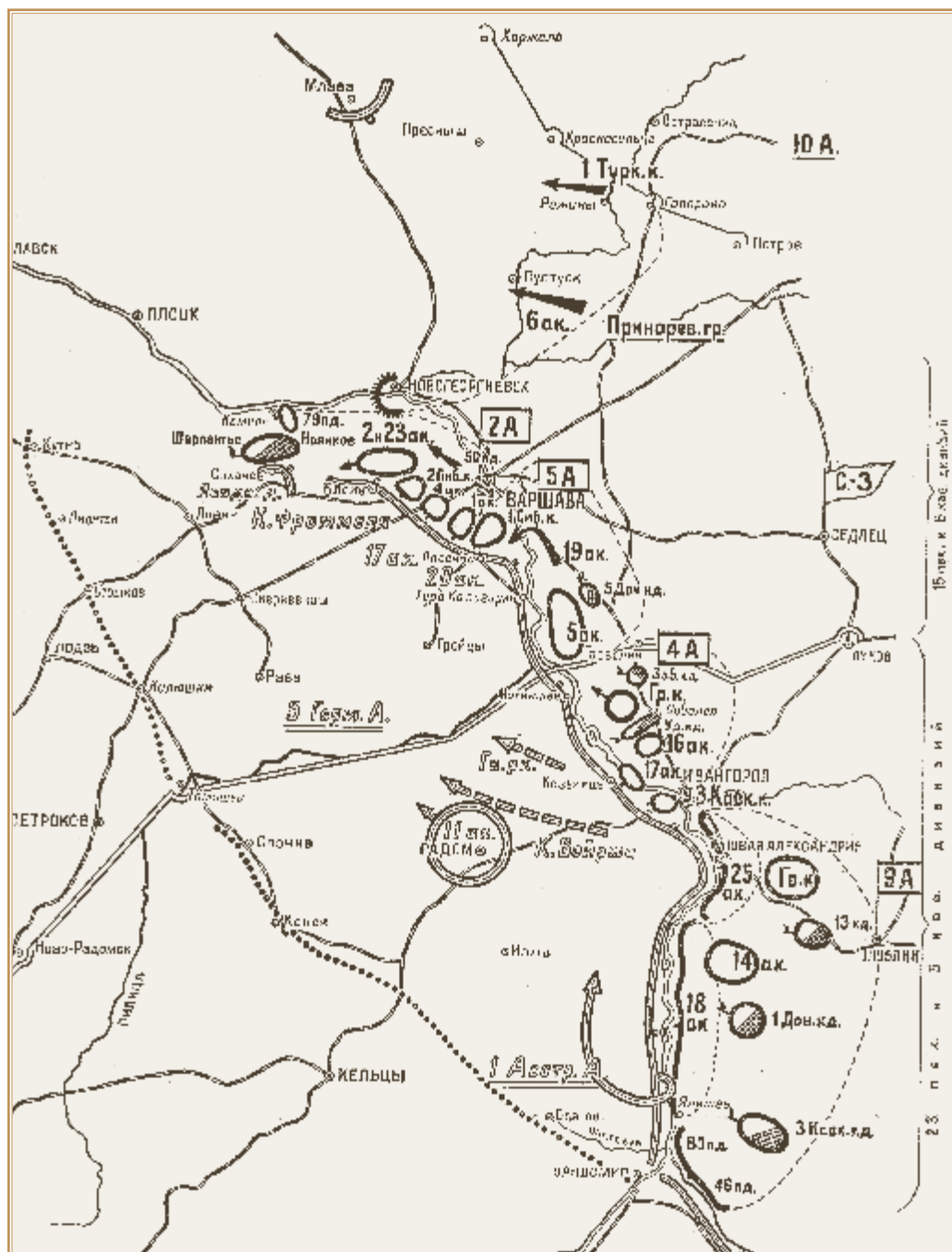

Схема 2. Положение противоборствующих сторон
перед наступлением 2, 4 и 5-й русских армий.
26 сентября (9 октября) 1914 г.

нет. Таким образом, генерал Иванов волен назначить то лицо, которому он больше всего доверяет, на что Верховный Главнокомандующий, как и всегда раньше, изъявляет свое согласие; если же тем не менее генерал Иванов признает необходимым приезд Верховного Главнокомандующего, то мы можем выехать через час и, следовательно, между 8-ю и 9-ю быть в Холме; ожидаю ответа.

Алексеев: Разрешите сходить к генералу Иванову; доложу Вам через 5—7 минут.

Янушкевич: Хорошо, если это нужно для спокойствия генерала Иванова, то Его Высочество согласен приехать (генерал Алексеев уже ушел, заявление это отдаю дежурному).

Алексеев (по возвращении): Генерал Иванов выразил желание иметь личный доклад Его Императорскому Высочеству.

Янушкевич: Хорошо, будем.

*Варшавско-Ивангородская операция.
Сборник документов Мировой империалистической войны
на русском фронте (1914—1917 гг.). М., 1938. С. 155—157*

Документ 4

Переговоры М.В. Алексеева с начальником штаба Северо-Западного фронта генерал-лейтенантом В.А. Орановским¹⁷ о необходимости усиления обороны Варшавы¹⁸

30 сентября (13 октября) 1914 г.

Холм — Варшава

Алексеев: Я получил Вашу телеграмму о переходе в Ваше подчинение 2-й и 5-й армий, ответ на Ваши вопросы будет послан скоро. Разрешите теперь сказать Вам несколько слов совершенно доверительно, только для Вашего сведения, но во имя общего дела и пользы: оставлять 2-ю армию в Варшаве в отношении управления ею, как она находится сейчас, невозможно; может окончиться очень печально, несмотря на то, что положение, в сущности, прочное, не могло бы внушать опасений. 28 числа в армии было два с половиной корпуса, противник атаковал примерно тремя, управление боем почему-то было поручено генералу Сычевско-

¹⁷ Владимир Алоизиевич Орановский (1866–1917) — генерал от кавалерии, в 1914 г. начальник штаба Северо-Западного фронта, в 1915 г. командующий 1-м кавалерийским корпусом. В апреле 1917 г. командир 42-го отдельного армейского корпуса, в июле 1917 г. в резерве чинов при штабе Петроградского военного округа. После выступления генерала Корнилова в августе 1917 г. погиб в результате солдатского самосуда.

¹⁸ Озабоченность Алексеева устойчивостью 2-й армии была обусловлена вполне конкретной перспективой, которая предполагалась к осуществлению русским командованием: нанесением сильного флангового удара по наступающим войскам 9-й германской армии. Между тем боеспособность 2-й армии и степень решительности ее командования, очевидно, вызывали у Алексеева серьезные опасения. Этим, во многом, было продиктовано обращение к начальнику штаба Северо-Западного фронта генерал-лейтенанту Орановскому с просьбой о личном вмешательстве в оборону Варшавы. Город нужно было отстоять не только с точки зрения его значения как важного железнодорожного узла и пункта сосредоточения сил, предназначенных для контрудара по германским войскам, но и с точки зрения его важности для укрепления российских позиций в Привислинском крае. Необходимо отметить также, что в сентябре 1914 г. Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич заявил о «воссоединении польского народа воедино под скипетром русского царя», поэтому удержание «Польского выступа» было принципиально важным и с геополитической точки зрения. Алексеев был убежден в важности тактической концентрации максимально возможного количества сил у Варшавы. Ожидался подход корпусов из Сибири, и совместно с ними сосредоточенный удар по группе Макензена привел бы к несомненной победе, своего рода «реваншу» 2-й армии за неудачи в Восточно-Прусской операции.

му¹⁹. Со стороны армии не было проявлено никакой деятельности; к вечеру, несмотря на то, что у Гура Кальвария окончил переправу на фланге неприятеля один корпус, а ночью успел бы переправиться и другой, командующий армией заявил, что далее держаться он не может и отводит армию к фортам. Создалось трудное положение для переправившегося через Вислу корпуса, его пришлось убрать и лишиться выгодного положения. Вчера был получен приказ 2-й армии на случай дальнейшего боя, он весь состоял из десяти строк, так как все поручалось генералу Баланину²⁰ и требовалось лишь разместить полевые войска в промежутках между фортами. Иванов телеграммой потребовал непосредственного участия генерала Шейдемана и его штаба во всех подготовительных распоряжениях для боя: вывести войска из фортовой линии, дать задачу каждому корпусу, кавалерии, сделать распоряжение об обозах, мостах, образовать сильные резервы, обдумать вопрос о контратаке и прочие указания, без которых вести бой немыслимо; нужно сказать, что сосредоточено теперь почти полностью 4 корпуса, не считая полторы резервных дивизии генерала Баланина — сила большая, имея в виду, что еще 2 корпуса стоят на правом берегу Вислы, в расстоянии двух переходов от Варшавы. Ночью сегодня получен приказ по армии, но такой, веровать в который невозможно; у меня является опасение, что если на месте не будет твердой направляющей руки, не будет мысли определенной, ясной, понимающей, чего она именно хочет, ведение боя будет беспорядочным, а Вы знаете, чем грозит это, имея в тылу тесный плацдарм, крупный населенный пункт и малое количество мостов. Сегодня немцы еще не могут начать боя решительного; быть может, завтра начнется авангардный бой и сосредоточение тяжелой артиллерии; этим временем нужно было бы воспользоваться, чтобы так или иначе организовать управление. От работы 2-й армии в течение ближайших дней, пока успеют окончить переправку войск и сосредоточение, зависит весь успех задуманного удара. Вы сами знаете политическое значение Варшавы и необходимость ее сохранения в наших руках, но еще более важно ее военное значение, как

¹⁹ *Аркадий Валентинович Сычевский* (1860–?) — генерал от инфантерии, в 1914 г. командир 2-го Сибирского армейского корпуса, участник Варшавско-Ивангородской операции, в 1915 г. командир 4-го Сибирского армейского корпуса, затем командир 23-го армейского корпуса, в 1916 г. командир 7-го армейского корпуса. В апреле 1917 г. зачислен в резерв чинов при штабе Одесского военного округа, в мае 1917 г. уволен от службы.

²⁰ *Дмитрий Васильевич Баланин* (1857–1930) — генерал от инфантерии, в 1914 г. командир 27-го армейского корпуса, в 1916 г. командующий 11-й армией, в 1917 г. переведен в резерв чинов при штабе Киевского военного округа. В мае 1917 г. уволен в отставку.

плацдарма для развертывания большей части тех значительных сил, которыми предположено наносить удар левому крылу немцев. Не менее важно организовать, хорошо обдумать ведение боя и, на всякий случай, эвакуацию левого берега, хотя, имея 4–5 корпусов, думать об этом было бы грешно, но — при беспорядочном ведении боя — возможно. Этот вопрос настолько озабочивал генерала Иванова, что он изыскивал все меры изменить условия и порядок управления армией. Сегодня армия переходит к Вам; проводить в жизнь какие-нибудь меры было бы уже неуместно, так как это могло бы разойтись с Вашими взглядами и желаниями, но я, по долгу службы, должен Вас предупредить, что необходим или личный Ваш переезд в Варшаву, или присылка доверенного лица, которое было бы уполномочено давать указания. Думаю, что эти указания будут приняты, нужна твердая рука, чтобы эти указания исполнять, оставить дело так, как оно стоит, еще на один-два дня — безусловно, опасно. Я высказал Вам все с той откровенностью, как этого требует важность минуты; прошу Вас весь этот разговор считать предназначенным для Ваших сообщений.

При наступлении на 2-ю армию выпадает обязанность сложная, требующая маневра и подвижности, управление 2-й армией в современном составе с такой задачей не справится. Всего будет в районе Варшавы на обоих берегах Вислы собрано 10 корпусов, если подвезут 2 Ваших; разделить все это только на две армии неудобно — очень грузно. Присылайте скорее штаб 10-й армии, который и должен будет взять распоряжения для ближайших дней в свои руки; обстановка пока не сложна, изучать ее долго не нужно. Извините за то, что я высказал свое мнение, оно, быть может, идет вразрез с Вашим, но высказать его считал нужным, потому что убежден в необходимости иного управления сейчас войсками, собранными под Варшавой.

Орановский: Благодарю за сообщение. Приму все во внимание. До свидания.

*Варшавско-Ивангородская операция.
Сборник документов Мировой империалистической войны
на русском фронте (1914–1917 гг.). М., 1938. С. 209–210*

Документ 5

**Телеграфное сообщение М.В. Алексеева Ю.Н. Данилову
о планах австро-немецкого командования овладеть
переправами через Вислу²¹**

№ 2201

3 (16) октября 1914 г.

Холм — Барановичи

Из источников, заслуживающих доверия, получены сведения: 1) В Радом прибыл штаб кронпринца²², отличающийся большой подвижностью; прибытие это обычно предшествует развитию более или менее серьезных предприятий. 2) В данное время наибольшая часть германских сил находится на фронте Юзефов, Козенице; здесь до 10 дивизий, не считая стратегического резерва в районе Радом, Илжа; в состав этого резерва прибыла из Торнского района дивизия 9-го корпуса. 3) В Петроковский район ожидается прибытие 2 дивизий с Бельгийского театра. 4) Основой плана действий нашего противника является неудавшаяся попытка австрийцев в августе месяце после переправы через Вислу на участке Козенице, Юзефов, обхода направлений Люблин, Холм; намеченный для изучения путей район совпадает с этой мыслью. Два корпуса у Козенице встретили крайне упорное, сильное сопротивление; опрос пленных указывает, что здесь гвардейский корпус, в составе которого гвардей-

²¹ Немецкие атаки на Варшаву оказались безрезультатными, и под давлением русских войск, усилившихся за счет подхода свежих корпусов из Сибири, противник перешел к обороне. Наступал перелом в ходе операции. Теперь австро-германское командование приняло решение перенести направление главного удара на левый фланг русских войск. Здесь 1-я австро-венгерская армия должна была форсировать р. Сан, однако ей не удалось выполнить данную задачу. Ожесточенные бои начались у крепости Ивангород, опираясь на которую командование Юго-Западного фронта держало под угрозой левобережье Вислы. Приведенное сообщение показывает, что Алексеев хотя и верно оценил вероятность развития наступательных действий, не совсем точно представлял себе наличие у противника конкретных воинских частей. Здесь уже уместно было бы говорить об ошибках русской разведки. Но, в целом, подготовка контрударов была проведена на высоком уровне. С точки зрения тактики ведения операций, Алексеев отмечал необходимость обязательного сосредоточения сил и недопустимость введения резервов «по частям». Показательно стремление генерала к максимально «синхронному» взаимодействию армий, последовательному нанесению ударов по противнику.

²² Ошибочные сведения разведки касались, возможно, прибытия на фронт штаба 5-й германской армии кронпринца Фридриха Вильгельма Виктора Августа Эрнста Прусского, сына Вильгельма II, находившейся в это время на Западном фронте. Также неверными оказались сведения относительно прибытия из Торнского района дивизии 9-го корпуса и двух дивизий из Бельгии в Петроковский район.

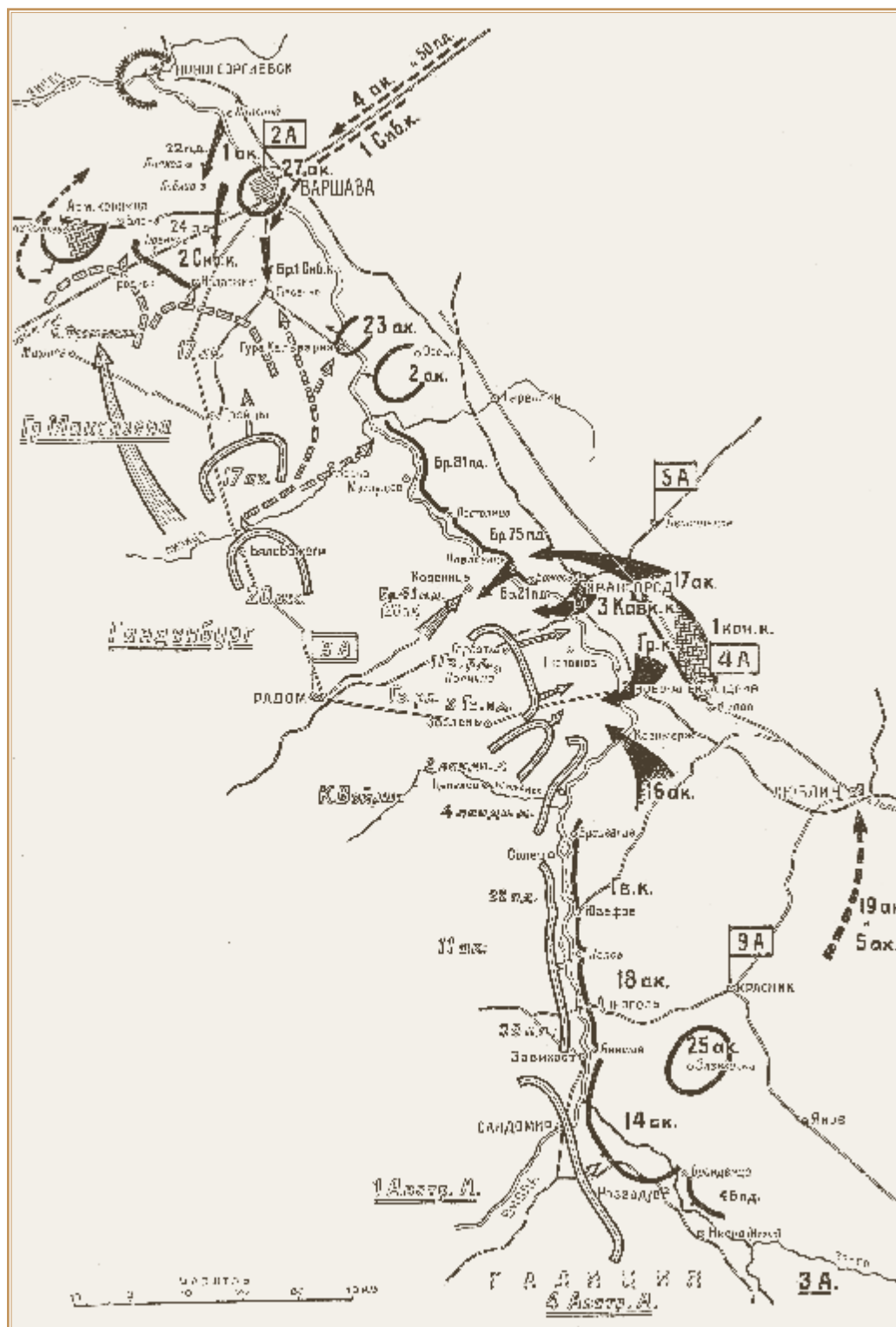

Схема 3. Положение противоборствующих сторон перед вторым наступлением 2, 4, 5, 9-й русских армий с 5 (18) по 9 (22) октября 1914 г.

ский егерский батальон и по одной бригаде от 20-го и 17-го корпусов. Против Ивангорода и южнее, по-видимому, части 11-го корпуса; наши корпуса понесли уже крупные потери вследствие крайне тяжелых условий борьбы и значительности сил, введенных противником в дело; нужно вводить в бой новые части, без которых дальнейшие успехи гадательны. Но вводить войска по частям едва ли целесообразно, противник сюда накапливает силы, не отвлекаясь на остальном протяжении; дальнейшая задача общего удара нам невыгодна; противник укрепляется, дает широкое развитие искусственным препятствиям, перед Ивангородом закладывается первая параллель, наш выход на левый берег реки занят противником. Необходимо не только ускорить переход к общему удару, но согласовать его по времени. Получена телеграмма генерала Бонч-Бруевича²³, что переправа генерала Плеве признается преждевременной, опасной, так как наши два корпуса у Козениц еще недостаточно утвердились на левом берегу и не выиграли пространства; предоставленные самим себе корпуса эти действительно не разовьют успеха и даже сами будут поставлены в тяжелое положение, ибо мосты Ивангородские и Паловицкий уже обстреливаются огнем тяжелой артиллерии. Относительно этих корпусов нужно принимать решение, вводить ли в бой остальные два корпуса 4-й армии или выждать, дабы не исчерпать окончательно силы этой армии до начала общих действий. Прошу сообщить для составления распоряжений, когда предполагается атака решительного характера под Варшавой, ввод в дело корпусов генерала Плеве, так как из распоряжений по соответствующим армиям определить этого нельзя. Главнокомандующий, лично ознакомившись с положением дел под Козеницами, приказал добавить ко всему изложенному мною его заключение; корпуса изнемогают у Козениц, нужно скорее решить, как поступить дальше, не откладывая более как на два-три дня; вводить в дело силы наши по частям нежелательно, опасно.

Алексеев

Варшавско-Ивангородская операция.

*Сборник документов Мировой империалистической войны
на русском фронте (1914–1917 гг.). М., 1938. С. 235–236*

²³ Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич (1870–1956) — генерал-майор, в 1914 г. генерал-квартирмейстер штаба 3-й армии, затем генерал-квартирмейстер штаба Северо-Западного фронта, в 1915 г. начальник штаба 6-й армии, затем начальник штаба Северного фронта, в 1916 г. начальник гарнизона Пскова. После февраля 1917 г. начальник Могилевского гарнизона. После занятия Ставки Красной гвардией в ноябре 1917 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего. Руководил обороной Петрограда от немецких войск в феврале—марте 1918 г. После подписания Брестского мира в марте 1918 г. вошел в состав Высшего военного совета.

Документ 6

**Переговоры коменданта Ивангородской крепости
генерал-лейтенанта А.В. Шварца²⁴ с М.В. Алексеевым о важности
обороны плацдармов на Висле²⁵**

8 (21) октября 1914 г.
Ивангород — Холм

Шварц: Сегодня утром Кавказский корпус занял Яникив и Словики. Я тотчас выдвинул 2 батальона для занятия ф[ортов] Сецехов и Бонковец и организовал усиленную разведку перед левым флангом. Вскоре выяснилось, что немцы оставили свои укрепления и отступают. Я выдвинул сначала мелкие части, а сейчас перехожу всем гарнизоном в наступление. Отряд сформирован из 4 полков с ротой саперов и дивизиона артиллерии, вперед выслал конную сотню пограничной стражи. Приступаю к восстановлению железной дороги для перевозки вслед за отрядом гаубиц; необходима скорейшая присылка конницы для энергичного преследования немцев и скорейшей переправы Гвардейского и 16-го корпусов, чтобы не дать немцам увезти

²⁴ Алексей Владимирович Шварц (1874–1953) — генерал-лейтенант, в 1914–1915 гг. комендант крепости Ивангород, затем комендант крепости Карс на Кавказском фронте, в 1916 г. начальник Трапезундского укрепрайона. В марте 1917 г. начальник Главного военно-технического управления, до марта 1918 г. руководил Северным участком завесы. После Брестского мира выехал на Украину.

²⁵ Весьма важное значение в ходе операции имели боевые действия, развернувшиеся в районе крепости Ивангород. Крепость, неоправданно «пострадавшая» от сокращения расходов на содержание крепостных «линий» в предвоенные годы, в первые месяцы войны была спешно укреплена и вполне подготовлена к обороне под руководством талантливого инженера генерал-лейтенанта А.В. Шварца. Предвиденные Алексеевым накануне войны возможности использования крепостной «линии» по Висле — Новогеоргиевск — Варшава — Ивангород полностью подтвердились в ходе боев в октябре 1914 г. Ивангород стал опорой, поддерживавшей занятые русскими войсками плацдармы на Левобережье Вислы. Прорвавшиеся к Ивангороду немецкие войска в течение 10 дней безуспешно пытались «сбросить» в Вислу переправившиеся русские корпуса. Особенно тяжелыми были бои на Козеницком плацдарме. Стойкость гарнизона Ивангорода сорвала наступательные планы врага. Несмотря на значительные потери, удары войск противника были успешно отражены. 5 октября русские войска перешли в контрнаступление по всей линии фронта. Алексееву удалось добиться последовательности ударов, при которой вначале контрудары наносились от Варшавы, а через несколько дней и от Ивангорода. Благодаря этому австро-германские войска не смогли добиться переброски сил по линии фронта, не удержали создаваемую ими линию обороны и начали общее отступление. Тактика нанесения последовательных ударов, удачно примененная Алексеевым, и позднее оказалась востребованной, уже в условиях «позиционной войны» в 1916 г.

тяжелую артиллерию. Вчера был дождь, дороги плохие; они не могли далеко уйти. Ожидаю Ваших распоряжений. Раньше не мог сообщить вследствие порчи линии.

Алексеев: Сегодня к вечеру в Ивангород прибудет Гвардейская кавалерийская бригада. К утру 9-го подойдет 13-я кавалерийская дивизия. Гвардейский корпус сегодня будет ночевать в 10 верстах от Ивангорода. Сейчас будет послано приказание направлять 16-й корпус в Павловице. Гренадеры могут перейти только завтра; нельзя ли поспеть устроить какой-либо мост у Ново-Александрии, чтобы перевезти скорее у этого пункта 25-й корпус и сюда же направлять 14-й? Все ваши действия вполне отвечают обстановке, прошу только выслать вперед подальше пешую разведку и особенно поддерживать связь с Кавказским корпусом. Свою тяжелую артиллерию немцы сняли дня два тому назад, ночью, на 6-е уже отходили постепенно назад их войсковые штабы. Конечно, нужно делать все, чтобы расшатать их при отступлении. Все сводится теперь к устройству переправ.

Шварц: Уже приступлено к устройству плотового моста у Ивангорода; если перевозить его в Ново-Александрию против течения, на это уйдет несколько дней. Не лучше ли навести его между Павловицами и Ивангородом, тогда он будет готов завтра, как прикажете.

Алексеев: 25-й корпус лучше поведем в Ивангород, 16-й переправится у Павловиц, гренадеры ушли далеко, они скорее наведут мост у Магнушев при помощи понтонных батальонов. Устанавливайте же плотовый мост в Ивангороде, чтобы быстрее переводить войска, предстоит производить облические движения, чтобы развернуть 9-ю армию на широком фронте, а мост у Юзефов необходим, но об этом будет заботиться генерал Павский²⁶.

Шварц: Слушаю, все будет исполнено. Прошу Ваше Высокопревосходительство доложить Главнокомандующему, что гарнизон крепости гордится, что выполнил задачу, возложенную Главнокомандующим, и сейчас энергично идет вперед, все время поддерживая связь с Кавказским корпусом.

Алексеев: Честь и слава Вам и Вашим молодцам. Все доложу. Доброго успеха.

Варшавско-Ивангородская операция.
Сборник документов Мировой империалистической войны
на русском фронте (1914–1917 гг.). М., 1938. С. 142–143

²⁶ Иван Владимирович Павский (1870–1948) — генерал-лейтенант, в 1914 г. начальник военных сообщений Юго-Западного фронта, в 1916 г. помощник главного начальника снабжения армий Юго-Западного фронта.

Документ 7

**Телеграфное сообщение М.В. Алексева Ю.Н. Данилову
о перспективах развития операций на Левобережье Вислы
и переходе в наступление в Галиции и Силезии**

№ 2370

8 (21) октября 1914 г.

Холм — Барановичи

Представляю общие соображения фронта. Новую оборонительную линию противника составляет дуга Торн, Познань, Бреславль, Козель, Краков, охватывающая с обоих флангов нашу армию, наступающую с востока. Линия эта богато оборудована рокировочными железными дорогами, облегчающими противнику широкое маневрирование. Северная часть дуги включает кратчайшие пути на Берлин, южная от Бреславля, Кракова — пути на Вену и на Берлин. Линия от устья Пилицы — на Петроков, Бреславль — делит район предстоящих действий на две равные части, как бы естественно намечаемые для действий Северо-Западного и Юго-Западного фронтов. Для первого предмет действий — Берлин, для второго — по обстановке — Берлин или Вена. Занятие армиями Юго-Западного фронта линии, примерно — Бриг, Освежим — обходит Карпаты и Краков, угрожает Вене и Берлину, обеспечивает Северо-Западному фронту прорыв линии Бреславль, Познань, Торн. Осью наступления армий Юго-западных является путь Завихост, Андреев, Щекоцины, Козель, разграничительной северной линией — река Пилица, Петроков, Бриг. Принимая во внимание замедление, неизбежное для Юго-Западного фронта для ближайшего времени, чтобы исполнить переправу через Вислу по малому количеству мостов и, соответственно, развернуть армию, первой частной целью нужно было бы поставить развернуть армии на исходной линии Бялобжеги, Радом, Седлец, Юзефов, Завихост. За это время, надо полагать, получит исход упорная борьба на Сане и южнее Перемышля. По выполнении этой задачи Юго-западные армии занимают следующую линию: Бялобжеги, Радом, Опатов, Барнаув, Ряшев, Дынов, откуда наступают на указанный выше фронт, имея 3-ю армию из 5 корпусов южнее Вислы, а 8-ю Блокадную назначая для наблюдения за Перемышлем, обеспечения со стороны Карпат и обязательных активных действий к стороне Венгрии. 5-я армия генерала Плеве связана неразрывными нитями с Юго-Западным фронтом, через него идут все ее

укомплектования, в нашем тылу разбросаны все ее тыловые учреждения, войска, возвращение этой армии фронту до крайности облегчит функционирование, дальнейшее оборудование тыла, восстановит прежнюю организацию из 19-го, 5-го и 17-го корпусов, не нарушит сложной работы по направлению пополнений.

Алексеев

Варшавско-Ивангородская операция.

*Сборник документов Мировой империалистической войны
на русском фронте (1914—1917 гг.). М., 1938. С. 306—307*

Документ 8

Телеграфное сообщение М.В. Алексеева Н.Н. Янушкевичу о ближайших задачах армий Юго-Западного фронта

№ 2615

15 (28) октября 1914 г.

Холм — Барановичи

Телеграммой № 5184 генерал Янушкевич указывал, в дополнение директивы № 5176/5177, на необходимость скорейшего выхода на указанный рубеж, не отрываясь правым флангом 4-й армии от 5-й армии. В пределах возможного указания будут выполнены, но считаю нужным доложить, что, помимо достижения известной линии, на армиях Юго-Западного фронта лежит ныне большая ответственная обязанность — помочь разрешить кризис на своем левом фланге на Сане и под Перемышлем, ибо без развязки дела там силы Юго-западных армий непомерно растягиваются на 300 верст, привлекаются к флангам, чем ослабляется центр и затрудняется маневрирование. Должен прибавить, что главная масса союзных сил находится, безусловно, против Юго-западных армий, с решением этими армиями их боевых задач приходится сообразовать дальнейшие предприятия; покончить дело с австрийцами необходимо; и потому необходимо, что тягучая борьба вызывает усиленный расход патронов, которыми мы не богаты. Если правое наше крыло будет отвлекаться к северу, то можем мы выделить на Сан, чтобы покончить дело с австрий-

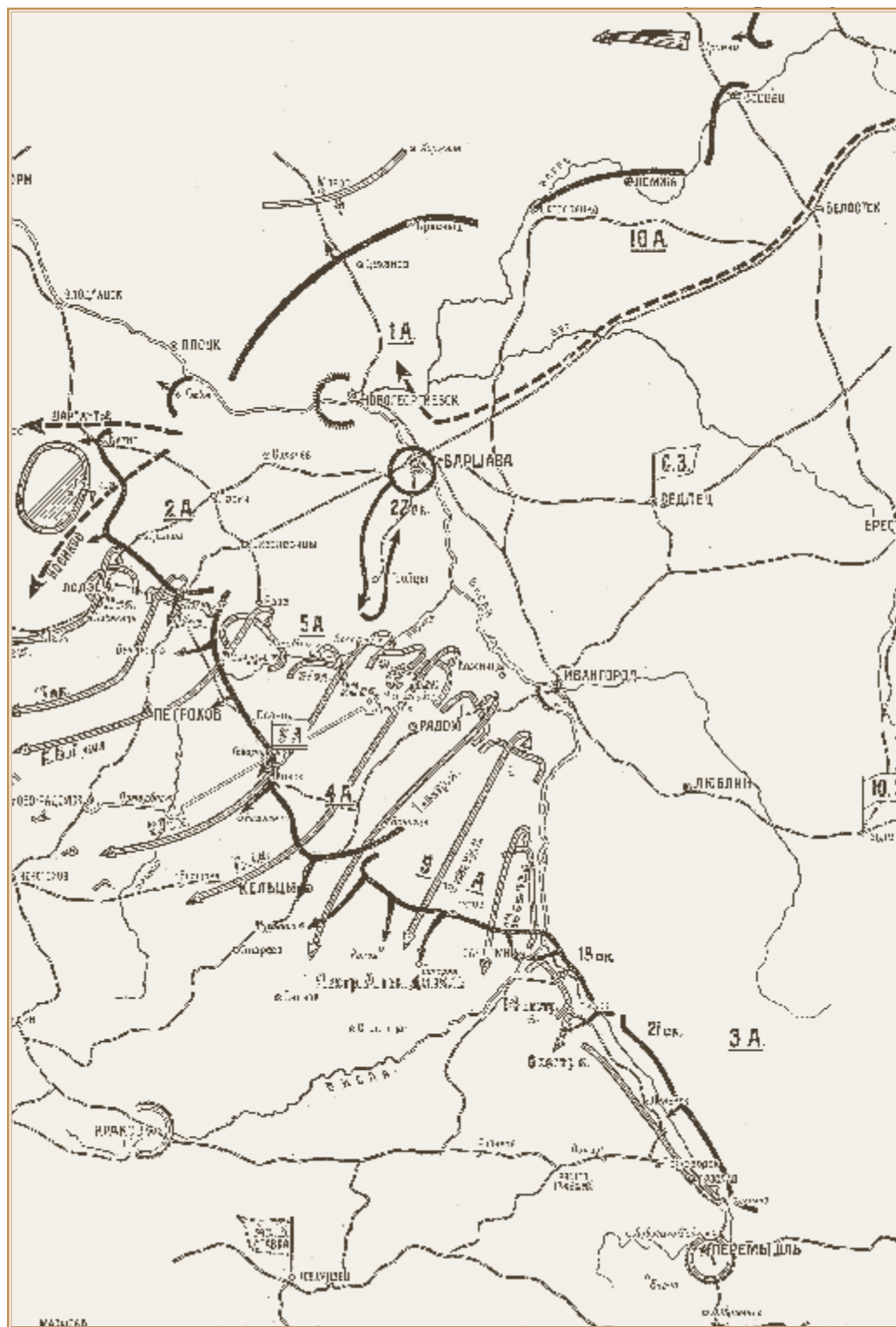

Схема 4. Отступление австро-немецких войск
и контрнаступление русских армий.
Октябрь 1914 г.

цами; теперь туда двинута часть 18-го корпуса, при недостатке придется направить и другую дивизию, ибо при близком соприкосновении с противником только победа решает бесповоротно вопрос занятия той или другой линии.

Алексеев

Варшавско-Ивангородская операция.

*Сборник документов Мировой империалистической войны
на русском фронте (1914–1917 гг.). М., 1938. С. 374–375*

Ключевые слова:

генерал М.В. Алексеев, Варшавско-Ивангородская операция, оборона Ивангорода, оборона Варшавы, контрнаступление Юго-Западного фронта, операции на Левобережье Вислы

The text and the introduction article prepared by
Vasiliy Z. Tsvetkov

THE STRATEGY OF THE WARSAW-IVANGOROD OPERATION

The document № 1 gives a strategic analysis of the situation on the Eastern Front in terms of the need to meet and negate the planned attack of the Austro-German forces aimed at Russian armies flanks dislocated in Galicia.

The document № 2 shows the plan of the Russian forces' defensive shift which was lined up with consideration of the further counterattack from Warsaw and Ivangorod Fortress on the left bank of the Vistula.

Document № 3 shows the planning specifics of the counterattack from the Warsaw region and the process of strategic army formation from approaching Siberian troops.

Document № 4 is dedicated to the discussions between the Russian commanders on the lines of the defensive forces.

Documents № 5–6 depict the Russian foothold on the left bank of the Vistula and shows the counterattack formation from Ivangorod.

Documents № 6–7 show the specifics of the possible development of the offensive on German and Austro-Hungarian troops from the left bank of the Vistula and the immediate tasks of those on the Southwestern front.

Вступительная статья, подготовка текста и комментарии:

Цветков Василий Жанович

доктор исторических наук, профессор
кафедры новейшей отечественной истории
Московского педагогического государственного университета

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Уважаемые авторы!

Журнал является научным, по тематике — историческим.

В редакцию журнала предоставляются три документа в отдельных файлах:

1. Статья (публикация источника, рецензия).
2. Аннотация к статье (публикации источника, рецензии).
3. Сведения об авторе.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Редакция журнала принимает все материалы (текст статьи, аннотацию, сведения об авторе) только в электронном виде в редакторе Microsoft Word (с расширением «.doc» или «.rtf») шрифтом Times New Roman без автоматических переносов. В имени файлов обязательно указывается фамилия автора.

СТАТЬЯ

Объем статьи — 1–2 авторских листа (40–80 тысяч знаков с учетом пробелов); шрифт (кегель) — 14. По согласованию с редакцией принимаются статьи и бóльшего объема. Обязательными компонентами статьи являются:

ФИО автора и заголовок статьи

О.А. Сухова

ГУБЕРНАТОРЫ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА
В НАЧАЛЕ XX В.

Ключевые слова (после статьи указываются 4–6 понятий, терминов, имен собственных, несущих в тексте основную смысловую нагрузку)

Ключевые слова: П.А. Столыпин, И.А. Блок, контроль за губернаторами, крестьянский террор.

Сноски

Оформление сносок:

1. Сноски в статье следует проставлять постранично («внизу страницы»), их нумерация должна быть сквозной (например, с 1-й по 32-ю); шрифт (кегель) — 12.
2. *Иванов И.И.* История европейских стран. — М., 2002. С. 14.
Для иностранных изданий: *Johnson J.* The History of USA. London, 2002. P. 14.
3. *Иванов И.И.* К вопросу о развитии европейских стран // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 1–11.

АННОТАЦИЯ

Аннотация с указанием названия статьи и фамилии автора представляется в отдельном файле (.doc или .rtf).

1. Название файла: «Фамилия автора — Аннотация».
2. Объем — 1500–2500 знаков с учетом пробелов.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

В отдельном файле (.doc или .rtf) должны содержаться:

1. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
2. Ученая степень, звание, должность и место работы (полное название учреждения, города, страны).
3. Контактная информация: адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы (служебный, мобильный), e-mail.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Публикация в журнале может сопровождаться иллюстрациями.

1. Иллюстрации и фотоснимки в электронном виде высылаются отдельными файлами:
формат TIFF или JPG;
размер не менее 2 Мб.
2. К иллюстрации необходима подпись с описанием события, объекта и датировкой. Также следует указать привязку иллюстраций к тексту статьи в отдельном документе (.doc или .rtf).
3. Редакция оставляет за собой право подбора или замены иллюстраций к статье.

Члены редколлегии в трехмесячный срок принимают решение о публикации присланного материала.

Материалы высылаются на электронный адрес: articles@historicalreporter.ru

ПОДПИСКА

Подписка на журнал возможна в любом почтовом отделении России и стран СНГ с любого месяца.

Наш индекс в каталоге «Почта России» — 83564.

Материалы журнала включены
в систему Российского индекса научного цитирования.

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Девятый том «Исторического
вестника» будет посвящен
общеисторической тематике

ПРОЕКТ РУНИВЕРС

Свободный доступ к материалам по отечественной истории и культуре

Тысячи дореволюционных книг и журналов

Старинные атласы с уникальными картами
русских земель и городов

Все дореволюционные военные энциклопедии

Полное собрание законов Российской империи

Собрание архивных документов

Это и многое другое вы можете найти на сайте www.runivers.ru

Книжная серия «Наглядная хронология»

Планируется выпуск следующих изданий:

От Руси к России (X-XVI века)

Рождение Российского царства

Россия в эпоху Смуты

Россия при первых Романовых

Россия при Петре Великом

Россия в эпоху дворцовых переворотов

Россия при Екатерине Великой

Россия в первой половине XIX века

Россия во второй половине XIX века

Россия в XX веке